

НА ПОЛЮСЕ ХОЛОДА

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Дорога	1
II. Общие сведения о Верхоянске	31
III. Первые впечатления	37
IV. Осень	46
V. Зима: а) начало зимы; б) полярная ночь; в) полярные сияния; г) жгучие морозы; д) конец зимы ...	49
VI. Весна	72
VII. Лето и незаходящее солнце	77
VIII. Верхоянские якуты	8
IX. Казаки, купцы, чиновники	101
X. Ссылные	110
XI. Возвращение	133

I. Дорога

Был восьмой час вечера. Мы сидели и мечтали о том, где нам придётся жить в ближайшее время о тех условиях, которые нас ожидают на этой далёкой окраине, куда мы наконец приехали после длинного и утомительного пути, растянувшегося у меня, например, почти на год. Многим из нас пришлось подолгу ждать отправки из Александровской пересыльной тюрьмы. Этапные партии в Якутскую область отправлялись только летом — три раза: в мае, в июне и августе. Зимние отправки в видах экономии были прекращены. К последней летней партии 1911 года я опоздал на шесть часов, и мне пришлось пробыть в Александровской тюрьме девять месяцев, пока 15-го мая 1912 года не была отправлена новая партия ссыльных. Сперва мы двигались, делая по 30-40 вёрст в день, по Братской степи, трясясь на телегах и бурятских одноколках «бедах». Потом в с. Качуге сели на «паузки» — плоскодонные суда, напоминавшие Ноев ковчег,

в которых плыли по р. Лене до с. Витима, где пересели на баржу. В Якутск мы прибыли 10-го июня, усталые, с глубоким отвращением и к обстановке и к той медлительности, с которой нас передвигали. В Якутске мы были отведены в полицейское управление и посажены в арестантския камеры. Хотелось поскорее добраться до места, освободиться от постоянных надзирателей и провожатых; хотелось почувствовать себя в обстановке, которая была бы больше похожа на нормальную. Мысль о том, что придётся, может быть, ехать ещё в течение многих недель дальше на северо-восток, в Верхоянский или Колымский округ, совсем не улыбалась.

Но неожиданно появилось начальство и стало объявлять «назначение».

Большинство ссыльных были распределены по Якутскому округу, и их вскоре освободили, но четверых — в том числе и меня — назначили в Верхоянский округ: троих — в самый Верхоянск, а меня — на 800 вёрст дальше, в Абый.

Никаких сведений о местности, куда нас отправляли, нам не дали, ограничившись сообщением, что если мы не хотим просидеть в тюрьме до зимы, то должны немедленно собирать свои вещи, так как пароход, с которым нам надо выехать, отходит в 10 часов вечера.

Мы знали, что нам предстоит длинная трудная дорога, для которой в течение двух часов в незнакомом городе вряд ли удастся купить всё необходимое, а невозможность выехать до зимы может быть только угрозой, но слишком хотелось поскорее попасть на место, и мы все согласились отправиться немедленно.

Потом мы поняли, что такая быстрая, неожиданная отправка, без предоставления возможности узнать подробно об условиях пути и будущего места жительства, могла входить в планы отправлявших нас. Она значительно ухудшала наше положение и была чревата очень скверными последствиями. Полицеймейстером Якутска был тогда господин, создавший себе «имя» в Белостоке во время погромов.

Своих денег у нас не было, но нам выдали по 15 рублей — пособие на месяц.

Встретив в канцелярии во время выдачи этих денег одного полицейского чиновника, я попытался получить от него хотя какие-нибудь сведения об Абые, но он ответил, что ничего не знает о нём.

— Но, может быть, у вас есть хотя карта Якутской области, и я смогу на ней найти Абый?

Нет, карты у нас не имеется. Простите, пожалуйста, мы не знали, что вы приедете к нам, и не озаботились получить нужные вам сведения.

— О, не беспокойтесь: я, понятно, не мог ждать от русских полицейских чиновников такой предупредительности, но лишь предполагал, что вы хотя что-нибудь знаете о той области, в которой служите.

Нам дали в провозатые нескольких городовых, и мы отправились за покупками.

Но я настоял сперва пойти на почту, чтобы получить письма, которые должны были быть там для меня, и дать телеграмму. Получить письма я не смог, несмотря на помощь самого начальника конторы, так как было уже поздно. Перед этим я не получал писем целый месяц, а из-за этой неудачи получение их откладывалось ещё месяца на полтора. Спросил об Абые и о том, сколько раз в год ходит туда почта.

— Один раз в год. Не чаще. Это очень далеко и в стороне от почтовой дороги.

Когда мы вышли, старший городской сказал мне:

— Не верьте им; в Абый почта ходит совершенно так же, как и в Верхоянск: два раза в месяц зимой и один раз в месяц летом; только приходит позднее, так как он дальше Верхоянска, недалеко от р. Индигирки.

Как оказалось потом, старший городской был прав.

Не теряя времени, мы отправились за покупками. Но что покупать? Нам не верилось, что на всём пути до Верхоянска нельзя ничего купить. У меня бывали случаи и раньше, когда мне приходилось выслушивать сообщения о том, что там ничего нельзя купить, — но на деле всегда оказывалось возможным достать необходимое, и я думал, что так же будет и на этот раз. Но наши

проводящие уверяли, что действительно до Верхоянска мы ничего не сможем купить.

— Даже хлеба?

— Даже хлеба, — говорил старший городской. — Там его нет и на Пасху, а вы хотите покупать его. У них и печей-то нет, где его печь. Вам надо купить сухарей, сушёного мяса и немного хлеба. Да, вот, покупайте торбасы, а то в своих ботинках не доедете.

Мы послушались его и пошли за ржаными и пшеничными сухарями; но купили и по несколько ковриг хлеба.

Я никогда раньше не видал сушёного мяса и не знал о способе его приготовления. Мне хотелось посмотреть его, но нигде в лавках, которые были ещё отперты и куда мы заходили, его не оказалось. Потом я видел, как оно висит по несколько недель на особых козлах, постановленных на крышах многих домов, подвергаясь действию солнечных лучей, ветра, дождей, снега, пыли и, как мне говорили, червей, разводящихся в нём. Заставить себя попробовать его я не мог.

Пришлось ограничиться копчёной колбасой, да кетовым балыком. Базарные лавки были уже закрыты и «торбасов» мы не смогли купить. Торбасы — или торбазы — испорченное якутское слово — этербес — обозначает очень плохую обувь из коровьей кожи, которую носят беднейшие якуты. Она без обычной у европейской обуви толстой подметки и очень быстро промокает даже от дождя при езде верхом. Лучшая обувь сары — из конской кожи, менее промокающая, сшитая почти так же, как и торбасы, с отворотами, отороченными плисом и каким-нибудь цветным — большею частью зелёным — сукном, были нам не по карману.

Все свои покупки мы сложили в мешки из-под муки. Наши проводящие скептически поглядывали на них.

— Ни к чему это. Не спасут вас мешки. Надо было бы купить хотя перемётные сумы.

Глубокой стариной повеяло от этих слов.

«Перемётная сума», употребляющаяся при езде на вьючных лошадях, сошла уже со сцены в культурных местах, и её название

употребляется там только иносказательно; здесь же она была необходимою вещью в дороге. Но и сумы не могли уже купить.

Все эти несколько необычные приготовления к дороге переносили в какой-то иной мир. Мы проходили как раз мимо здания Якутского музея, где в это время происходил концерт и из открытых окон слышна была музыка. Каким-то резким контрастом казалась она. Когда придётся услышать её опять и где? Я знал, что в Верхоянске я не услышу её.

Уже десять часов вечера, но на улице вполне светло. Начинает моросить дождь. Мы сидим со своими вещами около полицейского управления и ждём, когда явятся четыре казака, назначенные сопровождать нас до Верхоянска.

— Экий подлец, ведь, убежал-таки; отлынивает! — проговорил какой-то старик с седыми усами и щетиной на подбородке. На нём был сильно поношенный пиджачишко и мятая фуражка с красным околышем.

Это был казак Шершаков, один из наших новых провожатых. Он должен был разыскать другого казака, но тот, прослышав, что ему предстоит неприятное путешествие в Верхоянск, решил спрятаться, и Шершаков пришёл один.

— А вот и Кешку поймали, — сказал один городской, указывая на подходившего человека тоже в фуражке с красным околышем. «Кешка» был щеголеватее Шершакова. В нём было что-то лисье, хорошо замаскированное серьёзностью и деловитостью, но воинственного — так же мало, как и в Шершакове.

Третий казак — Васильев — молодой, с небольшими, несколько раскосыми чёрными глазами, худой, с тёмной кожей, давно уже вертелся в полиции. Это был тунгус, записавшийся в казаки и, очевидно, гордившийся своими красными погонами и околышем.

Решили отправить с нами вместо четырёх только этих троих казаков, попавших в очередь и не сумевших скрыться.

Погрузили на телегу вещи и отправились к пристаням. Дождик усилился; улицы были пустынные. На берегу одного из протоков Лены, где стояла пристань, было как-то неуютно, сыро. Перед пристанью толпилась небольшая кучка народа. Пароход «Лена»

продолжал ещё грузиться. Он шёл в Булун¹ и вёз скот и разный груз, отправляемый туда купцами, а также пассажиров, ехавших «на низ». Нам на нём надо было проехать вёрст 200, до устья р. Алдана, откуда начинается летняя дорога на Верхоянск.

И пассажиры и груз отправлялись не на самом пароходе, а на особой барже, которую он вёл за собою. Нам пришлось расположиться среди других пассажиров третьего класса, прямо на палубе. Лучшие места были уже заняты, и мы должны были лечь там, где не было даже боковых стенок, а от дождя защищала лишь крыша.

К пристани пришло несколько человек ссыльных, чтобы проводить нас. Проталкиваясь среди коров и быков, под их рёв и крики якутов, мы пытались перекинуться несколькими словами, но толку из этого получалось мало, и мы распрощались.

И вся эта обстановка и ближайшие перспективы создавали какое-то мрачное настроение. Отряд полиции, с полицеймейстером во главе оберегал сходни, а наши казаки уговаривали нас «далеко не отходить». Впереди на нашем пути ничего дорогого для нас не было, всё оно осталось далеко позади. И опять пришла в голову мысль о нелепости нашего путешествия. Так тянуло на юго-запад, и приходилось ехать ещё дальше на северо-восток.

Часов в 12 ночи пароход отошёл. Дождь усилился, и начался ветер. На наши места стало лить. Сделалось холодно. К нам на помощь пришёл один матрос, ссыльный кавказец. Он принёс брезент и завесил нас от дождя и ветра, и мы смогли кое-как устроиться среди ящиков и бочек, расположившись вперемежку со своими казаками. Но уснуть было трудно, так как кругом шло чуть не поголовное пьянство. Справляли своеобразное заговенье: мы, ведь, ехали туда, где и до войны была запрещена торговля спиртными напитками. Крики, ругань и ряд безобразных сцен не прекращались всю ночь.

К утру дождь прекратился, но ветер продолжал завывать. При дневном свете можно было лучше оглядеться и посмотреть на Лену и на окружающих людей.

В некоторых местах Лена разливалась как море, вплоть до горизонта. Но как-то не хотелось смотреть на неё, чужой, холодной

---

¹ Булун – небольшое селение в низовьях р. Лены.

казалась она; все мысли уходили на запад. Да и сама она не представляла уже интереса новизны. Берега её были совершенно безлюдны. Севернее Якутска, вплоть до Булуна по Лене нельзя встретить сколько-нибудь значительных селений, и нигде нет почтовых отделений. Таким образом письма, отданные мною почтовому чиновнику, ехавшему с почтой в Булун, могли быть отправлены из Якутска лишь по возвращении «Лены» туда, т.-е. не ранее как через 23 дня. Неприятно подействовал на меня этот факт. Сразу почувствовалась отрезанность от мира.

Несмотря на всю грязь, тесноту, прорывающийся в отверстие между брезентом и стеной ветер, расположившиеся на барже пассажиры чувствовали себя вполне уютно. Не менее взыскательными казались якуты, лежавшие в тесном соседстве с коровами и быками. Под навесом расположились счастливцы, успевшие занять лучшие места. Среди них были казаки и более зажиточные якуты. Они лежали на своих ящиках, обтянутых кожей, и дорожных двойных меховых мешках со своим добром. Резкий запах свежего навоза то и дело проносился по палубе, но большинство пассажиров совершенно не обращали на него внимания.

У одного из якутов я при помощи матроса-ссыльного купил себе торбасы и, как они ни были плохи, я не пожалел потом об этом. Товарищ этот оказал нам всем и ещё услугу: узнав о том при каких обстоятельствах мы выехали из Якутска, он, сговорившись с другими ссыльными и бывшими ссыльными, служившими на пароходе, преподнёс нам большой запас баранок и других продуктов и этим избавил нас от буквального голода, который грозил нам на дальнейшем пути.

После полудня ветер стих; появилось солнце, и стало тепло. Пароход сделал одну или две остановки в местах, где не было никаких признаков жилья, но к его приходу откуда-то появлялись люди, которые и помогали убирать выгруженные товары.

На одной из остановок я вышел с парохода. Небо было безоблачно; широко разливалась могучая Лена; воздух был чист, всюду много цветов, среди которых преобладал дикий лён. Казалось, что вся лужайка покрыта светло-голубым ковром. Это был мой первый, если

не вполне свободный, то почти свободный выход: наша стража уже не ходила за нами по пятам, Но, несмотря на это, получалось не ощущение свободы, а наоборот чувствовалось, что какая-то грандиозная стена отделяет меня от культурного мира. Но в то же время я испытывал прилив бодрости; я понял, что эта отправка «на край света» вызывает у меня желание выдержать её, не поддаться ей не оказаться побеждённым.

— Вот, посмотрите туда на восток, — сказал мне один из пароходных служащих, тоже ссыльный, когда пароход снова двинулся, — видите, синее над берегом? Это — Верхоянский хребет, а за ним ваш Верхоянск.

— А далеко ли отсюда до хребта?

— О, ещё далеко; вёрст двести.

Незадолго до прихода к устью Алдана пассажиры на барже засуетились. Стали распаковывать свои ящики и мешки; некоторые вытаскивали оттуда бутылки и полубутылки с водкой и допивали их содержимое; другие, наоборот, прятали их подальше. Река Алдан служит границей свободной продажи спиртных напитков; за ней в Верхоянском и Колымском округах запрещены особым законом ввоз и продажа спиртных напитков. Сделано это в целях защиты инородцев от эксплуатации скупщиков пушнины и других торговцев. Перед Алданом же происходит осмотр стражниками всех едущих дальше на север, отбираются, если найдутся, водка, вино и спирт. К сожалению, этот закон не достигает своей цели, и спаивание инородцев продолжается. Границы области, в которой запрещена торговля спиртом и спиртными напитками, тянется на несколько тысяч вёрст. И эти два стражника с конскими хвостами в руках, которыми они обмахивались от комаров, произвели на меня курьёзное впечатление, когда они явились на баржу для того, чтобы обыскать её. Вспоминалась западная граница с её многочисленной стражей чуть ли не восьми сортов и та масса контрабанды, которая провозится там, несмотря на всю «бдительность». Стражники нашли у некоторых якутов и казаков несколько бутылок водки и спирта, к великому огорчению их обладателей. Были обысканы и пароходные

служащие, и пароходный почтовый чиновник, и почтальон, который вёз почту в Верхоянск.

Потом я узнал, что большинство купцов в Якутской области — люди, нажившиеся именно при помощи спиртных напитков; что среди этих купцов мною бывших почтовых служащих. Торговля спиртом настолько процветает в «запрещённой» области и даёт такой обильный материал для всяких дел, что придётся ещё неоднократно возвращаться к этой теме.

Вскоре после осмотра пароход остановился опять. Мы вместе с нашими казаками, почтальоном и мировым судьёй с женой, только-что назначенным в Верхоянск, пересели с баржи на пароход, и он, отцепив баржу, пошёл к Коровьему Взвозу, стационарному посёлку близ устья Алдана. Не успели мы перебраться на пароход, как на нас напали комары, летавшие там в бесчисленном множестве. Те, у кого были сетки, немедленно их надели, но и они мало помогали.

Алдан, приток Лены, после Лены не поражает своими размерами, но это большая могучая река. Перед впадением в Лену она образует дельту со множеством островков и рукавов (проток, по местному). Выше она проходит через ряд препятствий и является в общем бурной, опасной, плохо исследованной рекой, но полезной в сношениях Якутской области с Великим океаном. Через неё в Якутскую область приходит (беспошлинно) чай и некоторые другие товары из Китая и Японии. Судоходство по нём развито слабо — за лето пройдёт два раза пароход да несколько паузков.

Пройдя вёрст семь, пароход начал давать свистки. Когда он подваливал, на берегу появились несколько человеческих фигур. Сперва трудно было разобрать, кто это — мужчины или женщины, так как у всех головы были покрыты платками. Когда пароход подошёл ближе, все фигуры оказались мужскими. Среди мужчин якутов и русских, живущих в Якутской области, широко распространён обычай покрываться платками. Он вызван необходимостью закрывать от комаров шею и затылок, а также большой дешёвизной платков, сравнительно с другими головными уборами.

Высадившись, мы отправились на станцию. Со словом «станция» у меня связывалось представление о посёлке; я думал встретить хотя бы несколько домишек, но в действительности оказалось не то.

Недалеко от берега стояла юрта, в которой жил содержатель станции, объякутившийся старик русский, длинная седая борода которого совсем не гармонировала с красным платком, которым была покрыта его голова. Подальше в лесу, на берегу небольшой мелкой речонки, притока Алдана, производящей в этом месте впечатление пруда, стояла станционная изба. Жалкий был у неё вид. Это был простой сруб, с насыпанной на потолок землёй, без крыши, с маленькими окнами. Внутри помещение разделялось двумя перегородками на три конурки; в углу стоял большой «камелёк». Камельком зовут в Якутской области камин, сложенный из жердей, обмазанных потом глиной, или из необожжённых кирпичей. Хотя постройка была новая, но стены её были уже закопчены.

— Это лучшая станция на всей дороге, — сказал казак Кеша, ездивший довольно часто по этому пути. — Здесь хотя стены прямые, а дальше и этого нет.

Сама местность тут недурная, но сырая — кругом болото, — и здесь такая масса комаров, какой я никогда ни раньше, ни позже не видел. Это действительно бич, от которого приходится буквально каждую минуту придумывать какое-нибудь средство. Всюду устраивают дымокуры из сухих листьев и навоза: их ставят около дома и в комнате. В лесу спасает только ветер; без сетки нельзя высунуть носа. Всякий, входящий в дом, должен недолго постоять около дымокура, разложенного около входа; но, несмотря на все ухищрения, ночью комаров набирается в дом так много, что уже не до сна. Измучившись в борьбе с этими маленькими кровопийцами, вскакиваешь и разводишь дымокур, а потом мучишься от удушливого, смрадного запаха, который начинает наполнять помещение и есть глаза. Не выдержав и этой новой пытки, отворяешь дверь, чтобы передохнуть, и битва с комарами начинается снова.

Нам пришлось просидеть на этой станции пять суток, так как лошадей по всей дороге на Верхоянск держат немного, и мы должны

были первую очередь уступить почте и мировому судье, которые подвигались очень медленно и лошади долго не возвращались. Делать было абсолютно нечего, гулять не давали комары, книг не было. Мы находились уже недалеко от полярного круга, и здесь в это время солнце стоит над горизонтом почти целые сутки. Но воздух и днём и ночью был затянут какой-то серой пеленой от комаров, от дыма, от испарений, подымавшихся с болот. Часов ни у кого из нас не было. Всё как-то спуталось; мы не знали точно ни дней недели, ни того — утро это или вечер. Впервые я почувствовал себя существующим вне времени. Такое состояние усугубляло чувство отрезанности, которое и без того создавалось обстановкой. Делалось понятным, почему люди, живущие так далеко, постепенно начинают считаться несуществующими.

Когда комары немного стихали, мы шли гулять к Алдану. Иногда брали лодку и переезжали через приток Алдана на другой берег, где стояла рыбацья хибарка и было немного посуше. Несмотря на всю суровость природы, чувствовалось с её стороны стремление приукраситься, и приходилось поражаться богатством цветов: всюду масса шиповника, красных лилий, ирисов, дикого льна, незабудок и других. Все цветы здесь развиваются пышно и достигают крупных размеров. Птиц было тоже очень много, но не было слышно их пения. Чувствовалась какая-то особая близость к природе; создавала её эта глушь, а подчёркивало — безлюдие.

Питались мы пока недурно: купили четыре большие стерляди за сорок копеек и сварили уху. Закупленный же нами хлеб, который успел подмокнуть на пароходе начал уже покрываться плесенью, и пришлось выкидывать его. Правда, выкидывать не буквально, так как живший при станции подросток якут быстро забрал его у нас, как только понял наше намерение, и с большим аппетитом съел. Казак Шершаков тоже был не особенно разборчив и ел хлеб с не меньшим аппетитом. Он всё время говорил нам, чтобы мы не бросали крошек и корок.

— Ведь, у якутов хлеба нет, это будет лакомством для них. Не беда, что хлебушко зацвёл.

Когда нам захотелось купить молока и мы пошли в юрту к содержателю станции, то это желание сразу исчезло: женщина, которая нас встретила там, была с ясно выраженными признаками сифилиса. И потом нам неоднократно встречались сифилитики. Эта болезнь распространяется здесь довольно широко и из-за отсутствия медицинской помощи, из-за малой брезгливости и чистоплотности якутов. Редко в каких семействах посуда моется — её обыкновенно вылизывают. Всякий, кто хочет полакомиться немного сливками, молоком, маслом, пускает в ход свои пальцы, облизывая их потом.

Медленно тянулось время. Мы начали уже терять на дежду на возвращение лошадей, думая, что с выехавшими раньше мировым судьёй и почтой произошло какое-нибудь несчастье. Каждый лишний день, проведённый на станции, увеличивал для нас возможность голода. Теперь было уже ясно, что купить по дороге действительно ничего нельзя. Запасы казаков были ещё меньше наших. И мы начали обсуждать вопрос о возвращении в Якутск. Казаки, за исключением Васильева, были тоже заинтересованы в этом: они теряли свои места из-за этой поездки. Один из них «Кеша» или Кешка» (Иннокентий) служил приказчиком у какой-то фирмы в Якутске и дорожил своим местом. А это путешествие не сулило ему пользы: оно захватило его врасплох. Сославшись на то, что недавно перенёс воспаление лёгких, он решительно отказался ехать дальше. Он был более толковым и опытным, и жаль было отпускать его, так как другие два казака совсем уже не внушали доверия. Тунгус Васильев — всю дорогу отравлял существование безобразными хулиганскими выходками. Старик Шершаков, отслуживший уже 25-летний казачий срок и теперь записавшийся из-за казачьего пайка вторично, недавно вышел из психиатрического отделения больницы и, хотя в нём не было ничего злого, но из-за своей беспамятности и недалёкого ума иногда был обременителен. Никто из нас не знал якутского языка, а среди встречавшихся нам якутов почти не было лиц, знавших по-русски, и нам приходилось пользоваться казаками, как переводчиками. Иной раз мудро было при их помощи достигнуть должного впечатления на якутов.

Правда, это происходило ещё и потому, что и мы, ссыльные, представляли собою отнюдь не однородную группу. Нас было четверо. Физиономии всех уже вполне определились для каждого из нас, так как все познакомились, ещё дожидаясь отправки в Александровской тюрьме. Создать дружную группу не было никакой возможности.

Наиболее «яркой» фигурой был некий Н-ов, сын русского жандарма, служившего в Польше, переделавший свою фамилию на польский лад и любивший называть себя К-вичем. До Якутской области он был выслан в Тобольскую губернию, откуда администрация в свою очередь выслала его за порочное поведение. Сам он говорил, что до высылки в Тобольскую губернию его обвиняли в принадлежности к польской социалистической партии («P.P.S.»). При приёме в Александровскую тюрьму, на вопрос помощника начальника тюрьмы, за что он был выслан из Тобольской губернии, он ответил:

За сопротивление северным властям!

Сколько потом ему ни объясняли нелепость его ответа, он не мог понять этого. Он знал, что Тобольская губерния на севере, и, делая отсюда вывод: администрация Тобольской губернии «северные власти», был глубоко убеждён в правильности своего умозаключения. Он был знатоком... цирковой борьбы, уголовного жаргона, и вообще за ним чувствовалось тёмное прошлое. Потом, в Верхоянске, он попался в краже из одной лавки медного котла, и население дало ему кличку «Котельников». В бытность его в Александровской тюрьме лучшая часть административных ссыльных, содержащихся там, бойкотировала его.

Во всей его фигуре чувствовался дегенерат. Грубый, не брезгающий никакими средствами в достижении своих целей, он очень скоро понял, что якуты не могут устоять перед его образом действий. Потом, перебравшись на время из Верхоянска в Устьянск и воспользовавшись страстью якутов к картёжной игре, обыгрывал их; вернулся он оттуда с довольно крупной суммой. В разговорах с посторонними он любил говорить: «мы, политические».

Вторым моим спутником был грузин Г. Мудренó было причислить его к какой-либо политической партии; сам он воздерживался от высказывания своих взглядов; правда, может быть потому, что он плохо говорил по-русски. Кавказская масса даёт много типов с благородными порывами, но и с большой неразборчивостью в средствах и отсутствием определённых убеждений. Г. был именно таким. В пути он примыкал к Котельникову, хотя очень часто ругался с ним, обвиняя его во всяких проделках. Впоследствии он отшатнулся от него окончательно.

Третий мой спутник, Б., для ссылки был случайным человеком. Хотя ему было уже года 23-24, но он производил впечатление совсем ребёнка, ничего не видавшего и ни о чём не слышавшего. Сколько я мог понять из его рассказов, он был жертвой господ в роде «учителей Перовской школы», о которой вспоминалось в процессе бывшего московского градоначальника Рейнбота. Кто-то его сперва подпоил, что-то обещал, потом принёс ему на хранение револьвер; в тот же день к нему явились с обыском и арестовали его, а в газетах было напечатано, что арестован такой то, «главарь шайки грабителей», а потом его отправили на 5 лет в Верхоянск. Сам он служил в одном из московских ресторанов погребщиком. Когда он был совсем юным, он был записан своим хозяином в члены «Союза Русского Народа». Стройный, с довольно тонкими чертами узкого лица, он поражал своими широкими руками, как будто взятыми им у кого-то напрокат. Своё пребывание на Алданской станции он ознаменовал тем, что, почти не умея обращаться с лодкой и несмотря на сильный ветер и быстрое течение Алдана, решил попытаться переехать его в небольшой лодке и едва не был унесён в Лену, к великому страху наших стражей, заподозривших побег.

Обо мне «в бумагах» было сказано, что я высылаюсь за принадлежность к Российской Социал-Демократической Рабочей Партии.

На Алданской станции началось моё освобождение, так как сопровождавшие нас казаки не могли изолировать нас от среды. Правда, эта «среда» состояла главным образом из комаров, но всё же тут была иная обстановка, чем в тюрьме. Я говорил себе: «должно-

быть, я всё-таки на свободе», но необходимость уверят себя в этом делала это сознание каким-то половинчатым. Сильнее лишь вспоминалось прошлое, пережитое до ареста, и хотелось поскорее пройти через все эти леса, горы, болота и снега и... вернуться.

На пятые сутки нашего пребывания на Алдане наконец раздался крик:

— Кони пришли!

Мы все ожили, стали быстро собираться и оставили свои планы возвращения в Якутск. Наша задержка объяснилась тем, что выехавшие вперёд нас мировой судья с женой и почта не могли быстро подвигаться, а ямщик, возвращаясь, не торопился и отдохнул в пути. Через несколько часов после приезда ямщика нам подали лошадей, и началась наша пытка.

№1. Вьючат лошадей при отходе почты из Верхоянска¹

От Алдана до Верхоянска нет колёсной дороги, и весь путь летом совершается верхами. Но так как число лошадей на станциях ограниченное, то только богатые люди могут ехать, не имея на той же лошади, на которой они сами едут, ещё и вьюков. Поэтому каждому из нас пришлось брать на свою лошадь все свои вещи. Груз получался не особенно тяжёлый, но громоздкий. Надо было связать все вещи в два одинаковых по весу тюка, скрепить их между собою и перекинуть через седло. Вот тут-то перемётные кожаные сумы и незаменимы по удобству: их легко перекинуть, и на седле они лежат ровно, не жмут, и я был очень рад, когда Кеша-казак, который решил

¹ Снимки, за исключением №№ 1, 17, 20 и 21, сделаны В.М. Зензиновым; № 21 — В. С. Войтинским; №№ 1, 17, 20 взяты мною с открыток.

вернуться в Якутск — одолжил мне на дорогу свои сумы. Хотя и они промокали у меня, но всё-же везти вещи в них было удобнее, чем в про стых мешках. Якутские сёдла очень примитивны и неудобны; их остов деревянный, и они очень высоки; стремяна на сыромятных ремнях прикреплены к седлу слишком близко к шее лошади, и потому ноги всадника касаются её передних ног. Якуты, как и все азиаты, ездят на коротких стремянах с согнутыми коленями. Каждый раз мне приходилось воевать и с казаками, и с ямщиками, чтобы заставить их удлинить стремяна. Само стремя большею частью деревянное и очень редко металлическое; иногда это просто толстый согнутый прут, в который едва просунешь ногу и который довольно часто разъезжается или ломается. Иногда якуты подвязывают лишь одно стремя.

Наконец вещи связаны и положены на «коней»¹. Надо садиться. Это оказалось не так просто, как сесть на обычное седло без вьюков. Один только наш грузин, ездивший на вьючных лошадях в Персии, сел без приключений, все же остальные своими неудачными попытками довольно долго смешили якутов и казаков.

Я много слышал о неудобствах и трудностях дороги на Верхоянск, но действительность превзошла мои ожидания.

Прежде всего был мучителен сам способ передвижения. От непривычки ездить на якутских сёдлах ноги отчаянно болели, и иной раз становилось прямо невыносимо. Вьюки постоянно съезжали и подталкивали ноги и, понятно, мешали придать им то положение, которое хотелось. Сперва я думал, что лучше последовать примеру якутов и поехать на коротких стремянах с согнутыми коленями, но увидал, что это ещё мучительнее.

Но хуже всего была сама дорога. Сперва она идёт через Алданский хребет с горы на гору, минуя довольно часто озёра. Местность тут сырая не только в долинах, но и на возвышенностях, и получается впечатление, что всё время едешь по болоту. Потом дорога подходит к Верхоянскому хребту, подымается на его склоны, обходит наиболее высокие его места, направляясь по долине р. Тумары, иногда отступая от неё. Тут приходится переезжать массу горных ручейков и

---

¹ В Сибири редко употребляют слово «лошадь».

речушек. Около границы Верхоянского округа достигается линия водораздела Ленского и Янского бассейнов, и начинается спуск. Отходя от Верхоянского хребта, дорога идёт дальше на север, переходит ряд горных довольно больших рек, идя иногда вдоль их, вступает в долины, образуемые хребтами Орулганом и Тас-Халхтахом, и, наконец, выходит на р. Яну. Общее её протяжение от Якутска до Верхоянска определяется официально в 812 вёрст, но вёрсты эти «муравьёвские», т.-е. каждая из них равна 1½ обыкновенным вёрстам¹; никаких точных измерений тут никто не производил, и всякий считает по-своему. Сами ямщики плохо знают даже приблизительное расстояние. Спрашиваешь ямщика:

— Далеко ли до станции?

— Пять вёрст. — Едешь час, другой — станции нет.

— Далеко ли до станции?

— Вёрст семь.

Станции находятся далеко друг от друга; самый меньший перегон — это 40 вёрст (официальных). Между станциями Мойской и Чахчур ещё не было промежуточной станции, которая есть теперь; между ними официально считали 80 вёрст, ямщики же определяли это расстояние в 100-120 вёрст. Такие перегоны делают необходимыми остановки в пути. Для них между некоторыми станциями устроены «поварни». Поварней называется небольшой сруб, низкий и грязный, без окон, с закрывающейся дверью, с приспособлением для очага и, в редких случаях, с камельком. Всюду валяются остатки пищи, кости, грязные тряпки и проч. Поварни настолько низки, что я не мог стоять в них во весь рост. Название этих лачуг происходит от того, что они предназначаются для варки пищи проезжими. Когда не было дождя, мы предпочитали устраиваться на открытом воздухе. Последнее, правда, приходилось делать очень часто, несмотря ни на какую погоду, так как на большинстве перегонов не было даже поварен.

---

¹ Вероятно, автор намекает на графа Н.Н.Муравьёва-Амурского, генерал-губернатора Восточной Сибири с 1847 по 1861 год. Подсчитано, что за это время по делам службы он проехал по Сибири и Дальнему Востоку 120 тысяч вёрст, несколько раз преодолел Аяно-Якутский тракт, совершил сухопутное путешествие на Камчатку, плывал по Амуру и Лене. — прим. OCR.

Станционные юрты в Якутском округе лучше, чем в Верхоянском, но в том и в другом они грязны и тесны. В Якутском округе — это прямостенные постройки, представляющие собою какую-то смесь между русской избой и якутской юртой, а в Верхоянском — простые якутские юрты с наклонными стенами, только несколько больших размеров, чем юрта рядового якута¹.

Эта дорога проведена в 1902 году вместо старой, которая шла более прямым путём через Верхоянский хребет; новая дорога проведена в обход очень трудного перевала. Этот перевал настолько труден, что с него людям приходилось спускаться на коленях, а для того, чтобы спустить нарту² с товаром, сзади неё впрягали по пяти оленей, которые с трудом сдерживали её.

Но трудно сказать, которая из дорог лучше — новая или старая.

— Ведь, вот, всё из-за них, проклятых, из-за купцов, мы и мучимся, — говорил Шершаков, когда нам приходилось особенно солоно. — Ведь, это они настояли, чтобы здесь проложили дорогу. Старая-то была куда лучше. Только один перевал и был трудный, а по таким болотам не надо было ехать. Тут, ведь, жителей больше, купцам-то и удобнее торговать, а оттуда-то далеко было ездить.

Не успели мы отъехать от Алданской станции нескольких шагов, как характер дороги уже определился. В сущности дороги в обычном смысле слова — нет. Это узкая, едва заметная тропинка через чащи, болота и горы, которую иногда совершенно не видно. Приходилось удивляться, с каким искусством её находили ямщики, а ещё лучше — сами лошади.

Первый перегон особенно утомил нас. Почти всё время приходилось ехать по узкой тропе через лесное болото. Тропа настолько узка, что часто ветви деревьев загораживают её совершенно. После дождя или росы это особенно неприятно; всё время ветви ударяют и задевают за вас самих или за вьюки, и очень скоро, даже при отсутствии дождя, вы промокаете. Прежде всего промокает обувь, так как, помимо сучьев, ноги касаются мокрой травы. Стремена начинают скользить; то и дело приходится их

---

¹ Подробное описание юрты в следующей главе.

² Лёгкие санки для езды на оленях и собаках.

поправлять. Комары носятся мириадами; они кусают в лицо, в шею, в затылок, в руки, ухитряются забираться даже за рубашку. Сетка в сущности является паллиативом; она лишь мешает дышать и окутывает всё в какой-то полумрак. Из якутов редко кто носит её, предпочитая обмахиваться особой махалкой, сделанной из конского волоса и являющейся летом обычной принадлежностью каждого якута. Ломаешь какую-нибудь ветку и начинаешь неистово стегать себя. Лошадь также вся покрыта комарами; морда её становится от них серой, — они забираются всюду; к ним прибавляются оводы, и бедное животное всё трясётся, бессильное против своих врагов. Усталость и раздражение всё растут, а внимание приходится напрягать всё больше и больше. То и дело попадаются ямы, наполненные водой, с вязким дном; всюду валежник, и всё это надо объезжать. Необходимо не отставать от ямщика, который едет впереди, а он все препятствия минует более удачно, чем неопытный ездок, и, понятно, выигрывает во времени. Приходится торопиться и ехать напрямик, чтобы сократить расстояние. Но часто вместо сокращения. получается новая задержка, так как, не зная каждого кустика и каждой трясины, немудрено застрять в них. Особенно скверно проявлять собственную инициативу в болоте. В первый же день мы были наказаны за это.

Когда, приблизительно через сутки, мы подъезжали к следующей станции (Сорданах), которая находится в 45 верстах от Алданской, нам надо было переехать довольно глубокое болото. Ямщик, оглядевшись, двинулся вперёд; казак Васильев сперва поехал за ним, а потом свернул в сторону; лошадь Котельникова, ехавшего за ним, также повернула; моментально тот и другой очутились в воде, в глубокой яме, куда лошади сперва не шли, и потом вдруг прыгнули, а их всадники перелетели туда через их головы. Грузин не захотел подвергаться той же участи и повернул лошадь в другую сторону, а я двинулся прямо, но оба мы также быстро очутились в воде, с тою только разницей, что принуждены были сползти с сёдел боком, так как иначе наши лошади упали бы, и мы рисковали быть придавленными ими. Все наши сумы и мешки с сухарями, баранками и хлебом оказались в воде, и так же по пояс стояли и мы.

Приехав на Сорданах, мы были рады отдохнуть, хотя в то же время хотелось ехать дальше. Но и на этой станции нам пришлось просидеть суток двое, так как ни лошадей, ни ямщика на ней не было: они ещё не вернулись.

Первой нашей заботой было раздеться и начать сушить одежду и припасы; потом заснули, как убитые.

Озеро, при котором стоит станционная юрта, довольно красиво, но так пустынно было на нём, и опять не трогала эта дикая красота. Я чувствовал себя после впечатлений от дороги отброшенным куда-го в прошлое. Хотя мне и раньше приходилось бывать в очень глухих уголках земли, но нигде я не чувствовал такого резкого контраста с тем, что было обычным для людей века железных дорог, трамваев, дирижаблей и аэропланов, как здесь. Тут нет простой телеги! Тут люди не привыкли к употреблению колеса! Это заставляло чувствовать себя живущим на несколько тысячелетий раньше, когда люди были ещё очень недалеко от своего первобытного состояния.

Вспоминается одна встреча на дороге. Проехав вёрст 10 от Алданской станции, мы встретили маленький якутский посёлок, состоявший из двух-трёх юрт. Когда мы подъехали к нему, из юрт вышли их обитатели. Одна старуха держала за руку девочку лет 4-5; девочка была совершенно голая. Я через казаков расспросил старуху, почему девочка без одежды. Оказалось, что она сирота, и купить ей платье некому. Из дальнейших разговоров выяснилось, что у якутов вообще не редкость, что маленькие дети ходят без одежды. Несколько баранок, данных девочке, привели её в восторг, хотя она боялась выразить его. Жаль было смотреть, как комары кусали её маленькое тельце, и как она с каким-то тупым равнодушием давила их на себе.

После этого посёлка мы долго не встречали никаких признаков жилья, кроме станционных юрт. Изредка жители стали попадаться лишь перед Верхоянском; несколько сот вёрст дорога идёт по совершенно необитаемым местам. Где-то там в горах кочуют тунгусы, но нам они ни разу не попадались, хотя мы встречали следы их стоянок — могилы, оленьи рога да пустые бутылки. Последние

свидетельствовали, что тут был купец и опаивал спиртом своих покупателей.

Чем дальше мы подвигались на север, тем более дикой становилась природа. Если бы раньше мне кто-нибудь сказал, что можно ехать по таким чащам и дебрям — я не поверил бы.

Выехав из Сорданаха, мы сейчас же попали под дождь и опять вымокли до костей. Дорога стала трудней, так как пошла по откосам гор, с которых стекала масса ручейков и речушек, быстро раздувшихся от дождя. Лошади очень скоро устали и медленно подвигались вперёд, скользя по валунам. То там, то здесь видны были остатки снега и льдов, лежащих по берегам р. Тумары, от которой мы были уже недалеко. Раньше дорога проходила ближе к Тумаре, но как-то весной с откоса сорвались почтальон с почтой и ямщик и погибли в реке. После этого дорогу провели выше, и это создало новые трудности. В некоторых местах дорога настолько круто подымается в гору, что приходится идти пешком. Спуски с горы также очень утомительны, особенно, когда кругом грязь, всё ползёт, а торбасы не защищают от камней и скользят.

Добравшись до станции Сегянь-Кель, мы опять принялись за сушку своих вещей и продуктов. Наши сухари и баранки намокли настолько, что пришлось подсушивать их на сковородке, но и это мало помогало. Хлеб весь сгнил, и мы перешли исключительно на подмоченные сухари и баранки. Но и их, а также других запасов было уже немного, и мы очень обрадовались, когда ямщик нам продал глухаря. Просидев тут ещё дня четыре, мы двинулись дальше.

Теперь мы были уже около Верхоянского хребта, и начался новый подъём, на этот раз более крутой и продолжительный. Чем ближе мы подвигались к Верхоянскому хребту, тем заметнее становилась разница в растительности. Сосновые леса уже пропали, лишь изредка попадались одинокие низкорослые сосны; берёза тоже встречалась, как исключение; стали преобладать лиственница, кустарниковый кедр да карликовые берёзы. На горах были только эти три вида. Потом всё чаще и чаще пошли места, покрытые мхами и лишайниками.

№ 2. Станция Нера зимой.

С наиболее высоких пунктов открывались картины, величественные по своей дикой красоте, но опять они как-то не трогали. Перед самой станцией Нера, дорога подходит к крутому обрыву, откуда расстилается широкая горная панорама; вдали видна р. Тумара, а под самым обрывом шумная Нера несёт свои голубые волны. Вспоминается Швейцария; это воспоминание поражает своей неожиданностью. Но и эти величественные горы, и эта красавица Нера не вызывают того настроения, которое обычно создаётся в горах, и именно не трогают. Смотришь на них и не воспринимаешь их красоты. Дикость местности так подчиняет себе, что ко всему иному остаёшься слеп.

На Нере нам пришлось просидеть несколько дней, ожидая лошадей. Снова мы сушились и долго отлёживались, расправляя свои измученные члены, и потом занимались починкой своих вещей и стиркой белья. Кроме стационарной юрты тут ничего нет, и нигде кругом не видно и признаков человеческого жилья. Дикость места и отрезанность от мира были подчёркнуты тут следующим фактом. У нас с собой было немного картофеля. Приготовляя себе обед, кто-то выбросил одну картофелину, оказавшуюся негодной. Мальчик якут, живший в юрте, увидел её и с криком прибежал в юрту, заявляя, что он нашёл какую-то чудесную вещь. Увидав, что именно поразило его, мы, понятно, рассмеялись. Оказалось, что он не только никогда не видал картофеля, но и не слышал о нём.

От Неры дорога идёт опять вблизи р. Тумары, приближаясь к перевалу. Растительность сделалась ещё мельче. Всё чаще стали попадаться ледники, из которых некоторые заканчиваются озёрами с вечным льдом. Лёд этот очень красив — чисто голубой, и издали его трудно отличить от воды, вблизи же видны его оттенки, и приходится поражаться его массивностью. Но и над ним вились комары, и создавалось какое-то странное впечатление, так непохожее на обычное летнее. Постоянный дождь и почти постоянное облачное небо, довольно резкий холодный ветер и абсолютное безлюдие окрашивали всё в какой-то серый утомительный цвет. Этому способствовало ещё и то, что над Якутской областью летом носятся облака дыма от лесных и болотных пожаров. Кроме того — это происходило летом 1912 года — в атмосфере было много вулканической пыли, носившейся после извержения на Камчатке. И даже тогда, когда выглядывало солнце, оно мало скрашивало, так как шар его казался красным, неярким. То и дело можно было видеть вокруг него круги Бишоп¹.

Как-то тихо, безмолвно было кругом, и не верилось, что было лето. Хотелось забыться, но это удавалось лишь тогда, когда ложился спать. В остальное время всегда что-нибудь отвлекало. То было необходимо напрягать всё своё внимание, объезжая какое-нибудь опасное место. То шёл дождь, то становилось холодно, и надо было принимать соответствующие меры. То между Котельниковым и Васильевым происходила какая-нибудь безобразная сцена, и они начинали ругаться, угрожая друг другу кулаками. То Васильев начнёт доводить до белого каления своими песнями. Репертуар у него был очень разнообразный. Он то горланил какую-нибудь частушку, то напевал фальцетом какую-нибудь бессмыслицу, то повторял чуть не всю обедню (раньше он был дьячком), то вдруг перескакивал на какой-то вальс: «очень любимый у нас, в Якутском клубе». Потом он внезапно оборачивался ко мне и спрашивал:

— В. П., что такое — социализм?

---

¹ Кольцо Бишоп — природный феномен, который возникает во время и после извержения вулкана. Преломляющийся сквозь вулканические газы и пыль свет образует вокруг Солнца красно-коричневые круги. — *прим. OCR.*

Переставал петь Васильев, запевал Шершаков, любивший петь «Лучинушку», потом затягивал Б.:

«Пускай могила его накажет».

Иногда они пели все одновременно, каждый своё. Но всех оригинальнее были песни ямщиков. Первый раз, когда мы с Б. услышали их, то не поняли, что это такое. Сперва подумали, что это жужжание пчелы или жука, но когда расстояние между нами и ямщиком сократилось, мы сообразили, что звуки исходят от него. Поёт ямщик якут постоянно, но это не обычная песня, которых в сущности у якутов нет, а импровизация, иногда просто однообразный напев без слов. Я попросил как-то Васильева спросить ямщика, о чём он поёт; ямщик засмеялся, но ничего не ответил, потом опять запел.

— Ну, о чём же он поёт?

— А вот, он поёт о том, как едут четыре русских; о том, что кругом стоят лиственницы, а впереди нас горы, — сказал Васильев.

Васильев, очевидно, говорил на этот раз правду. Якуты именно импровизируют о том, что находится перед их глазами. Некоторые из их импровизаций очень красивы и содержательны, но часто в них, кроме перечисления окружающих предметов, нет ничего.

На станциях и во время остановок в пути, когда лошади отдыхали, а мы пили чай и закусывали, пришлось ближе столкнуться с якутами. Моё первое впечатление от них было довольно благоприятное для них, потом, в Верхоянске, оно оформилось у меня, и подробнее я скажу о нём впоследствии. Сразу чувствовалось, что это дети природы, старающиеся быть себе на уме, очевидно обученные отношением к ним и купцов, и казаков, и администрации. Даже для наших казаков — таких жалких и беспомощных — якуты были существами низшего порядка. Вежливое обращение, какой-нибудь бескорыстный незначительный подарок производил на наших ямщиков впечатление чего-то неожиданного и необычного.

Недели через две после нашего выезда с Алданской станции мы достигли границы Верхоянского округа. Она находится недалеко от высшей точки перевала (4,496 футов) и обозначена небольшой железной вывеской, поставленной на столбах, с соответствующей

надписью; вокруг вывески деревянная ограда. Все, кто бы ни проезжал мимо — и якуты, и казаки, и многие из местной администрации (включая исправников), тут останавливаются и приносят «духу дороги» какую-нибудь жертву: несколько волосков из конского хвоста или гривы, лоскутки материи, ремешки, спички, деньги. Всё это или привязывается к ограде или бросается на землю. Когда я проезжал там первый раз, то около этой вывески лежал труп какого то животного (кажется, собаки), очевидно специально убитого: об этом свидетельствовал камень, лежавший на трупе. Административный пограничный знак таким образом стал местом жертвоприношения — якутским «обо»¹.

Дожди не переставали, дорога становилась труднее, особенно, когда мы опять попадали в болота, — некоторые из них достигали в длину десяти вёрст и более. В сущности они идут, не переставая, всю дорогу; редко, редко, когда удавалось выбраться на твёрдую тропку. Но за то какую радость приносила эта тропка, особенно, если можно пустить лошадей рысью. Это удовольствие изредка выпадало нам на долю уже ближе к Верхоянску. Большую же часть дороги мы шли шагом и иногда «хлынью», т.е. трусцой. Мучительна эта хлынь на якутском седле, хотя сами якуты большею частью ездят именно хлынью. Начинает болеть спина; иной раз кажется, что все внутренности выскакивают из вас. Но вот кончилась твёрдая тропка, и мы опять в болоте. Лошадь сразу настораживается и становится непослушной. Правда, в таких случаях лучше не править: она скорее нащупает верный путь. Напряжённое состояние достигает крайних пределов, когда усталая лошадь, вся издёргавшись, тоже начнёт нервничать и искать устойчивой почвы, кидаясь на кочки, особенно, если видит на них деревья. Иногда на кочке растёт два или три деревца, и всадник со своими тюками застревает между ними. Сойти с лошади, дать ей отдохнуть — нельзя, и приходится гнать её. Как ни выносливы якутские лошади, но и они довольно часто не выдерживают длинных перегонов между станками и не идут. Так случилось с нами перед станцией Хабахской. Нашему ямщику

---

¹ См. главу «Верхоянские якуты».

Обо́ — культовые места в культуре монголов, бурят, тувинцев, хакасов и других тюрко-монгольских народов Центральной Азии. — прим. OCR.

пришлось остаться и вести лошадь. Ямщик на этой дороге играет в сущности роль проводника: он всё время едет верхом впереди каравана, и без него легко заблудиться, даже зная общее направление дороги. Когда наш ямщик отстал, а дорога, которая сперва шла по длиннейшему болоту, вышла на горы и раздвоилась, то отправившиеся наугад Васильев, Котельников и грузин сбились и блуждали до тех пор, пока случайно не наткнулись на нас, ехавших по верному пути. Перегон этот был очень длинный, дождь шёл не переставая, на нас не было сухой нитки. Как ни плохо в юрте, но когда появились признаки станции и наши кони, почуяв её, побежали веселее, мы пришли в восторг и понеслись с мечтою об ярком камельке, о возможности обсушиться. Но нам предстояло разочарование. Когда мы вошли в юрту, то увидели, что в ней, пожалуй, дождь шёл сильнее, чем под открытым небом. Это объяснялось тем, что здесь перед этим шёл четыре дня дождь, и на земляной плоской крыше образовалась громадная лужа, вода из которой просочилась через землю и протекла внутрь. Мало было нам радости от такого «уюта». В довершение всего и сама юрта была грязная: пол земляной, а вместе с хозяевами помещались и телята. Сильнейший запах навоза, испарений, грязь, темнота и «внутренний» проливной дождь выгнали Б-ва и меня из юрты, и мы принялись устраивать её — чинить крышу и стены, обкладывая их корой с могучих лиственниц, которые растут около этой станции. Делали это мы ещё и потому, что узнали, что нам предстояло просидеть здесь несколько дней, может быть неделю, а то и больше, так как лошадей на станции не было, и они не могли вернуться из-за разлившихся и вздувшихся горных речек, которые лежали на нашем пути. Но наша починка не сразу принесла нам пользу, так как земля, напитавшись дождём, долго не могла высохнуть, и с потолка капель не прекращалась. Пришлось внутри юрты устроить нечто в роде палаток.

Через четыре дня вернулся ямщик, переплывший раздувшуюся реку на кое-как устроенном плоту. Он сообщил нам, что наиболее удобная дорога размыта, и что с нашими вьюками мы не сможем переправиться через все реки, которые нам встретятся на пути, пока

не спадёт вода. Дождь перестал, но можно было ждать, что он вновь начнётся, и, чтобы не упустить удобного момента, мы выехали к самому месту переправы, верстах в трёх от станции. Там мы прожили ещё три дня, следя за изменением уровня воды, устроив шалаш из ветвей. Такие случаи, когда приходится сидеть у вздувшейся речки по несколько дней, а то и недель, — заурядное явление на этой дороге. Купцы и люди более состоятельные пережидают непогоду в палатках, устраиваясь сравнительно с комфортом, расположившись на оленьих шкурах и греясь около железных печек, которые они возят с собою. Но у нас ничего этого не было, а в ямщицкой палатке устроились наши казаки. К счастью, дожди прекратились, и мы прожили эти дни, не испытывая особых неудобств. Наконец вода спала настолько, что, по мнению нашего ямщика, мы могли рассчитывать на удачную переправу. Сами эти переправы не представляют из себя ничего особенно страшного, но иногда бывают несчастия, когда или лошадь, не выдержав сильного напора воды, с шумом несущейся по камням, повернётся по течению, и её уносит на глубокое место, или у седока закружится голова, и он упадёт в воду, или просто лошадь свалит его, наткнувшись на камень.

— Держи коня немного против воды, да ноги-то вынь из стремян, а то не успеешь соскочить, когда лошадь попадёт в быстрину, и сломаешь ногу или захлебнешься, — учил нас Шершаков. — Да не отставай от ямщика.

Всё это заставляло быть осторожным, кроме того, не хотелось, чтобы опять всё вымокло. Но, в общем, переправа прошла благополучно, хотя в одном месте лошади немного плыли, и наши вещи оказались подмоченными. На этом перегоне надо переезжать речки по меньшей мере раз тридцать. В одном месте пришлось заночевать, так как ливнями и разливом речек смыло старую дорогу, и надо было искать другую, чего ямщик не решался делать ночью. На другой день мы долго блуждали, пробиваясь среди чащ и массы нанесённого валежника, который в некоторых местах делал путь совершенно непроходимым. Несколько раз мы натыкались на места, где только-что обвалились подмытые берега реки, по которым проходила дорога, и надо было искать объезда. Один раз, в тот

момент, когда моя лошадь прыгнула с берега, он обвалился. Дорога шла или вдоль речек по валунам, где лошадям приходилось ступать очень осторожно, или через речки, или же среди зарослей тальника по берегам. Иногда тальник чередовался с великолепными тополями, могучими и высокими, наполнявшими воздух своим ароматным запахом. Но это была последняя улыбка природы. Дальше, переехав реку Билир, уже не встречаются тополя, и всецело господствуют лиственница, тальник и кустарниковая берёза. Нет даже кустарникового кедра, а сосна и ель давно исчезли. Нет и тех могучих лиственниц в несколько обхватов толщиной, высоких и стройных, какими мы любовались у Хабахской станции. Их сменяют низкорослые, корявые деревья. На пути ещё больше валежника, чем раньше, и видно, что здесь дерево пускает свои корни не вглубь, так как туда не позволяет им проникать вечная мерзлота, а в стороны близ поверхности почвы. Естественно, что при таких условиях дерево легко поддаётся напору ветра и падает.

Ещё несколько раз поднялись на довольно высокие горы, полюбовались красивой панорамой и спустились в долину Яны.

Новым признаком приближения к полюсу холода были трещины, покрывающие землю в некоторых местах частой сетью. Они образуют довольно правильные фигуры и свидетельствуют о том, как часто тут зимой трескается земля¹.

Стали наконец попадаться признаки человеческих жилищ помимо станционных юрт и наконец — самые жилища.

Признаками этими были табуны лошадей, пасущиеся на лугах, сенокосы и коровы.

Якуты держат свой скот почти исключительно на подножном корму. Зимой и лето лошади и коровы ходят в лугах и лесах. Коровам ещё дают зимой сена, но лошадям — в виде редких исключений. Лошади, ведя такой образ жизни, становятся полудикими, и когда в начале лета их ловят и седлают, то не так-то легко с ними справиться. На некоторых станциях нам подавали таких лошадей; они упорно рвались в луга и опрокидывали всадника.

---

¹ Сравни «шестигранную мостовую» у О.Норденшельда «Полярный мир».

Сама якутская лошадь невысокого роста, с очень длинной шерстью, производящая впечатление очень толстой, неуклюжей. За самыми редкими исключениями, все лошади белой масти. Якуты считают позором ездить на кобылицах, и они всё время в лугах и лесах. Много раз мне приходилось видеть табуны, среди которых можно было встретить кобылиц с удивительно пышными и длинными хвостами, волочащимися за ними, как шлейфы.

Наконец стали попадаться и люди, стоявшие с косами за работой. Правда, их было мало, но всё же было приятно видеть хотя незначительный признак культуры. Но косцы стояли иногда по колено в воде, и косили они осоку и другие болотные травы...

Начали встречаться и отдельные юрты, в которые мы заезжали, чтобы напиться чаю и закусить.

Новым признаком близости Верхоянска и более «густого» населения были следы лесных пожаров.

И без пожаров непривлекателен вид полярного леса. Низкорослые, корявые деревья редко достигают сколько-нибудь крупных размеров. Всюду валежник, загромождающий путь, и нет в нём той живости, ясности и бодрости, которые чувствуются в нашем лесу; наоборот, есть в нём что-то гнетущее. Это гнетущее переходит уже в безотрадное в тех лесах, которых коснулся пожар. На долгие годы места, где стоят они, обрекаются на безжизненность. Деревья гибнут, но падают не сразу, а дожидаются, когда тот или другой порыв ветра срывает их. Едешь по такому лесу, как по кладбищу, где всюду не зарытые в землю покойники. Пожар отогревает мерзлоту, и сразу получается больше влаги, чем было раньше, а деревья, пострадав от пожара, не могут уже взять того количества влаги, которое они брали раньше. В результате получается избыток её, а вместо сравнительно сухой местности — болото.

Наконец мы уже близко от Верхоянска. Перевалили ещё через несколько гор, нагладелись на куропаток и зайцев, то и дело выскакивавших из-под наших ног. В Васильеве ярко проявился охотничий инстинкт, и он бросался на куропаток и их цыплят буквально, как собака. Ему удалось поймать одного цыплёнка, и он прокусил ему череп.

Было начало июля, обычно самое жаркое время года, но чувствовалось, что стало холоднее: полюс холода уже давал себя знать. В ночь с 11-го на 12-е июля старого стиля — светлую как день — было настолько холодно, что у меня на усах образовались маленькие ледышки, и нам попадались небольшие замерзшие лужицы. Приходилось одеваться потеплее.

Наконец вот и Яна. Остаётся переехать её, а там до «города» всего 10 вёрст.

Подъехав к берегу, мы начали вызывать перевозчика. Долго нам пришлось покричать, прежде чем перевозчик Роман, высокий, сильный якут, хорошо говорящий по-русски, появился и перевёз нас.

Зашли к Роману в юрту. Как сам перевозчик, так и жена его производили впечатление городских людей. Это казалось странным, неожиданным; но, очевидно, более частое общение их с вольными и невольными жителями Верхоянска наложило свой отпечаток на них. Роман гостеприимно принял нас. Ни за что не хотел брать с нас денег, хотя назвать его человеком зажиточным было нельзя.

И этот приём, и довольно красивая местность вокруг Романовой юрты сглаживали то настроение, которое создалось дорогой. Невольно думалось, что те условия, которые ожидают нас в Верхоянске — а у меня была надежда не ехать на Абый и остаться в Верхоянске — будут лучше тех, которых мы встретили по дороге. Что может быть «не так страшен Верхоянск, как про него рассказывают».

Опять поднялись на невысокий хребет, идущий вдоль Яны, и скоро увидели «город» Верхоянск. Сперва мелькнул крестик маленькой деревянной церковки, потом показалось несколько крыш, а дальше шёл ряд юрт, издали напоминавших не то пороховые погреба, не то — навозные кучи.

Приехали.

Это было ровно через месяц после нашего выезда из Якутска — утром 12-го июля 1912 г. — и почти ровно через год после отправки меня из Тулы, откуда я выехал 23-го июля 1911 года.

II. Общие сведения о Верхоянске.

Верхоянский округ занимает пространство в 935,000 кв. вёрст; населения в нём было в 1897 г. 14,258 ч., а в 1911 г. 15,633 человека, т.-е. по 0,02 на 1 кв. версту.

«Город» Верхоянск лежит по 67°33' сев. широты и 133°24' вост. долготы (от Гринвича). Он восточнее Владивостока и севернее всех сибирских городов.

От Верхоянска до Петрограда считается 8937 вёрст, но на самом деле это расстояние гораздо больше. До ближайшей телеграфной конторы (т.-е. до Якутска) самым скорым зимним путём 8 суток езды, обычно же едут зимой 10 суток, а летом от 15 до 30 и более. Ближайшей от Верхоянска железнодорожной станцией надо считать Иркутск, до которого — 3581 верста (официальных).

Годовая температура Верхоянска — 16,2° С¹.

Казачий острог первоначально был заложен в 1638 году на р. Дулгалахе, в 100 верстах на юго-запад от нынешнего Верхоянска. Впоследствии он был перенесён под названием Верхоянского Зимовья на левый берег Яны. В 1775 г. для удобства сбора податей здесь учреждено комиссарство, причисленное к Якутской провинции, а в 1822 году, после того, как в 1805 году был оставлен за штатом г. Зашиверск², сюда перенесено управление округом с наименованием нового места окружным городом Якутской области³. В конце первой половины XIX ст. из-за обвалов берега, подмываемого Яной, городу стала грозить опасность, и он был перенесён на правый восточный берег, на то место, где он стоит теперь. На левом (западном) берегу место было удобнее и лучше защищено от ветров. Следы старого города видны до сих пор.

Яна — довольно большая река; от её истоков до впадения в Северный Ледовитый океан считается 1150 вёрст. Понятно, это определение нельзя считать точным. Река эта очень мало обследована и нанесена на карту лишь приблизительно. Некоторые

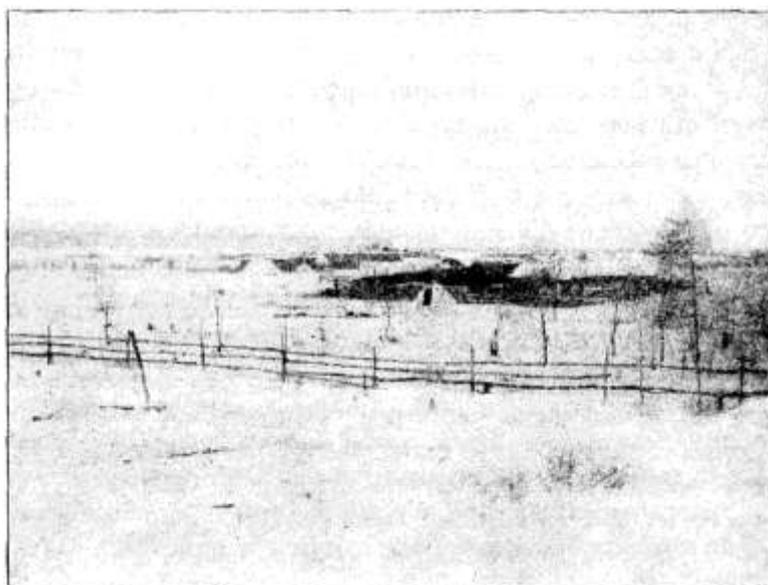
¹ Классовский: «Основы метеорологии», стр. 105.

² Хотя Зашиверск много лет не существует, и там, где он был, не живёт ни одного человека, на многих картах он почему-то обозначается. Он был в 700 верстах от Верхоянска, на р. Индигирке. В 1783 г. Зашиверск был сделан уездным городом Иркутского наместничества, тогда в нём было 30 дворов: потом он вымер от оспы.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона.

из местных жителей утверждают, что в сущности Яна является притоком р. Адычи, а не наоборот, как это считается официально. В Верхоянском округе нет ключей, как и в большинстве других мест Якутской области, и уровень воды в реках зависит от дождей и таяния снегов. Он очень часто меняется и у Яны, и она то раздувается и почти выходит из берегов, то мелеет. Под Верхоянском берега Яны вязкие, глинистые. Долина, по которой течёт Яна, лежит между двумя невысокими хребтами, и Верхоянск кажется окружённым со всех сторон горами.

По переписи 1897 года в Верхоянске было 59 дворов с 356 человеками населения, из которых 177 ч. было мужского пола и 179 — женского, а в 1911 г. в нём было 450 человек жителей. Хотя с того времени в Верхоянске прибавилось несколько юрт, но его население, если и увеличилось, то незначительно, так как ряд юрт пустует. (Любопытно отметить административный курьёз. Официально Верхоянск можно считать городом без жителей, так как верхоянские мещане живут на расстоянии 2000 верст от Верхоянска в Русском Устье на р. Индигирке и никогда никто из них в Верхоянске не бывал¹, живущие в нём якуты числятся в Верхоянском улусе, чиновники же и купцы — народ приезжий. Даже среди казаков — их всего человек 20 — много прикомандированных из других мест.)

№ 3. Вид Верхоянска с северной стороны.

¹ О Русском Устье и его обитателях см. интересную работу В.М.Зензинова — Русское Устье. Старинные люди у холодного океана. Москва, 1914.

Название «город» не подходит к Верхоянску; не вяжется с ним и слово «деревня». По внешности самая плохая русская деревня выглядит лучше его. Это — якутское зимовье, куда были перенесены административные учреждения округа, почти безлюдное летом, когда якуты уходят в летники на сенокос.

После длинного утомительного пути по безлюдной местности Верхоянск должен был бы вызывать впечатление хотя бы плохенького культурного центра, но он не вызывает его. Наоборот, сразу чувствуется его жалкий вид, его заброшенность. Глаз ищет обычных признаков культуры и не находит их; останавливается сперва на церкви, носящей громкое название Верхоянского собора, но сейчас же замечает, что это — маленькая деревянная постройка, на которую в другом месте не обратил бы внимания. Потом замечаешь дома русского типа, которых не было видно всю дорогу, но их всего шесть: полицейское управление, школа с пансионом, квартира священника, больница, квартира врача. Опять в другом месте эти дома не привлекли бы к себе особого внимания: это небольшие, обыкновенные деревянные дома в один этаж с тесовыми крышами; но здесь они выделяются на сером однообразном фоне юрт и построек смешанного типа.

Но и юрт тут немного: их не больше полусотни. Из юрт и построек смешанного типа выделяются, поражая в то же время своею мизерностью: три лавки, почтовое отделение, камера мирового судьи, квартира исправника, сифилитическая больница и Верхоянская улусная инородная управа. Последняя производит сравнительно благоприятное впечатление: она окружена хорошим плетнём, а во дворе её растёт несколько лиственниц, придающих ей вид некоторой уютности.

Все юрты и дома не составляют улиц и расположены без всякого плана. Кое-где есть некоторые намёки на улицу, особенно около церкви, где находятся школа, больница и полицейское управление. Направление «порядков», в которых стоят юрты и дома, определяется дугообразными грядами, которые, чередуясь с небольшими впадинами в несколько сажен шириною, покрывают

собой долину Яны, создавая нечто вроде амфитеатров¹. Все постройки в Верхоянске стоят именно на таких грядах.

№4. Вид Верхоянска с южной стороны. Налево — квартира врача

Давая описание внешнего вида Верхоянска, нельзя не упомянуть о «евражках», зверьках из семейства сусликов, бегающих там всюду. Несмотря на то, что с евражками ведут постоянную войну и дети, и взрослые, в Верхоянске их всегда очень много. Около каждой юрты находится по крайней мере с десяток, а то и больше нор этого грызуна. Много нор и на всех лужайках, отделяющих юрты друг от друга. То и дело раздаётся их характерный писк; всюду они сидят на задних лапках, поворачивая свои головки, то приподнимаясь, то опускаясь. С первого взгляда эти зверьки не вызывают того отвращения, которое чувствуется к ним потом. Есть в них что-то гадливое. Местное население относится к евражкам с отвращением, но некоторые из беднейших якутов употребляют их в пищу.

Недалеко от полицейского управления, в одной из впадин, есть маленькое озеро «Байкал»; в юго-западном конце посёлка — тоже во впадине — другое озеро «Сорданах»². За первым «Сорданахом» идут, чередуясь с грядами, покрытыми жиденьким лесом, ещё четыре или пять «Сорданахов» и наконец — Яна. Около Верхоянска протекает маленький приток Яны — Хапталах, и есть ещё несколько озёр.

¹ См. главу «Весна».

² Слово «байкал» означает «море», а «сорданах» — «щучье» (озеро).

Всюду по долине разбросаны болота, подступающие к Верхоянску вплотную.

С севера, с юга и запада Верхоянск соприкасается с лесом. С востока его отделяет от леса Хапталах и болото, но и с этой стороны до леса недалеко. Северный и южный конец Верхоянска как бы входят в лес: несколько юрт расположены уже в лесу.

Вокруг Верхоянска много кустов шиповника, чёрной смородины и «охты» (ягоды её похожи на очень крупную чёрную смородину). Всюду много голубики, брусники, княженики. На горах в некоторых местах очень много красной смородины и попадает малина.

№ 5. Северный лес.

Вся долина покрыта низкорослой лиственницей; по берегам Яны растёт кустарниковый тальник. Тут уже «край лесов», деревья низкорослые, тонкие, перекрученные ветрами и морозом. На горах, окружающих Верхоянск, лес лучше, там деревья и выше и толще; попадают берёза и ольха, которых нет в долине; цветов там также больше; есть, например, фиалка и гвоздика, которые внизу не встречаются. Лишь на значительной высоте растительность становится такой же, как в долине. Объясняется это очевидно тем, что тёплые воздушные течения скорее достигают гор, и тем, что почва на их склонах обогревается лучше.

Первые попытки сеяния злаков в Верхоянске делались в 80-х годах прошлого столетия якутом Н.И. Гороховым, но попытки эти успеха не имели. За последние годы они были возобновлены

дельцом учителем, который заботился больше о собственной рекламе, чем о реальных результатах, и серьёзными его попытки назвать нельзя. На склонах гор злаки не сеял никто. Что касается овощей, то большинство их вызревает здесь недурно, за исключением огурцов и капусты, которая тут не завивается в кочны.

Охота около Верхоянска плохая. Ни ценного зверя, ни ценной птицы вокруг его нет. В громадном количестве там водятся лишь зайцы, да много полярных куропаток. Встречаются волки и медведи, но в небольшом числе. Зайцы подбегали к самой моей юрте: я очень часто видел их следы около неё. На ближайших же горах склоны были прямо утопаны ими. Охотники, которые иногда устраивают на зайцев облавы, считают свои жертвы сотнями¹. Полярные куропатки также подлетают к самым юртам, и их ловят петлями Песцов, горностаев, соболей, рябчиков, тетеревов нет вблизи Верхоянска. Слишком сильные морозы гонят от него всё живое. В середине зимы там не видно буквально ни одной птицы; нет даже воронов, которые видны в начале зимы и в конце её. Снегири, синички в середине зимы также исчезают. Правда, тут вообще мало птиц, и совсем нет многих, с которыми сжился житель средней полосы России. В Верхоянске нет ни ворон, ни галок, ни грачей, ни голубей, ни воробьёв и зимой царит мёртвая тишина. И эта тишина, и жалкий лес, и болота, и юрты, среди которых много полуразрушенных, несмотря на некоторые довольно красивые места, создают какой-то серенький, мертвенный тон. Во всём окружающем как-то не чувствуется жизни. Отсутствие элементарных культурных условий, иногда полное безлюдье усиливают это впечатление. За ближайшими болотами, лесами и горами опять болота, леса и горы. Они уходят в беспредельную даль, и нет через них проезда ни пешему, ни конному. Мысль об этом не даёт забыть об отрезанности от всего мира. Часто, особенно весной и летом, нет возможности ни выехать из Верхоянска, ни приехать в него. А большинству людей, живущих в Верхоянске, нет никакого дела до происходящего где-то там далеко. Их мир мал; для некоторых из них он кончается горами, видимыми на горизонте. Для

---

¹ Такие облавы делаются опять-таки не около самого Верхоянска, а верстах в ста от него.

большинства даже такие сравнительно близкие города, как Якутск, кажутся чем-то таинственным, существующим лишь в мечтах.

Эта отрезанность от мира, эта заброшенность Верхоянска особенно резко чувствуется с гор, окружающих его, когда смотришь с них на долину Яны. Стоит подняться очень невысоко, чтобы «город» почти исчез из глаз. Далеко видны горы; петлями, как змея, лежит Яна, в нескольких местах блестят озёра, над многочисленными болотами стоит дымка тумана. Взглянешь под ноги, начнёшь искать Верхоянск и долго его не находишь, хотя знаешь, что он должен быть туг. Спустишься пониже и увидишь ряд разбросанных точек, напоминающих какие-то бесформенные кучи — это юрты. Невольно думается, что если бы вот сейчас тут кто-нибудь пролетел на аэроплане, то нет сомнения в том, что он не нашёл бы Верхоянска, затерянного среди болот, озёр, гор и жалкого леса.

Здесь не только «край лесов», но и «край жизни».

III Первые впечатления.

Как я уже говорил, мои первые впечатления от Верхоянска не оправдали даже тех скромных ожиданий, которые были у меня.

По приезде в Верхоянск, мы направились в полицейское управление, где и были освобождены исправником. Исправник согласился не отправлять меня в Абый до зимы, и таким образом я стал верхоянским жителем¹.

Покончив с формальностями, мы отправились разыскивать ссыльных и знакомиться с ними. Проводить нас вызвался один казак.

— Ну, где же ваш город? Где же его центр? — спросил я его.

— Да вот это самый центр и есть, — ответил он, указывая на несколько юрт, число которых не достигало и десяти.

Опять шёл дождь; мокрые стены юрт выглядели совсем неприглядно.

---

¹ Абый лежит при озере того же имени, верстах в 30-ти от р. Индигирки, От Верхоянска до Абые считается 800 вёрст (официальных). Это — посёлок состоящий из церкви и трёх юрт. Сведения, которые я собрал о нём в Верхоянске, убедили меня, что мне там предстояло буквально голодать. Я написал заявление в Якутск, и мне удалось совсем не ехать в Абый.

Меня очень интересовал вопрос — каковы будут мои товарищи по ссылке. В ссылку я шёл уже не первый раз, и у меня было представление о разнообразии типов, имеющих в ней. Но Верхоянск и Колымск в силу своих условий всегда определяли несколько особый состав ссыльных. Хотелось знать, как проявляли и проявляют себя тут ссыльные последних лет. Хотелось встретить здоровую атмосферу.

№ 6. «Центр» Верхоянска.

И я был рад, когда, взойдя в юрту ссыльного Х., нашёл и его и другого ссыльного, студента А., который вскоре пришёл, услышав о нашем приезде, людьми совершенно иными, чем, например, Котельников. Можно было вздохнуть свободнее. Было приятно видеть и то, что юрта, в которой жил Х., была высокая, светлая, почти прямостенная и чистая. Она казалась прямо дворцом по сравнению с другими юртами. Приятно было также и то, что мы застали Х. за работой: он был столяр. Старые ссыльные уже поджидали нас.. С первых же слов стало очевидно, как наголодались они тут без свежих людей и впечатлений. Из разговоров выяснилось, что помимо этих двух ссыльных есть ещё три человека, о которых скажу позднее.

Первый моей заботой было найти себе отдельную юрту, но сделать это быстро было нельзя и потому, в течение нескольких дней, мне пришлось воспользоваться гостеприимством А., который занимал также отдельную юрту. Селиться вместе с кем-нибудь из

ссылных, даже если бы среди них были мои личные друзья, я не хотел. Опыт в прошлом предостерегал меня от этого. Я знал, что в таких гиблых местах совместная жизнь ещё скорее приводит к ссоре, чем обычно. Жить же в Верхоянске и быть в ссоре с людьми, единственными, с которыми можно перекинуться парой слов, мне казалось абсурдом.

Первый день пребывания в Верхоянске был днём моего освобождения, и хотя чувствовалось, что свобода эта очень призрачна, но всё же факт этот несколько возбуждал. Долго я не мог уснуть, разговаривая с А., пока не настало утро.

В первый же день пришлось выслушать много рассказов о том, «чем живы люди в Верхоянске», и ссылные, и местные жители. В рассказах о жизни ссылных было много безотрадного, а в рассказах о жизни чиновников и купцов — много противного. Верхоянск так тесен, что каждый шаг всех людей, стоящих хотя сколько-нибудь на виду, делается с быстротою молнии общим достоянием. Ссылным, даже не интересующимся местными отношениями, приходилось быть невольными свидетелями самых интимных фактов и в жизни чиновников, и в жизни купцов. Дальше придётся сказать об этом подробнее. Первое моё впечатление от этих рассказов вызвало у меня желание быть от этой жизни подальше, и больше тянуло узнать жизнь якутов.

Через пару дней я уже мог праздновать своё новоселье. Юрта, которую я снял, была самой крайней на северном конце Верхоянска и примыкала непосредственно к лесу. Это была типичная якутская юрта; платить за неё я должен был по 2 рубля в месяц.

Устройство обыкновенной якутской юрты очень несложно. Сперва ставятся четыре главных столба в углах будущей постройки; потом — между ними — другие четыре столба, вспомогательные. На столбы кладётся пять балок, образующих венец. Пятая балка, которую или делают несколько более толстой или кладут несколько выше, служит опорой для потолка из тонких брёвен, поверх которого насыпается земля, а иногда кладётся ещё дёрн. Получается плоская крыша с незначительным скатом на две стороны. Стены делаются также из тонких брёвен, которые ставят наклонно, упирая в балки.

Потом стены обмазывают глиной, смешанной с навозом. Более благоустроенные юрты окружены широкой завалиной, достигающей до половины высоты юрты. Завалины также укреплены брёвнами. На зиму большинство юрт обкладываются снегом. Окна юрт очень маленькие. В юрте, в которой я поселился, было три окна: одно — 6×8 вершков, другие два по 4×5 вершков. В некоторых юртах окна несколько больше. В Верхоянске в большинстве юрт в окнах были вставлены стёкла; правда, только в немногих юртах стёкла были целыми, в большинстве же они были составными, очень искусно склеенными из обломков и обрезков. В улусах вместо стёкол ставят просто рамы, обтянутые миткалем. Зимой в окна вставляется лёд, хотя можно обойтись и со стёклами. Наружный вид юрты, имеющий форму усечённой пирамиды, напоминает собою отчасти землянку, отчасти пороховой погреб. Старые юрты с обвалившейся завалиной, не укреплённой брёвнами, с внешней стороны представляют собою просто какие-то кучи.

То впечатление, которое получается от юрты сперва, очень невыгодное для неё; потом оно сглаживается, и можно даже найти в ней своеобразную красоту, особенно зимой.

Внутри — впечатление лучше, особенно в благоустроенных юртах, в которых есть деревянный пол (большинство юрт с земляным полом) и перегородки. Первое, что обращает на себя внимание в юрте, это — «камелёк», формой своей напоминающий камин, но отличающийся от последнего цилиндрической формой. Ставится камелёк не вплотную к стене, а отступя от неё на аршин, в углу; труба закрывается сверху, с крыши. Правда, якуты редко закрывают её; даже зимой, в самые большие морозы, они держат её открытой. «Воздух лучше», — говорят они, — «а то коровы задохнутся». В большинстве случаев, непосредственно к юрте примыкает помещение для коров — «хотон»; иногда даже нет перегородки между помещением для людей и для скота. Если же и есть перегородка, то дверь в хотон всегда открыта и воздух действительно становится тяжёл. Запах хотона настолько пропитывает обитателей юрты, что они носят его с собою всюду. Каждый раз после посещения якута приходилось проветривать свою

юрту. Иногда, кроме камелька, в юрте ставится железная печка или печь в роде голландской из необожжённых кирпичей.

Вокруг стен юрты идут широкие лавки — ороны — с невысокими перегородками, образующими как бы ложи. Каждое такое отделение имеет своё особое назначение и название; есть места для хозяев, для почётных гостей и т.д. В некоторых юртах таких лавок нет, и это значительно расширяет помещение. Стол и несколько низеньких якутских стульев, вернее табуретов, дополняют убранство юрты, если не считать икон и крестов. Старинный обычай якутов требует, чтобы юрта строилась дверями на восток, но в Верхоянске много юрт, построенных без соблюдения этого обычая.

Близ каждой юрты находятся службы — амбар и погреба. Помещение для рогатого скота — «хотон», как я уже сказал, примыкает обычно непосредственно к жилой юрте. Для лошадей никаких помещений нет — они круглый год в лугах. Для них лишь врыт около юрты особый столб, служащий коновязью; иногда таких столбов несколько. Якуты да и некоторые из русских относятся к этим столбам с особым уважением. Погребов обычно два: один неглубокий для того, чтобы сохранять в нём летом молочные запасы; другой больше и глубже для сохранения льда и мяса. Запасы льда делаются на лето потому, что воду из Яны довольно трудно доставать из-за её вязких берегов, да, кроме того, она часто бывает мутная. Имеет значение и то, что в Верхоянске нет ни одной телеги, и возить летом воду не на чём. Зимой же перевозить лёд с Яны удобнее, чем воду — из-за сильных морозов. Таким образом, круглый год для получения воды приходится таять лёд.

Та юрта, в которой я поселился и жил всё время, пока был в Верхоянске, привлекла меня тем, что она стояла в стороне от квартир чиновников, купцов и проч. Сама по себе она была не плохая, но маленькая, низенькая и несколько темноватая. Становясь посередине её, я головой касался балки. Пол в ней был деревянный, но под «оронами» (лавками) была земля. Перегородок никаких не было, и получалась таким образом одна комната, дверь из которой выходила непосредственно на улицу, или, вернее — в лес. Дверь в якутских юртах почти всегда имеет очень высокий порог, через

который, чтобы взойти в юрту, приходится перешагивать. Так как стены юрты наклонные, то дверь скорее производит впечатление люка. Она обтягивается коровьей шкурой, но большею частью затворяется неплотно, и в неё порядочно дует. Дует и в стены, так как якуты не конопатят их, и мне пришлось самому пробивать стены мхом.

Не успел я поселиться, как свалились массы всяких хозяйственных забот. Необходимо было делать самому решительно всё: колоть дрова, топить камелёк, обмазывать его, когда он трескался, а это происходит постоянно, готовить пищу, мыть пол, ходить на Яну за водой, т.к. первое время у меня не было запасов льда, и т.д. Всё это отнимало очень много времени и сильно надоедало, но устроиться иначе было совершенно невозможно. Надо было обзавестись всякими кухонными и хозяйственными принадлежностями и закупить продукты.

Бездорожье и трудность доставки из Якутска товаров и темнота местных жителей, безропотно подчиняющихся эксплуатации купцов, обуславливают очень высокие цены на все товары, продаваемые в Верхоянске. Цены в лавках стоят тут раз в пять, а то и в десять обычных. Сахар продавался по 40-50 коп. фунт; керосин — тоже 40 коп.; свечи — 40-50 коп.; рис — 35-50 коп.; простое мыло 32-35 коп. и т.д. Излюбленной ценой верхоянских купцов был полтинник, и к нему приближались цены большинства товаров. Сравнительно дёшево продавался лишь чай, так как он ввозится в Якутскую область через Охотск и Аян беспошлинно. Но и он против Якутска стоит дорого: тот чай, который продавался в Якутске по 70-90 коп., в Верхоянске стоил 1 р. - 1 р. 30 коп.; рублёвый же чай по 1 р. 30 коп. - 1 р. 40 коп.

Для того, чтобы несколько умерить эту эксплуатацию, в Верхоянском и Колымском округах введена казённая продажа ржаной муки, крупы, соли, пороха и дроби. Правда, муку якуты покупают мало, так как сами они хлеба не умеют печь, а пекут лишь пресные лепёшки, которые скорее являются лакомством, чем обычной едой. Казна доставляет её в своих интересах, так как казачий паёк составляется именно из ржаной муки, крупы и соли.

Что касается гречневой крупы, то при мне её якутам совсем не продавали. Ржаная мука «в казне» продавалась по 4 р. 03 коп.; гречневая и ячменная крупа — по 4 р.; соль — по 1 р. 20 коп. пуд.

Печёный ржаной хлеб продавался некоторыми казачками по 10 коп. фунт. Нам, ссыльным, приходилось покупать муку пудами и отдавать её печь, так как в наших юртах подходящих печей не было. Хлеб был одним из наших больных мест, так как большинство женщин-казачек, бравшихся печь его, пекло скверно. Мука крупитчатая продавалась в частных лавках; цена на неё была от 7 до 10 рублей за пуд; печёный белый хлеб продавался по 25 коп. фунт. На наших столах белый хлеб появлялся очень редко.

Мясо в Верхоянске обычно стоило по 3 р. 50 - 4 рубля пуд и часто доходило до 7 и 8 рублей. Летом же его иногда совсем нельзя было купить¹.

При таких ценах на товары на выдаваемое административным ссыльным ежемесячное пособие в

15 рублей прожить в Верхоянске нельзя и необходимо было иметь работу. Может показаться странным, но все ссыльные, искавшие работу в Верхоянске, находили её. Так, по крайней мере, было при мне. «При нужде и закону перемена бывает», а нужда в Верхоянске да и в других местностях Якутской области во всех — и в ремесленниках, и учителях, и в юристах, и медиках; поэтому, например, даже высшее начальство в Якутской области не запрещает ссыльным заниматься уроками; иначе в таких местах, как Верхоянск, детям чиновников и купцов грозила бы опасность остаться полуграмотными.

Через несколько дней по приезде я нашёл сперва уроки английского языка, а потом начал заниматься с детьми одного из администраторов. Мой сосед, студент А., также имел уроки кроме того, он занимался юридической практикой. Х. столярничал, а Б. научился делать железные печки и скоро стал мастером на все руки, мало в чём уступавшем знаменитому в Верхоянске «Усу» (ус — кузнец), очень смышлёному якуту, умевшему делать решительно всё необходимое в обиходе якутов.

---

¹ Все цены относятся к 1912 — 1913 гг.

Работа, хлопоты по хозяйству отнимали очень много времени и для чтения, занятий языками и прочего оставалось его мало. Правда, первое время читать в Верхоянске было нечего; не было даже газет, а мои книги ещё не пришли. От библиотеки старых ссыльных остались лишь одни воспоминания; у тех ссыльных, которых я застал, не было почти ничего интересного. К счастью, удалось достать две книги по местным вопросам и пришлось удовольствоваться ими. Из России (так в Якутской области принято называть Европейскую Россию) посылки шли от полугода до полутора года, и получить книги быстро было нельзя.

Так началась моя жизнь в Верхоянске: без книг, без вестей о том, что делается там, далеко. То, что мне удалось узнать по выходе из Александровской тюрьмы, говорило о подъёме общественного настроения; открывались наконец новые перспективы, о которых так долго мечтали. Чувствовалось в этом новом подтверждение тех взглядов, которые были дороги. Хотелось поделиться мыслями, настроением, но не с кем было. Людей, которых я мог бы назвать своими единомышленниками, мне удалось встретить потом только в Якутске.

В разговорах с верхоянскими ссыльными можно было затрагивать эти темы, но сказывалось разное отношение к ним...

Так хотелось поскорее знать общую картину положения, которое создалось после 4-го апреля 1912 г. Но все эти вопросы и желания как бы встречали какие-то буфера и отскакивали от них: ведь, скоро ли может получиться ответ? Не лучше ли заняться чем-нибудь лежащим, так сказать, вне времени и пространства? Вот, например, изучением языков? Но заглушить в себе желание знать о том, что дороже всего, нельзя. Невольно все мысли сосредоточились на почте; ещё больше хотелось скорее получить письма и газеты, но надо было запастись терпением.

Всякий, сидевший в тюрьме, знает, что тюрьма вырабатывает привычку ждать с большим терпением, чем это считается нормальным. Наиболее сугубая тюрьма Петропавловская крепость вырабатывает и сугубое терпение; но, несмотря на то, что я

подвергался достаточной обработке и в Петропавловской и в ряде других тюрем, для Верхоянска моих запасов было недостаточно.

Почта в Верхоянск приходит зимой два раза и летом один раз в месяц. С конца апреля по конец июня и с сентября по ноябрь она совсем не приходит. Но это — норма, от которой постоянно бывают отступления и всегда в худшую сторону.

Письма из Европейской России приходили в Верхоянск через 60-100, а то и большее число дней, особенно если их захватывала распутица. Для того, чтобы получить ответ на письмо, надо было ждать по полугоду. Телеграфа в Верхоянске нет, и телеграмма, посланная через Якутск, иногда приходила через два месяца.

Все эти условия создавали чувство полной отрезанности и подчёркивали заброшенность Верхоянска. Потом, когда стали понятнее местные условия, когда пришлось наблюдать ряд необычных явлений, вызывавших необычные впечатления, стало казаться, что живёшь в ином мире, на другой планете; вместе с этим уже выработалось и определённое отношение к окружающему. Но сперва было ясно только то, что отброшен от совершенной жизни далеко назад, что живёшь в условиях, которые не могут не положить глубокого следа, что эти условия могут искалечить, если не сможете быть достаточно стойким. А ряд самоубийц-ссылных, могилы которых видны в Верхоянске в разных местах, говорил определённо, что эти условия могут и убить.

Надо было бороться с ними. Но как? Бежать из Верхоянска невозможно. Все попытки побегов, а их было немало, кончались неудачно, несмотря на то, что в них принимали участие люди, у которых было достаточно средств и энергии. Надо было жить тут, а жизни кругом не было. Надо было признавать жизнью то, что казалось отрицанием её, в лучшем случае каким-то прозябанием. Все впечатления были слабыми; все переживания проходили, как-то не затрагивая глубоко.

Евражка, которых в Верхоянске летом больше, чем людей, на зиму забирается в нору, находящуюся недалеко от поверхности земли, и там, по уверениям якутов, обращается как бы в ледышку, твёрдую

как камень. Весной, при первых признаках тепла, евражка оттаивает и выбегает из норы.

Думалось, что и мне предстоит здесь застыть, а евражка казалась символом верхоянской жизни.

Не потому ли этот зверёк и был так противен?

IV. Осень.

Скоро верхоянское лето кончилось. Здешняя осень начинается с августа, когда появляются первые признаки холодов. Осень тут хорошая, сухая; большинство её дней ясные. Как и другие времена года, кроме зимы, она здесь тянется недолго — месяц. Приближение зимы заметно уже в начале августа. Всё чаще и чаще ударяют лёгонькие морозцы. Днём они отступают перед солнечными лучами, а к вечеру опять дают себя чувствовать. Солнце стоит уже невысоко и под вечер совсем не греет.

Впечатления первой осени, проведённой мною в Верхоянске, остались у меня в памяти.

1-го августа задул холодный ветер, и по вечерам стало настолько прохладно, что было необходимо одеваться теплее. Ночи потемнели, и показались звёзды, которых летом здесь не видно. С ними сделалось веселее, не так пустынно. Я смотрел на них, как на своих старых друзей, говоривших мне о прошлом, вызывавших знакомые переживания. Когда выпадали хорошие дни, мы уходили в лес или в горы. Оттуда открывались довольно красивые виды, но опять они не трогали; чего-то не хватало в них. Потом стало понятно, что не хватало жизни.

В начале августа лиственница начала желтеть, а к 12-му числу в этот цвет окрасился уже весь лес. У лиственницы нет переходных тонов, и её хвоя из зелёной сразу становится жёлтой. На солнце она кажется золотой, и лес преобразается, принимая красивый, оригинальный вид. Но всё-таки наш лес и осенью красивее здешнего, тут нет обилия красок, так как всецело господствует лиственница, если не считать карликовой берёзки с микроскопическими листьями, которые осенью краснеют.

Через два дня ещё новый наступательный шаг осени: погода нахмурилась, пошёл дождь, и в ночь на 15-е выпал снег.

Встречать приближение зимы так рано было слишком необычно, и хотелось воспользоваться каждым хорошим днём. Мы собирались всей компанией и отправлялись за брусникой, которой здесь изобилие. К 20-му морозы уже сделали своё дело, и лиственница начала обсыпаться. Когда мы пробирались через чащу, то она покрывала нас золотом хвои.

Каждый вечер, незадолго перед сном, я шёл на Яну за водой и поражался тишиной, царившей и в «городе», и на Яне. И днём было так пустынно, ночью же не было слышно буквально ни единого звука: ни человеческого голоса, ни крика птиц, ни даже лая собак (якуты в Верхоянске собак не держат¹), лишь иногда завоет ветер.

Числа с 20-го «город» начал наполняться жителями, возвращавшимися с покосов, и человеческие фигуры стали попадаться чаще. Но по-старому целыми днями иногда приходилось быть одному; и далеко не всегда удавалось говорить с людьми, если я и видел их. В сущности жизнь в тюремной одиночке мало чем отличалась от здешней. Может быть даже у одиночки были свои преимущества.

Невольно приходило в голову сравнение своей здешней жизни с жизнью какого-нибудь отшельника в скиту. Отшельники жили своими помыслами, внутренней жизнью, так жил и я, с тою только разницей, что они не хотели возвращения «в мир» и не ждали так жадно вестей из него, как их ждал я. Ещё не выработалась привычка считать нормальным отсутствие почты целых полтора месяца. Не хотелось мириться с этим только потому, что там на пути раздулись от дождя какие-то горные речки.

24-го и 25-го задул южный ветер, принёсший холод. Хвои с деревьев насыпалось уже столько, что земля под деревьями

---

¹ Этот несколько странный обычай объясняется вероятно следующим. Якуты считают, что оспе разносит злой дух оспы, который им представляется в виде русской женщины. Некоторые стараются задарить её угощениями и во время эпидемии варят саламат, другие, более бедные, пытаются обмануть. Они надеются, что она, как пришлая, могла запутаться в разных тропинках и может миновать ту, которая ведёт в юрту, если ей кто-нибудь не укажет. А указать может и собака своим лаем, поэтому собак не щадят. (См. Трошанский: «Эволюция Чёрной веры у якутов», стр. 69.) В Верхоянском округе оспа уничтожала целые посёлки вроде Зашиверска, немудрено, что верхоянцы в конце-концов перебили всех собак.

покрылась ею, и деревья почти обнажились, и лес стал ещё более жалким. 26-го с утра пошёл снег, сперва в виде «крупы», потом хлопьями. Он не стоял и на другой день, хотя было несколько теплее. Южный ветер возобновился и принёс ещё снегу.

28-го утром, когда я встал, увидел, что стёкла в моих окнах замёрзли. Ночью было -13°C .

Необходимо было готовиться к зиме: запастись тёплыми вещами и обмазывать свою юрту, так как от времени обмазка юрты трескается, и в трещины начинает дуть. Ежегодно эта обмазка возобновляется и производится в два приёма: «на Семёна» (1-го сентября) и «на Покров» (1-го октября). Смешивают глину с навозом и этой смесью мажут стены. Подсыхая, обмазка трескается; этим вызывается вторая обмазка «на Покров», когда довольно сильные морозы сразу схватывают её.

2-го сентября южный ветер принёс тепло. Погода была такой, какой она бывает у нас во время «бабьего лета»: светило солнце и очень заметно грело, летела паутина и прочее.

4-го — наступила сразу резкая перемена: ночью пошёл снег, шёл весь день, сперва тая, а потом стало холоднее, и к вечеру снега лежало вершка на два. Он не сошёл и на другой день, хотя было солнечно. Воздух сделался чистым, снег ослепительно блестел. То и дело слышались крики улетающих на юг гусей и других птиц, пролетавших над Верхоянском громадными стаями с берегов Ледовитого океана и тундры.

Ночью, когда я ходил закрывать трубу у камелька и лазил для этого на крышу, я невольно залюбовался небом: воздух был чист, ночь тёмная и морозная, а небо всё усеяно звёздами. Впервые показали Плеяды и млечный путь.

Слышно было, как под чьими-то шагами хрустел снег. Началась длинная верхоянская зима.

V. Зима.

а) начало зимы; б) полярная ночь; в) полярные сияния; г) жгучие морозы; д) конец зимы.

«Если полюсом холода считать ту область, где средняя температура отдельных месяцев достигает минимума, или где возможно наибольшее абсолютное падение температуры, то полюс холода — Верхоянск»¹, — говорит профессор Клосовский. — «Полюс холода остаётся в Верхоянске почти весь год — с июля по апрель, когда он перемещается к Карскому морю. Следовательно, верхоянская зима является суровейшей зимой на земле, так как у Южного полюса не наблюдалось такой низкой температуры, как в Верхоянске. Минимальная температура, наблюдавшаяся в Верхоянске, равна $-69,8^{\circ}\text{C}$.»². Зима здесь тянется 8 месяцев: с сентября по май.

В то время, когда в Верхоянске зима уже началась, даже в ближайших местностях её ещё нет, и иногда тёплый воздух несётся сюда, стремясь победить зиму. Яркое проявление этой борьбы мне пришлось наблюдать 12-го сентября в первую зиму, проведённую в Верхоянске.

После того, как 4-го сентября выпал глубокий снег, и с каждым днём становилось всё холоднее и холоднее, можно было думать об окончательном торжестве зимы. 12 го утром было настолько холодно, что на Яне показались первые признаки образования льда. Но после полудня вдруг подул сильнейший южный ветер, настолько тёплый, что снег моментально начал как-то необыкновенно быстро таять, и всюду потекли ручьи, а к вечеру от довольно глубокого снега остались только следы его в ямах и углублениях. Такого стремительного таяния я никогда раньше не наблюдал нигде, произошло прямо какое-то чудесное превращение.

Но это было лишь незначительное отступление зимы. На другой же день опять стало холодно, и 14-го выпал снег, на этот раз уже

---

¹ Проф. А.В. Клосовский «Основы метеорологии», стр. 106.

² Некоторые из верхоянских якутов уверяли меня, что в 30 верстах к северу от Верхоянска холоднее, чем в самом Верхоянске. Проверить это я не мог.

окончательно на всю зиму. На Яне образовались закраины. 18-го же сентября Яна была вся покрыта льдом; остались лишь кое-где полыньи.

Как только Яна замёрзла, в большинстве юрт в окнах появился лёд. Когда я увидел это, то мне вспомнилось, с каким ужасом я читал когда-то о краях, в которых в окна вставляют лёд, в действительности это оказалось не так страшно, как мне рисовалось когда-то. Лёд задерживает больше тепла, чем стекло, и главное он... дешевле стекла. Обычно на зиму рама из окна юрты вынимается и снаружи к косяку окна прислоняется ледяная плита толщиной в $\frac{1}{4}$ аршина; края её примораживаются. Каждое утро лёд очищают особой металлической пластинкой от образующегося на нём налёта. Света лёд пропускает, понятно, немного. В своей юрте на одном окне я устроил комбинацию из льда и стекла: раму со стеклом я не вынимал, и мне не надо было очищать лёд от налёта, так как тёплый воздух его не касался. В двух других окнах у меня стояли рамы с двойными стёклами. У более зажиточных жителей в домах русского типа на зиму вставляют или по три рамы со стёклами, или же по 2 рамы, при чём во второй раме вставлены двойные стёкла. Таким образом получается 3 или 4 ряда стёкол.

После отлёта птиц в Верхоянске наступает мёртвая тишина. В начале зимы её нарушают лишь звенящие звуки, несущиеся с Яны, когда лёд на ней ещё тонкий. Этот звон меня очень поразил, когда я впервые услышал его, и я не мог понять, откуда он. Потом выяснилось, что он производится лёгким сотрясением льда на Яне, вызываемым течением.

Медленными, но верными, не знающими колебаний шагами наступает верхоянская зима. В конце сентября было уже -20°C , в половине октября -35° , в конце октября — -40° , и в половине ноября мороз достигал уже -50°C . Но это было только начало зимы. До конца октября даже ещё нельзя считать установившейся зимнюю дорогу, это ещё время распутицы. «На юге», т.-е. в Якутске и около него, реки замерзают позднее, и таким образом проехать из Верхоянска в Якутск нельзя, и движение почты останавливается на всё это время. Эта полная отрезанность от всего мира продолжается довольно

долго. В первый год моего пребывания в Верхоянске, после того как 30-го августа мы получили последнюю летнюю почту, следующую почту нам пришлось дожидаться до 21-го октября. Со дня отправки одного из писем, полученных мною с этой почтой, прошло 62 дня а другого — 88. На второй год этот перерыв был короче на 10 дней, но зато одно из писем пришло на сотый день после отправки из Европейской России.

В сущности это было самое томительное время. Никто из местных жителей не мог сказать точно о времени прихода почты; неопределённость повышала напряжённость и раздражение, так как каждый день приносил разочарование. Окружающее уже потеряло свой интерес новизны, а ярких, новых впечатлений не было. Все темы для разговора уже были исчерпаны, свежих людей ни откуда появиться не могло; ни книг, ни газет не было. Дни проходили, как буквальная копия друг друга, с тою только разницею, что становились всё короче и короче. В начале октября после четырёх часов было уже темно. Для освещения приходилось жечь свечи, так как керосин был недоступен, да его и не было в это время в лавках, а одна свеча много света дать не может, и в юрте было темновато.

То и дело приходилось ловить себя на том, что начинаешь поддаваться тоске. Начинало захватывать что-то щемящее, неприятное, тревожное. Думалось, что это лишь мимолётное настроение, в основе которого лежит сознание задаром проходящего времени, и ещё больше хотелось поскорее получить почту: может быть письма прогонят это настроение, может быть придут книги. Но вслед за тоской появлялось какое-то душевное опустошение, и не хотелось ничего делать. Нелепость жизни тут была слишком очевидна, и нельзя было примириться с ней. Потом на смену приходило состояние какого-то небытия, бездумного и создающего пустоту. Всё происходящее вокруг и всё то, о чём доходила весть из остального мира, теряло свою конкретность. Особенно странное отношение было к тому, о чём читал, как о предполагаемом будущем, но про которое можно было думать, что это уже прошлое. Вспоминались недавние известия о новых явлениях в культурных странах; ясно было, что выдвигаются новые перспективы как в

общественной жизни, так и в различных научных областях, и удручала мысль, что многое, очень многое пройдёт мимо тебя, а потом будет мудрено нагонять упущенное. Хотелось жить. Хотелось узнать о жизни хотя что-нибудь, а в руках были только старые журналы; хотелось взглянуть на жизнь хотя издали, а можно было, да и то не всегда, посмотреть на картинки в старой «Ниве»*.

Наконец пришла почта. Сразу брошены все дела, и никто из нас не может ни о чём другом говорить, как о почте. Но надо опять дожидаться, пока почту разберут. Во всех местах Сибири, в которых мне приходилось бывать и в которых почта приходила редко, корреспонденцию обыкновенно выдавали сейчас же, как только она была разобрана. В Верхоянске же формалист почтовый чиновник выдавал корреспонденцию лишь в те часы, когда почта считалась официально открытой, хотя в другие дни он обыкновенно почти ничего не делал. Правда, по направлению к квартирам исправника и некоторым приятелям и приятельницам почтового чиновника мелькали от почты фигуры с пакетами, но нам надо было ждать официального открытия почтового отделения, и смотреть, как над ним подымется белый флаг, означавший, что разбор почты окончен.

Но вот почта получена, и все разбрелись по своим юртам. Жадно бросаешься на письма и газеты. Читаешь письма и оживаешь. Всё кругом выглядывает как-то веселее, если только в них нет печальных известий. Перебрасываешь газеты, хочешь скорее найти наиболее интересное и важное и читаешь о том, что было несколько недель, а то и месяцев тому назад. Потом бежишь делиться новостями и утешать тех кто ничего не получил.

Теперь возникает забота поскорее написать ответы на полученные письма и отправить их. Но сделать это быстро нельзя: надо опять ждать. И опять никто не может сказать, когда придёт почта из Колымска, с которой можно будет отправить письма «в Россию». Приходит наконец день, в который можно было бы ждать колымскую почту, но её нет. Проходит ещё неделя — опять её нет. Наконец приходит и она.

Причины задержки почты в начале зимы объяснялись обычно отсутствием на некоторых станциях оленей, которых содержатели

станций не выставляли из-за неплатежа следуемых им за гоньбу денег. За год перед этим из-за этой причины были задержаны 4 почты на 2 месяца. Что урегулировать почтовое движение не особенно заботились, видно из следующих фактов. Содержатель нескольких станций приезжает из Верхоянска в Якутск за получением денег; там ему говорят: «выслали в Верхоянск»; возвращается и, справившись, узнаёт, что никаких денег не присылали. Пришлось ему опять ехать в Якутск. Другому содержанию в Верхоянске просто заявили: «ваши деньги израсходованы исправником на другие цели». На следующий год в начале зимы почта была задержана на несколько недель опять из-за отсутствия оленей на станциях, но на этот раз между Верхоянском и Якутском.

№ 7. 23-летняя идиотка, дочь Сыбдыра.

Было ясно, что изменить эти порядки мудрено, и они отражаются не только на нас, живущих в этих краях, но и на наших близких, которые не могли даже знать о причинах задержки писем. Рассчитывать на какую-либо правильность почты, очевидно, было

нельзя и зимой, когда она должна была ходить через 2 недели. Оставалось сидеть, гадать, злиться и ругаться.

Со второй половины октября уже чувствуется приближение длинной полярной ночи. Солнце поднимается всё ниже и ниже, описывая на небе только очень небольшую дугу. К трём часам становилось уже темно. Да и само солнце было неяркое.

31-го октября оно закатывалось уже в 2 часа, светя в общем не более 4 часов. Даже в полдень оно было так низко, что скорее напоминало закат. 14 го ноября в 12 часов дня оно стояло, чуть-чуть поднявшись над горизонтом. 18-го оно выглянуло в полдень лишь на несколько минут и не показываясь целиком; виден был только край его. 19-го ноября оно уже не показалось совсем, и его не было видно до 29-го декабря.

В первых числах ноября начала трескаться земля. Довольно часто стали раздаваться глухие удары, иногда напоминавшие отдалённые выстрелы из пушки. Слушаешь их и невольно рисуешь эту окованную льдом часть земного шара, как бы соприкасающуюся с безвоздушным пространством. В юрте сидишь один, кругом пустынно и тихо. В юртах якутов давно погасли огни. За весь день не видел ни одного человека. И вот начинаешь представлять себе землю покрытую трещинами, замёрзшую и безжизненную, а себя последним человеком, оставшимся на ней. Забываешь о пространстве, о времени, сближаешься с вечностью. Чувствуешь, что тут как будто приподнята завеса, скрывающая бесконечность.

Попадает на глаза старый номер газеты, и нет желания читать его.

Попадёшь как-нибудь случайно к местным купцам, и странно смотреть на их жизнь, напоминающую обычную. Но ещё более странно увидеть что-нибудь, напоминающее о связи с остальным миром. Как-то я увидел картинку, изданную по случаю юбилея 1812 года. Она поразила меня, не содержанием конечно, а самым фактом своей конкретности. Там где-то далеко люди праздновали это событие; там были такие же картинки, и они же оказались и здесь. Понятно, в этом ничего удивительного не было, но как-то не

вязалась эта картинка со всей здешней обстановкой. Сильнее была заметна условность обычного в жизни...

Приходишь домой, садишься за стол читать и вдруг слышишь, что кто-то царапается в дверь, издавая какие-то дикие звуки. Отворяешь дверь; как-то боком входит глухонемая идиотка, дочь якута Сыбдыра, моего соседа. Ей 23 года, но ростом она меньше 13 летней девочки. Грязная, с гноящимися глазами, растрёпанная. Во всех её движениях, в диких звуках, которые она издавала, во всей фигуре чувствовалось скорее животное, лишённое сознания, чем человек. И невольно спрашивал себя: что это — прообраз ли будущего человека, выродившегося в борьбе с умирающей землёй, или отзвук его прошлого?

Часто эта идиотка была единственным живым существом, которое я видел за весь день. Она почти ежедневно забиралась ко мне в юрту за корками чёрного хлеба, которые я отдавал ей.

Выйдешь из юрты посмотреть — нет ли других людей, и увидишь себя отрезанным даже и от Верхоянска: к моей юрте, стоявшей почти в лесу, вела лишь тропка, протоптанная только мною и моими очень немногочисленными посетителями. Ночью по этой тропке пробираться было довольно мудрено. Правда, и по другим тропкам — большинство их прокладывается не людьми, а... коровами — было не так-то легко добраться до цели и нередко по ночам приходилось блуждать.

При приближении середины полярной ночи темнота стала захватывать всё большую и большую часть суток. В конце ноября светло становилось только в одиннадцатом часу, а в час надо было опять зажигать огонь. Полной темноты в течение всех суток не бывает во время полярной ночи. Около полудня бывает настолько светло, что можно, даже около 9-го декабря, обходиться в течение 1½ - 2 часов без огня, хотя солнца и не видно. Но назвать этот промежуток днём всё-таки нельзя, так как скорее он напоминает сумерки. Это — наиболее светлая часть ночи.

Иногда природа и в эти дни дарит неожиданными красотами. Как-то в начале декабря (б-го), в первом часу «дня», я любовался небом. Оно было безоблачно; луна светила довольно сильно, но южную

часть неба ночной назвать было нельзя, так как там был отблеск слабой бледно-розовой зари. Но на северной его части отражалась ночь, а вместе с ней снег, и вся она была глубоко-тёмно-синей с красноватым оттенком. Хотя общий тон скорее можно было назвать стальным, которого нет в южном небе, но мне почему-то вспомнился цвет швейцарских и итальянских озёр. Снег, лежавший за моей юртой, отражал в свою очередь небо и тоже поражал своей синевой, так слабо заметной в обычное время.

Зимнее небо в Верхоянске почти всегда безоблачно. На этом безоблачном небе высоко сияет луна, которая здесь зимой в течение месяцев четырёх несколько дней до полнолуния и несколько дней после него ходит по небу, не опускаясь за горизонт, а ночью подымается так высоко, что кажется чуть не в зените.

После того, как кончался тот полусумрак, который приходилось по старой привычке называть днём, наступала настоящая ночь, и высоко поднималась луна; создавалось ошибочное впечатление, что стало светлее. В действительности, понятно, было наоборот; очевидно, сказывалась привычка считать днём то время, когда на небе находится наиболее яркое светило, а таким в эти дни тут бывает луна. Но в то же время именно при луне, когда она вступала в свои права — это происходило очень рано часу в 3-4-ом, — несмотря на большую оживлённость картины, резче чувствовалось полное отсутствие жизни. Об обитателях юрт забываешь — их не видно и днём; прислушиваешься к тому молчанию, которое царит кругом, и не слышишь ничего, кроме ударов при треске земли. Эти удары слышны были главным образом из юрты; вне её приходилось слышать их очень редко, только в тех случаях, когда они были очень сильны («бондиты»).

Выйдешь из юрты, смотришь на ушедшее высоко, высоко небо с сияющими на нём луной и некоторыми созвездиями, которых не могла затемнить луна, и получается впечатление чего-то «не от мира сего». Во всём, во всём отсутствие жизни, а сам вот живой — хотя живой ли? И не видишь красоты этой безусловно красивой картины: покрытая снегом равнина, с сверкающими на ней кристаллами снега; вокруг горы; над долиной морозная дымка тумана, на которой

вырисовывается лунная радуга, а на небе, почти в зените, луна. А, ведь, всё есть, что обычно в своём сочетании называется «волшебной картиной». Или, вернее, и эта картина — волшебна, но «волшебство» в ней неживое.

Чувствуешь, что и от этого мира отрезан, не можешь его принять. Стоишь, смотришь на эту картину, а потом скорее бежишь в свою юрту, где спешишь подбросить дров в печку.

Больше мне давало звёздное небо в безлунную ночь. Благодаря чистоте воздуха звёзды были видны великолепно. Так красиво выступали созвездия. Так хороши были Орион и Лебедь со своей соседкой Вегой. Каждый раз, когда окружающее становилось особенно противно, когда однообразная жизнь и отсутствие впечатлений и все эти мелочные хлопоты по хозяйству создавали пустоту, я бежал из юрты смотреть на звёзды. Они возвращали меня к действительности и успокаивали расходившиеся нервы, а сами становились роднее, ближе.

Отсутствие непосредственных впечатлений от солнца отрывало от земных настроений и восприятий, с которыми мы ужились. В обычной жизни мы не чувствуем конкретной связи с иными мирами; наши мысли тесно связаны с солнечной системой, а солнце закрывает от нас нашу непосредственную связь с другими системами. Мы забываем, что, находясь на земле, мы в то же время находимся на границе солнечной системы. Но когда в течение нескольких недель не видишь солнца, то невольно мысль уходит от обычных вопросов и обстановки, от земли. Не надо понимать это в том смысле, что начинает торжествовать мистицизм; нет, наоборот — разрушаются его последние остатки. Удивительно ярко вскрывается относительность и условность многих понятий. Но одновременно с этим обнаруживается и ценность многого, чему обычно не придаёшь значения. Вот, хотя бы то же солнце: после длинной ночи начинаешь любить его сильнее, чем раньше, но вместе с тем и относиться к нему несколько иначе. Всё равно, как изменяется взгляд на порядки родины, после того как познакомишься с жизнью иных стран: раньше свои порядки кажутся более незыблемыми, выделяющимися из ряда, а потом увидишь, что

они одни из многих. В длинную полярную ночь, когда видишь только звёзды, сильнее чувствуется сравнительно малая величина солнечной системы; конкретнее усваивается эта мысль, сама по себе очень старая. Иногда у меня появлялось такое состояние, как будто я побывал где-то за пределами солнечной системы.

Условность понятий о восходе и закате солнца, о дне и ночи и прочем становилась очевидной; было ясно, что эти понятия, с которыми сжился с детства, здесь не годятся. Обычная мера времени брошена, и само время начинает казаться исчезнувшим. Этому помогает и то, что газеты перестают возвращать к действительности. То, о чём в них читаешь, как о будущем, в действительности уже прошлое; то, что для нас было настоящим, на самом деле тоже уже совершилось. Всё как-то перепутывалось, и время исчезало. Начинаешь рисовать себе толпу, оживление, обычные проявления жизни, и всё это приобретает особую ценность и кажется ярким, освещённым резким контрастом здешнему. Как будто находишься в глубоком подземелье, куда не долетает ничего, где впечатления так отличаются от обычных земных. Перестанешь чувствовать себя на земле, начинает казаться, что находишься на какой-то другой планете.

Но в то время, как мыслями живёшь в мире без солнца и забываешь о связи с ним, оно, хотя и не показываясь, заставляет вспомнить о себе. Отсутствие солнечных лучей понижает нормальное нервное напряжение; организм слабеет и делается восприимчив к болезням. В Верхоянске это резко подтверждалось. Каждый год во время длинной ночи здесь усиливаются болезни и смертность. Это наблюдение подтверждали и местные жители. Сперва начинаются заболевания и смерти детей, а потом взрослых. В одну из длинных ночей, проведённых мною там, переболело решительно все население Верхоянска. Буквально во всех юртах были повальные заболевания инфлюэнцей, различными воспалениями и на нервной почве. Болезни затягиваются и из-за тесноты и грязи в юртах и из-за того, что больным часто не откуда ждать помощи: иногда и лечить было некому и не было лекарств в аптеке. Но и оправившись, люди ходят, как сонные мухи, и от всех

слышишь желание поскорее увидеть солнце. Особенно сильная жажда была у приезжих. Для всех ссыльных эти дни были самыми тяжёлыми. Именно во время них приходилось выслушивать разговоры на тему о самоубийстве и т. д. Так мало жизни было кругом, что постоянно думалось о небытии. Изъятие из жизни было настолько полным, что и сам в себе почти не чувствовал её. Если вообще можно сомневаться в своём существовании, то Верхоянск самое подходящее для этого место. Иной раз казалось, что совсем «сошёл на нет», и не только не чувствовал жизни, но и не чувствовал самого себя. Вот только тогда, когда забывался за какой-нибудь книгой, или за письмом, а внутри заговаривало всё человеческое, то вдруг охватывало страстное желание жить, и нельзя уже было сомневаться, что существуешь.

Возвращало к жизни и общее отношение к ней, сложившееся раньше при иной обстановке. Оно заставляло видеть в пребывании тут лишь отдельный эпизод и позволяло охватить всю жизнь целиком, абстрагироваться от этих тяжёлых переживаний, не придавать им слишком большого значения.

Потом стали приходиться вести о сильном подъёме рабочего движения в России, и газеты перестали уже казаться плохой, поверхностно написанной историей. Каждая почта стала приносить бодрую весть, и это отражалось на настроении. Окружающее не могло уже так всецело овладевать вниманием, как это было раньше, но, понятно, не могло и проходить бесследно.

Острее стал вопрос о том, в каком состоянии придётся вернуться, а вместе с ним обострилось и отношение ко всему, что отнимало время, не давая двигаться вперёд. Но, уже зная, куда заводят верхоянские впечатления, легче было принимать меры, чтобы не покатиться по наклонной плоскости.

В начале декабря морозы усилились. 7-го декабря мороз был - 55°С. Такой мороз уже чувствуется, даже несмотря на тихую погоду. Ветра обычно в Верхоянске зимой не бывает. Помню лишь один раз сильный мороз с ветром, бывший в середине декабря, но и на этот раз ветер быстро прекратился.

23-го декабря на юге появилась заря, и облака были красные; заря была настолько яркой, что казалось, что вот-вот взойдёт солнце. Но это было обманчивое впечатление, создавшееся лишь в силу контраста с тем полусумраком, который царил до сих пор. Никогда раньше я не радовался заре, как на этот раз. Наконец-то!

В первый день Рождества заря горела ещё ярче; её краски были разнообразны и нежны. Чтобы лучше полюбоваться ею, я ходил на южный конец «города», т.к. от моей юрты видеть её мешал дым, который идёт целый день.

Само Рождество мало внесло разнообразия в нашу жизнь. Окружающей природе так мало дела до «торжеств», и она так убийственно-хладнокровно и буднично посматривает тут, что заражаешься именно её настроением. Местные жители проявляли что-то, напоминающее праздничное оживление, но условность и белые нитки, которыми было оно пришито, были слишком ясны.

28-го декабря горы, лежащие к северу от Верхоянска, были освещены на несколько минут, но самого солнца не было видно. Показалось оно 29-го. В этот день был виден только один его краешек в течение не более 10 минут. В это время я занимался с двумя другими ссыльными в своей юрте, и вдруг мы заметили, что стало несколько светлее. Сейчас же побежали на крышу юрты и увидели краешек солнца. Сразу почувствовали себя в праздничном настроении. Небо и всё окружающее вдруг ожило. Но было несколько странно смотреть на эту картину. Из-за гор выглядывала лишь маленькая частица солнечного диска, да и её всю нельзя было видеть из-за деревьев, растущих на горах. Но как ни был мал этот краешек солнца, он говорил нам, что самое тяжёлое время зимы прожито. Он возвращал нас к жизни. Возбуждённые, мы долго говорили о нём.

31-го декабря солнце показалось уже на половину своего диска. Оно шло по линии гор, окружающих Верхоянск, и мы смотрели, как деревья на горах проходили через него с запада на восток. Наше зрительное впечатление совпадало с действительным движением земли.

3-го января солнце поднялось уже настолько высоко, что отделилось от линии гор. Это было то же самое родное солнышко, к

которому привык с детства, но уже приходилось смотреть на него иными глазами, как на друга, чью тайну случайно узнал.

На следующий год солнце показалось на день раньше — 28-го декабря.

Полярная ночь кончилась. Давая её описание, я ни разу не упомянул о полярных сияниях. Это не значит, что в Верхоянске их не видеть совсем; наоборот, их можно видеть там очень часто. Не говорил же я о них до сих пор потому, что для Верхоянской длинной ночи они не характерны, так как во время неё они затихают. Необходимо помнить, что полярные сияния могут быть видимы не только зимой: они становятся видимыми сейчас же, как только кончаются светлые ночи. Мне приходилось наблюдать их и в августе¹.

Впервые я увидел полярное сияние 1-го октября (1912 г.), но это было очень слабое явление, и я сперва принял его за отблески луны. Северная часть неба была освещена полукругом, по которому время от времени показывались столбы или пучки света, передвигавшиеся по направлению от северо-востока к северо-западу. Само явление продолжалось очень недолго. В конце октября было ещё несколько слабых сияний; одно из них представляло собою освещённую дугу, горевшую нежным неярким светом. 1-го ноября мне удалось увидеть довольно сильное полярное сияние. Часов в 10 вечера, выйдя из юрты, я увидел на северной части неба пучок лучей очень неправильной формы; лучи эти по временам казались красноватыми. В первом часу ночи я вышел опять посмотреть на небо и увидел, что лучи сияния поднялись к зениту и там, переливаясь, обхватили всё небо. Вспомнилось выражение «всполох играет»: эти беловатые полосы, проходившие от севера к зениту, действительно как бы играли. Ночь была безлунная, и с вечера было очень темно, а при сиянии стало светлее.

12-го ноября видел полярное сияние, которое, несмотря на очень светлую ночь, выделялось довольно ярко: через всё небо проходили

---

¹ В дальнейшем я даю описание ряда полярных сияний, а не ограничиваюсь описанием одного какого-нибудь наиболее яркого сияния. Поступать так я позволяю себе потому, что в литературе имеется сравнительно мало точных описаний очень разнообразных форм этого интересного, но мало изученного явления, и в то же время не редкость встретить чисто фантастические описания.

8-10 пучков света, исходивших из одного пункта на севере, потом, развернувшись веером в зените, собирались в один пункт на юге. Свет этих полос напоминал фосфорический. Через них можно было видеть звёзды.

24-го ноября видел роскошное сияние. Ночь была очень тёмная, но когда я в 12 часов вышел из юрты, то поразился тем, что было довольно светло. Взглянув на север, я увидел такую картину: на чистом звёздном небе вдруг в разных местах появляются довольно яркие пучки света, книзу заострённые; появившись, лучи быстро поднимаются вверх и там, делаясь шире, идут по направлению к югу. Иногда они были окрашены в красивый розовый цвет, а когда поднимались, то казалось, что они дымятся. Уходя дальше, они соединялись с поднявшимися раньше. Своеобразность картины была в том, что пучки, числом до 10, были разбросаны не по одной линии, а в разных местах, и все вместе давали очень красивое сочетание. Кругом них всё небо было освещено нежным светом.

Это было последнее полярное сияние, виденное мною до зимнего солнцестояния. Оно было в начале длинной ночи, а следующее я увидел 20-го декабря, в конце её¹.

Полярные сияния производили на меня сильное впечатление и нервировали меня, и я по несколько раз в ночь выскакивал из юрты, чтобы посмотреть — нет ли сияния. Картины сияний очень разнообразны, и, посмотревши одно, хочется увидеть другое. И я был рад, когда в конце декабря они начались опять. Радость моя увеличивалась тем, что сияние, которое я видел 20-го декабря, было интересным. Им началась целая серия очень красивых и сильных сияний.

Когда я вышел из юрты, то увидел такую картину: ночь очень тёмная, звёзды ярко горят, а на севере светит дугообразная полоса сияния, беспокойная, перемещающаяся, то разрывающаяся на части, то опять соединяющаяся. Потом дуга вдруг расширилась и заполнила собою сегмент, отделявший её от горизонта. Получилось

---

¹ Для определения длины полярной ночи соответствующей широте, под которой находится Верхоянск, необходимо вносить поправку, так как длина этой ночи увеличивается тем, что из-за окружающих Верхоянск гор она начинается раньше, чем можно было бы ждать, судя по широте места, а кончается ... [окончание сноски в оригинальном тексте отсутствует – прим. OCR]

впечатление, что в этом месте светятся очень пушистые облака, то становящиеся яркими, то затухающие и исчезающие, а затем опять появляющиеся. В верхней части явления образовалась выемка в роде буквы V, очертания которой были тёмные и которая выделяла собой наиболее яркое место. После этого сияние стало слабеть.

Сияние 21-го декабря было более сильное, чем предыдущее. Началось оно очень рано; обычно сияния начинались от 9 до 11, а это началось в 6 часов вечера. Признаком его было появление на севере неяркой дуги. В девятом часу стали намечаться ещё две дуги, расположенные одна над другой; часам к десяти они были видны вполне отчётливо, а потом все три слились в одну общую дугу. Последняя вдруг разорвалась на две неравные части, между которыми появился тёмный столб, изменявший всё время свои формы. Интенсивность явления стала ослабевать, и я подумал, что это уже конец его, но когда я вышел опять около 11 часов, то увидел, что ошибся: вся северная часть неба была освещена отдельными пучками света, высоко поднявшимися и уходившими к зениту. Пучки эти принимали всевозможные сочетания, как в калейдоскопе, и в то же время изменялись сами: из резко очерченных «игл» они обращались в расплывчатые «столбы». Потом явление стало опять меркнуть, и я ушёл, но, выйдя минут через 20, увидел его в новой фазе: «пучки» раскинулись веером, причём наиболее яркими, принимающими слегка розоватую окраску, были крайние из них. Все пучки двигались; некоторые быстрее, другие тише; движение их было не в одну сторону. Пучок, образовавшийся в центре, несколько поднялся и двинулся к востоку, одновременно с ним из центра вышел другой, но направился к западу, другие пучки пошли к ним навстречу. Я смотрел до тех пор, пока пучки не слились в пушистые облака, а из них опять не обратились в сияющий полукруг, занимающий уже меньшее пространство, чем то, которое занимали раскинутые беспорядочным веером пучки. В первом часу вышел опять и увидел, что полукруг снова ожил, разбившись на пушистые светящиеся облака, поднимающиеся в центре явления, но уже всё было сравнительно бледно. Скоро явление затухло совсем. Был сильный мороз; на юге во всей своей красе сиял Орион, и играл

своими лучами Сириус. В свою юрту я вернулся бодрый, возбуждённый, хотя и сильно продрогший.

На следующий день было опять сияние, но слабое.

27-го декабря сияние было в новой форме. С вечера не было видно его признаков, и я заметил его лишь около 12 часов ночи. Был ли это конец явления или наиболее яркий его момент — я не знаю. Когда я увидел его, то картина была такая: вместо разбросанных «пучков» или «столбов» по северной части неба проходила дугообразная лента, состоявшая из «пучков», всё время двигавшихся, как бы переливавшихся. Наиболее резкой особенностью было то, что та часть неба, которая шла от дугообразной линии к горизонту, не была освещена отблесками, а была совершенно тёмной, почти чёрной, что делало самую ленту и все её движения очень рельефными. В некоторых местах «столбы» были ярче других и слегка «дымились». Под конец явления правильная дуга стала принимать волнообразное очертание и как бы расплываться.

Хорошо в такую ночь: и сияние и звёзды так красивы; веет от них прекрасным. Жаль только, что трудно долго пробыть вне юрты, так как слишком холодно.

На следующий день сияние было опять в новых сочетаниях. Оно было несильное, интересное только своей формой скопления света: вместо «пучков», подымавшихся снизу вверх, длинных и узких, двигались по направлению от севера к западу довольно широкие светящиеся облачка, обладавшие очень большой скоростью. Потом свет переходил в очень длинные дуги, постепенно уходившие вверх и сменявшие друг друга. Одновременно можно было видеть три дуги. В то время, как верхняя дуга поднималась и исчезала, снизу выступала новая и т. д.

После этого целого ряда полярных сияний наступил некоторый перерыв, и я вновь увидел сияния лишь 8-го января. Ночь была лунная. От того пункта, который обычно служил центром для полярных сияний, шли через всё небо длинные беловатые полосы, расходившиеся в зените и собиравшиеся в один пункт на юге. Проходя мимо луны, они образовывали сложные фигуры, довольно правильные, но неясные. Вокруг луны был круг, в нижней части

которого была ложная луна. Очевидно, это был или конец явления, или — вернее — отблески сияния, которое само не было видно в Верхоянске. Несколько раз после полярных сияний я наблюдал такие полосы и днём; они шли в том же направлении, что и ночью, но уже имели форму перистых облаков.

До 12-го февраля я не видел сияний, в этот же день оно опять произошло в очень эффектной форме. Оно началось часов в 8 и было сильным, хотя не особенно ярким. Сперва появилась довольно резкая дуга, которая принимала много разнообразных форм, напомилавших сложную форму распущенной ленты, расположенной в несколько рядов и волнующейся. Сама лента состояла из ряда примыкающих друг к другу «пучков», в окраске которых можно было уловить слабые красноватые и зеленоватые тона. Красив был конец явления, когда грандиозные дуги поднялись высоко и приняли форму меча, занесённого над землёй.

Сияний, во время которых можно было бы наблюдать какие-нибудь новые формы, мне больше не приходилось видеть. В марте были лишь очень слабые сияния, а в апреле в Верхоянске ночи слишком светлы чтобы можно было видеть их.

Следующей осенью я увидел сияния очень рано — 25-го и 27-го августа; потом наблюдал их в сентябре и ноябре. Одно из ноябрьских сияний имело ту особенность, что началось не в обычном месте, а ближе к востоку. После этого опять, как и прошлым годом, последовал перерыв до второй половины декабря, когда сияния начались вновь. Я мог в эту зиму наблюдать их и в марте, но уже не в Верхоянске, а в Якутске, где видны, правда, не сами сияния, а их отблески, принимавшие обыкновенно вид широко развёрнутого веера, состоящего из ряда светлых полос, направляющихся от точки центра полярных сияний к югу.

После полярных сияний в Якутске, как и в Верхоянске, неоднократно можно было видеть днём перистые облака. Мысль о сближении этих двух явлений напрашивалась у меня всё время. В течение второй зимы, когда сама форма полярных сияний меня интересовала уже менее, я пытался уяснить себе их природу. К сожалению, у меня кроме бусоли и простой магнитной палочки не

было никаких инструментов, при помощи которых можно было бы производить все необходимые наблюдения.

После ряда примитивных наблюдений я убедился, что в Верхоянске склонение магнитной стрелки компаса во время полярных сияний обыкновенно не изменяется. Лишь один раз я наблюдал «магнитную бурю». Но почти всегда во время них были слабые намёки на изменение магнитного наклона; установить это точно я не имел возможности. Магнитное склонение в Верхоянске положительное — от севера к западу, так как в местности, где лежит Верхоянск, наблюдается магнитная аномалия. По моим наблюдениям, угол магнитного склонения в Верхоянске колебался между $+8^\circ$ и $+9^\circ 49'$ ¹; верхняя же точка дуг полярных сияний была приблизительно на $9^\circ 45'$ к востоку от меридиана. Но, как я уже говорил, иногда они происходили в других местах, как, например, одно из сияний в ноябре 1913 г. было почти на востоке.

Наблюдая полярные сияния, я увлекался и забывал, что нахожусь в Верхоянске; забывал о всех своих мрачных мыслях и видел перед собою только землю, охваченную от полюса до полюса лучами сияний. Мне хотелось понять это явление и поставить его в связь с другими явлениями природы. Я строил ряд гипотез. Может быть они и не выдержали бы научной критики, но мысль об этом не останавливала меня. Я думал и уходил мыслями далеко от всех тех путей, которые давили меня. Это были тоже верхоянские переживания, и я не могу удержаться, чтобы не передать их кратко.

Думая о том, какова должна быть форма сияний над магнитным полюсом, я предположил сперва, что там они видны в форме кругов или венцов. Но потом, высчитав разницу между верхоянским

---

¹ 1) Магнитное склонение и напряжение в Верхоянске определялось Миллером в 1874 году и Шилейко в 1893 г. Миллер делал определения 1-го декабря 1874 г. в юрте близ дома Горохова. По наблюдениям его и Шилейко составлена таблица для определения годовых изменений наклона. Для Верхоянска:
Наклонение: $79^\circ 5,4'$ и $79^\circ 10,5'$
Годовое изменение: $+ 0,27$
Напряжение.

Время 10 качаний	темп. С	Горизон. направления		
		I	II	III
I ряд 53,26	+17,0			
II ряд 53,28		1,1433	1,1441	1,1437

Полное напряжение: 6,0439

Определения склонения для Верхоянска у Миллера нет. См. Миллер: «Исследование земного магнетизма в Восточной Сибири, Результаты экспедиции на Нижнюю Тунгуску и на Оленёк в 1873-1874 г». СПб. 1895 г. Записки Им. Рус. Геогр. Об. по общей географии, том XXIX, № 1.

временем и временем местности, где находится магнитный полюс, я понял, что там их нельзя увидеть совсем. В Верхоянске обычно полярные сияния начинались между 9 и 11 часами вечера, первые признаки были всегда около 9 ч., а в это время на магнитном полюсе должен быть полдень. А раз полярные сияния происходят тогда, когда солнце проходит через меридиан местности, в которой находится магнитный полюс, то становилось понятным, почему в середине длинной ночи полярных сияний нет. Это подтверждало зависимость полярных сияний от солнца: известно, что многолетняя периодичность полярных сияний, равная в среднем 11,5 лет, совпадает с подобной же периодичностью солнечных пятен. В полярных странах максимум полярных сияний совпадает с минимумом пятен и наоборот.

Наблюдая полярные сияния, нельзя было не заметить, особенно, когда их лучи достигали зенита и охватывали весь небосклон в виде полос, что это не какой-нибудь отблеск, что свет их совершенно самостоятельный и очевидно является результатом скопления светящихся частиц: было прямо видно, как несётся или как бы переливается такое скопление. Невольно делал вывод, позволявший видеть в этом явлении начало ионизации земной атмосферы, а в частицах, образующих эти скопления, заряженные ионами замёрзшие пары воздуха. Мне рисовалась такая картина: катодные лучи солнца, направляясь к магнитным полюсам, образуют над ними венцы, видимые потом в разных местностях в виде дуг полярных сияний. Проходя через короний, лучи вспыхивают красноватым светом, потом, стремясь от одного магнитного полюса к другому, они приближаются к земле, вовлекаются в её атмосферу и днём бывают видимы в виде перистых облаков. Выводом из этого должно быть то, что перистые облака являются носителями электрических зарядов, поступающих от солнца в земную атмосферу. Мне вспоминалось, что в средних широтах грозе часто предшествует появление перистых облаков.

Проверить все эти свои гипотезы я в Верхоянске не мог. Наваянные красотой и грандиозностью полярных сияний, они

скрашивали существование и придавали бодрость, внося интерес к окружающему.

После того, как появилось солнце, местные жители стали говорить: теперь морозы пойдут навстречу солнышку. — И действительно начались настоящие верхоянские морозы, перед которыми побледнели даже те жестокие холода, которые были до сих пор.

В конце декабря было около 60°C, а второго января ударило 60°C, четвёртого же было 63°. Когда говоришь о таком морозе, то недостаточно сказать «холодно» или «очень холодно», так как эти слова не выражают того состояния, которое испытываешь при нём. Такой мороз «жжёт»; он именно «жгучий», знойный. При нём, когда выходил из юрты, я испытывал такое ощущение, как будто меня жгут калёным железом. Правда, за эти дни я ни разу ничего не отморозил, но буквально каждую минуту, когда я куда-нибудь шёл, приходилось оттирать или нос, или щёки. Дыхание захватывало; даже в лёгких ощущался холод; чувствовалось, как в носу замерзает воздух. Дышать можно было только носом. Мне казалось, что я бегу без одежды, хотя на мне была тёплая шуба, очень тяжёлая по весу. Несмотря на то, что мне приходилось в эти дни ходить недалеко, и я шёл не более 10 минут, я прибегал в юрту весь заоченелый и долго дрожал и не мог согреться. Чувствовалось, что озяб действительно до мозга костей. В воздухе стоит густой туман; нигде не видно ни души, все работы брошены; всё живое исчезло, не видно ни единой птицы, ни единого зверя; ни откуда не раздаётся ни звука, только из всех труб вырываются с тресками искры. Ветерка ни малейшего, и дым подымается совершенно прямо. Ночи были лунные, абсолютно тихие, светлые и ещё более «жгучие».

Зима эта была одной из самых суровейших зим даже для Верхоянска. Но всё-таки переносить эти жестокие морозы было легче, чем можно было предположить, не испытав их. Объясняется это тем, во-первых, что зима в Верхоянске, как я говорил, безветренная; во-вторых, она тут проявляет свою силу без всяких послаблений, неукоснительно, но лишь постепенно приучая к сильным морозам, и «жгучие» морозы приходится встречать уже

подготовленному. На общем состоянии эти морозы всё же отражаются, и я чувствовал во время них некоторую общую слабость.

Как раз в эти дни происходило сближение Венеры с Луной. Якуты, указывая на Венеру, говорили:

— Вот, когда эта звезда (У оттах сулус чолбонг) и луна ходят вместе, то всегда бывает холодно.

Мороз, продержавшись несколько дней около 60°C , 17-го января неожиданно ослаб, и в этот день было всего 24°C . Это тепло сразу почувствовалось, и было как-то странно смотреть на незамерзшие окна. Когда я вышел из юрты, то мне в шубе было жарко.

Но уже через день было опять 60° . Опять стало «жечь». 21-го мороз был значительно сильнее, чем 4-го. Днём было 67°C , ночью он усилился ещё. Опять он жёг, опять понижывал до костей. При одной мысли, что надо пойти на другой конец Верхоянска, становилось холодно.

Но в юрте мороз был более неприятен, чем вне её. Несмотря на то, что в эти дни я усиленно топил, около моей двери по стенам, на самой двери и в углах появились «зайчики». Из всех щелей несло холодом. Пол казался ледяным, и ноги зябли, несмотря на валенки и заячьи чулки.

Я уже говорил, что для того, чтобы в юрте было тепло, камелёк необходимо топить круглые сутки. Помимо того, что это обходится дорого, такое отопление фактически невозможно, так как трудно постоянно вставать по ночам. Все ссыльные поэтому поставили в своих юртах по железной печке. Первая моя печь была устроена... из большой банки из-под керосина. Это был первый опыт в этой специальности двух ссыльных, и печка отчаянно дымила. Как всякая железная печка, она или нагревала так, что было жарко, как в бане, или же, если я забывал или не мог подложить своевременно дров, приходилось стучать зубами. Особенно скверно было по утрам, ибо, как я ни старался, чтобы печка топилась всю ночь, этого у меня не получалось. Достаточно же было, чтобы печка погасла, как мороз. Забирался во все щели, опушая их довольно красиво «зайчиками» и замораживая стёкла. Спал я на одной из лавок около стены, в самом

тёплом месте юрты (на «категерине»¹), но так как под лавкой пола не было, то «зайчики» водились непосредственно под постелью, обращаясь в сильные морозы в лёд. Один раз я заметил, что мой сенник² примёрз к лавке. Сперва я думал, что мне будет достаточно простого сенника, чтобы не чувствовать холода снизу, но ещё в августе пришлось купить оленью шкуру, а когда начались настоящие верхоянские морозы, и её оказалось недостаточно, я купил ещё одну шкуру. Покрываться было необходимо заячьим одеялом, а в январе сверх него надо было покрываться ещё шубой. Ведь, кажется, достаточно много всяких одеяний? Но когда было около 70°, то, несмотря на эту броню, по утрам приходилось дрожать. И те минуты, которые уходили на растопку печки и на то, чтобы остывшая за ночь юрта нагрелась, были очень неприятны.

Что касается одежды, которую приходилось носить зимой, то она мало отличалась от обычной. Необходимы были лишь заячьи чулки, валенки или «камусы» (сапоги из оленьих шкур) и меховые рукавицы; некоторые из ссыльных носили ватные штаны. Всё остальное было обычным зимним платьем. Башлыков никто не носит в этих местах. Голову можно хорошо закутать шапкой с наушниками. Якуты в Верхоянске зимой носят или короткое пальто на заячьем меху, или же пальто из оленьих шкур. Некоторые из них в сильнейшие морозы надевают на нос небольшие колпачки, а на шею, вместо традиционного шарфа, «муйтурук» (нечто вроде боа, сшитого кольцом из беличьих хвостов), который можно постоянно передвигать и таким образом заменять намёрзшее от дыхания место другим, сухим.

В феврале морозы ослабели: продержавшись в начале месяца около 50-40°, они во второй половине его уже не достигали и 30°.

Начались яркие, солнечные дни. В юрте не сиделось; хотелось на воздух, который был удивительно чист. Солнце и снег ослепительно сияли, и морозы совершенно не чувствовались. Начались наши прогулки в лес и горы. Так хорошо было дышать там. Можно было идти спокойно, а не бежать, как во время сильных морозов. 24-го

---

¹ Категерин – семейная кровать, на которой спят хозяева. См. В.Л. Серошевский. «Якуты». – прим. OCR.

² Сенник – здесь, матрас, набитый сеном. – прим. OCR.

пошёл снег; это было, по уверениям местных жителей, признаком того, что больше сильных морозов уже не будет. 26-го было всего -9° . Воспользовавшись теплом, отправились на ближайшую гору. Верхоянск опять подарил картиной: на Яне лежал вывезенный за зиму навоз; с гор этот навоз и юрты как-то смешивались и производили одинаковое впечатление.

После некоторого усиления морозы в начале марта опять ослабели. Почувствовалось приближение весны, хотя до таяния снега, шумных ручейков было ещё далеко. По ночам было холодно — мороз доходил до 40 и 50° , днём же было тепло; так, 16-го марта днём было всего -1° ! Начались ветры, которые весной в Верхоянске всегда приносят тепло, откуда бы они ни подули. 29-го марта впервые после зимы раздалось щебетание синичек. После мёртвой тишины, которая была такой продолжительной, я очень обрадовался ему. 31-го на тальнике показались пушинки. Но все эти признаки весны были обманчивы. 1-го апреля опять стало холодно, и погоду отнюдь нельзя было назвать весенней. Хотя снег и начал таять, но нигде ни проталинок, ни луж не было. 7-го апреля я впервые увидел евражку, вылезшую из норы после зимней спячки.

В начале апреля вечерняя заря стала сходиться с утренней. 11-го апреля в двенадцать часов ночи было довольно светло, а в третьем часу утра в юрте можно было видеть всё, не зажигая огня. К концу апреля ночи стали уже настоящими «белыми» ночами: и сами они были белыми, и белым был снег, лежавший всюду.

18-е апреля — 1-е мая по новому стилю — не принесло в Верхоянск весны, но 26-го был уже несомненный признак её прихода: зажужжали большие мухи (на открытом воздухе), и их было слышно далеко. Снег лежал кругом, и странно было видеть этих мух, как бы чудом спасшихся от жесточайших морозов, от которых и деревья крутятся. Появились лужи; около всех юрт образовались кучи навоза и грязи. Кое-где подсохло и стало похоже на то, как бывает в России в середине марта. Днём, когда пригревало, я старался найти какое-нибудь «дело» во дворе и копался вокруг юрты: гнал воду по канавкам, подметал и т.д. Кругом опять не было ни души, если не считать евражек, но не хотелось заходить в

надоевшую юрту. Ночью все эти признаки тепла вдруг сменялись довольно приличным морозцем.

27-го апреля полетели с юга гуси. Хотя кругом ещё был снег, а Яна ещё и не думала вскрываться, но можно было сказать, что зима кончилась.

VI. Весна.

1-го мая снег лежал ещё всюду, за исключением проталинок около юрт, но, несмотря на это, раздавалось пение жаворонков. Отправились в лес на маёвку, которая была очень своеобразной: вокруг нас лежал снег, а под горой — скованная льдом Яна. Но над той проталинкой, где мы сидели, уже были комары.

2-го мая появились подснежники («пострелы» — по-сибирски). Они удивительно гармонируют с здешней природой; волоски, которыми покрыты их чашечки и листья, здесь очень длинные, и кажется, что цветок надел шубу.

Несмотря на все признаки весны, не верилось, что она пришла; не было и весеннего настроения. Опять сказывалась отрезанность от всего мира: из-за весенней распутицы с 15-го апреля по 21-е июня не было почты. Может быть отражалось и то, что нельзя было проявить свою энергию так, как хотелось, и мы тратили её на всякие мелочи, в роде сбора щепок около юрты. Начавшиеся же белые ночи нервировали, не давали спать, и у всех появилось беспокойное состояние.

Перелёт птиц увеличивался с каждым днём; особенно много летело гусей, которые тянулись бесконечными вереницами. Верхоянск обратился в какой-то военный лагерь: со всех сторон то и дело раздавались выстрелы, всюду были видны фигуры охотников. Стреляли тут же у юрт, стреляли за юртами, стреляли на болотах, стреляли в лесу. Правда, убивали очень мало, настолько, что купить хоть одного гуся никому из нас так и не пришлось. Большого оживления среди верхоянского населения, чем в эти дни, я никогда не видал.

5-го мая опять пошёл снег, задул холодный ветер, и сделалось совсем непохоже на весну. Лёд на Яне продолжал стоять неподвижно. 8-го числа опять появились комары, которые начали порядочно надоедать, а 9-го уже нигде не было видно снега, и показалось большое число «пострелов». В Верхоянске их только один вид — с золотистыми лепестками. Когда их много, они очень скрашивают серую верхоянскую картину. Якуты относятся к этим цветам с некоторым суеверным страхом. Они их никогда не рвут, боясь, что из-за этого может ухудшиться погода. Правда, они вообще не рвут цветов и смеются над ссыльными, когда видят их с цветами. Вместе с появлением цветов увеличилось число птиц. Раньше птицы лишь пролетали над Верхоянском, отправляясь дальше к северу, теперь же появились птицы, остающиеся на лето здесь. То и дело раздавались крики гусей, уток, рыболовов, пение жаворонков, щебетание стрижей, трясогузок и прочих.

Жители также повылезли из своих юрт и принялись подметать и сжигать сор, накопившийся около их жилищ. Над Верхоянском поднялся удушливый смрадный дым. Потом задул ветер с пылью из навоза. Приходилось опять сидеть в юрте.

№ 8. Вид на Верхоянск с горы.

Один из Янских амфитеатров, на котором расположен Верхоянск.

Хотя становилось всё теплей, но лишь к 13-му мая трава начала слегка зеленеть, а лиственница ещё не распускалась. На Яне 10-го мая была подвижка льда, но только 14-го начался ледоход, а

очистилась она 15-го. Сам ледоход тут большого интереса не представляет; любопытен лишь вид льда весной. Очень толстый, голубой лёд весь разделяется на длинные кристаллы, похожие на стеклянные иглы, которые со звоном откалываются от льдин и плывут рядом с ними. Звон смешивается с шумом от трения льдин друг о друга. Получается своеобразная весенняя мелодия, через которую, как лейтмотив, проходит трель жаворонка.

Во время ледохода весной Яна редко выступает из берегов, и её разлив вообще небольшой, но всё же все болотца и впадины, окружающие Верхоянск, наполняются водой, и птицам тут — раздолье.

Гуляя весной вокруг Верхоянска, я натыкался на бесконечное число трещин на земле, образовавшихся зимой. Как в этих трещинах, так и во впадинах была вода, и почти вся долина была залита ею. Оставались лишь небольшие участки земли, главным образом на грядках, где было сухо. Эти грядки, чередуясь с небольшими, неглубокими, дугообразными впадинами в несколько сажен шириной, образуют в долине Яны ряд амфитеатров. Многочисленность впадин и грядок, однообразие их форм показывают однородность их происхождения. В некоторых местах они идут параллельно петлям Яны, в других она как бы обрезает их. Во всех этих впадинах сыро; в некоторых — болото и, наконец, — это уже озеро. Грядки покрыты деревьями, во впадинах их нет; этим объясняется возможность с гор сразу увидеть эти амфитеатры на громадном пространстве. Линии дуг особенно резко видны ещё и потому, что более крупные деревья растут на краях грядок, так как вечная мерзлота, подвергаясь в этих местах действию солнечных лучей в двух плоскостях, глубже оттаивает, и тут деревья могут пустить свои корни глубже, чем в других местах. Весной эти впадины наполняются водой; в некоторых из них вода стоит всё лето.

Меня очень интересовало происхождение этих дуг. То, что вода сыграла тут большую роль, это было очевидно. Но для того, чтобы быть старыми руслами Яны, эти впадины и слишком мелки, и слишком узки. Признать их следами только весенних разливов не

позволяет правильное чередование впадин и грядок. Осматривая местности около Верхоянска, я заметил, что трещины, которыми покрыта она, образуют сеть, которая в некоторых местах состоит из довольно правильных фигур. Нетрудно было также заметить различный возраст трещин, так как вода, попадавшая в них весной и осенью и замерзавшая зимой, постепенно увеличивает их. Это меня заставило придти к выводу, что образование этих амфитеатров есть результат совместной деятельности морозов и воды. Правильность этих дуг и правильность трещин заставляли меня называть их младшими братьями каналов на Марсе...

Вслед за вскрытием Яны появились «петушки», кулички и прочие мелкие пичужки. 16-го закуковала кукушка и немного зазеленела лиственница. Лес сразу приобрёл более нарядный красивый вид, хотя на кустарниках признаков оживления ещё не было. Но 17-го задул холодный ветер, и даже днём было несколько градусов мороза, а на следующую ночь пошёл снег, продолжавший идти и 19-го. Хотя солнце иногда и проглядывало через облака, но чувствовалась скорее зима, чем весна, и думалось, что здесь нормальным временем года является зима, а всё остальное это лишь так — недоразумение. Ведь, уже кончался май, а до июля, когда опять можно было ждать заморозков, было совсем недалеко, и казалось, что здесь одна зима сходится с другой.

Так серо и пусто было кругом. Опять отсутствие действительной жизни заставляло чувствовать себя «по ту сторону черты». Пустота и серый тон заслоняли собою всё. Всё было так просто и неотвратимо. Все свои желания, все свои порывы надо было прятать поглубже в себя и не давать им проявляться. Ведь, ни одно из желаний неосуществимо при этих условиях, а их не изменить, преодолеть же их можно было терпением. Но надвигающийся длинный день, время без ночи, всё сильнее и сильнее нервировал и казалось, что терпения не хватит. Создавалось настроение, похожее на то, какое было в течение длинной ночи. Слишком большое количество солнечных лучей очевидно повышало нервное напряжение. Никто из нас не мог спать в это время, а ведь солнце ещё заходило на некоторое время. Бессонница уже утомляла, а как только ослаблял свой надзор за

собой и проявлялось то или другое желание — прежде всего желание уехать отсюда — так уже не скоро можно было отделаться от мучительных переживаний. Может быть поэтому так часто и наваливалась пустота. Ведь, она спасала...

Весна же продолжала радовать: 20-го мая опять и днём, и ночью шёл снег, и было холодно. В течение нескольких дней дул очень неприятный ветер то со снегом, то с пылью, и невозможно было выйти из юрты. Когда ветер вечером 21-го мая стих, и я вышел подышать свежим воздухом, то увидел картину, которая меня поразила странным сочетанием своих элементов, хотя пора уже было привыкнуть к верхоянским особенностям. Был одиннадцатый час ночи, а солнце светило из-за облаков, находясь довольно высоко и приближаясь к северу. Над покрытой тонким льдом водой, залившей долину, носятся с криками рыболовы, утки и другие птицы. Цветы замёрзли; чуть-чуть зеленеют трава и чахленькие лиственницы с едва выглянувшей хвоей. Идёт хлопьями снег; сперва он таял, потом таяние прекращалось. Постепенно всё закутывается снежной пеленой, сквозь которую проскальзывают лучи солнца, и где-то высоко слышится крик птиц.

Какое имя надо было дать этой картине?

Лишь 24-го мая началась погода, которую можно было назвать майской. Сделалось настолько тепло, что сразу зазеленели и трава и лиственницы. Лес ожил; в два тёплых дня он стал вполне зелёным. Вновь зацвели подснежники и с ними другие цветы. Появились бабочки; опять загнусели исчезнувшие было комары. В воздухе стоял гомон от птичьих голосов. Птицы попадались всюду; в нескольких шагах от моей юрты полоскались утки, бегали петушки и кулички. В самом «центре» Верхоянска, на «Байкале» также было много птиц, и некоторые из охотников не могли утерпеть, чтобы и там не пострелять в них. Я пошёл на «Селян» (озеро в 2-х верстах от Верхоянска), но оно было ещё покрыто льдом. По дороге к нему я то и дело натыкался на птиц и спугивал их.

Весна сделала своё дело, и началось верхоянское лето.

VII. Лето и незаходящее солнце.

Температура летом в Верхоянске не подымается выше +30°C, но и это кажется там большой жарой, тем более, что и летом иногда бывает градусов 5-6 мороза. Начавшись в последних числах мая, лето спешит помочь природе обновиться, набраться сил на долгую зиму. В конце июля уже чувствуется приближение осени. При этом коротком лете каждый тёплый день имеет большую цену.

Но эти хорошие дни, яркие, солнечные, действовали мучительнее обычных. То, что даёт возможность сильнее проявить себя и наполнить содержанием жизнь, здесь лишь будило энергию, но не давало возможности применить её. Хотелось сбросить с себя всё верхоянское, освободиться от того, что давило как кошмар, но этого сделать было нельзя, и легче становилось лишь тогда, когда наступало «небытие». Первые хорошие дни сильнее вызывали в памяти прошлое и было тоскливей. Но и во время них не сиделось в юрте, и большую часть дня я проводил в лесу или на горах.

Ещё в начале мая не было настоящей ночи, но горы, окружающие Верхоянск, не позволяли до конца мая видеть солнце круглые сутки.

Местные жители проявляли слишком мало интереса к такому явлению, как незаходящее солнце. Они уверяли даже, что из Верхоянска его не видно. Мне хотелось проверить это, и оказалось, что его можно видеть не только с ближайших гор, но и с северного конца посёлка.

29-го мая, около двенадцати часов ночи, я пошёл посмотреть солнце. Оно было на севере над горами и ещё не заходило. Потом, немного понизившись, оно пошло по линии гор. Оно то показывалось из-за них, то пряталось, и нельзя было сказать, что это такое — закат солнца или восход. Я ушёл в юрту во втором часу, когда оно поднялось уже высоко. Но хотелось видеть полную картину незаходящего солнца. 2-го июня мы всей компанией отправились на «Белую гору» — самую высокую гору близ Верхоянска. С её вершины, где было холодно и где растительность была беднее, чем в долине, открывается широкая картина. На северо-восток верстах в 100 видны горные хребты с вершинами, на некоторых лежит вечный

снег, а на запад, северо-запад и север идёт ряд невысоких горных хребтов, уходящих к горизонту. Над ними сияет солнце, идущее градусов на 15-20 над горизонтом. Под ногами долина с извивающейся на ней Яной и озёрами, на которых ещё лежит лёд. Верхоянск куда-то скрылся, и о нём можно лишь догадываться.

До двенадцати часов было заметно, как солнце медленно опускалось, а потом — как оно стало так же медленно подниматься. Но заметить это было можно лишь с большим трудом. И опять стали особенно ясны и условность понятия о времени, и, если можно так выразиться, — одиночество земли. Солнце так «равнодушно» сияло, так определённо говорило, что ему нет ни малейшего дела до земли и людских условных понятий. Смотря на него, я забыл, что нахожусь в Верхоянске и видел себя просто на земном шаре, безотносительно и к земному времени, и к земным событиям. И в то же время опять сильнее почувствовал себя приобщённым к жизни во вселенной.

Так думалось, когда мы смотрели с Белой горы на солнце, а потом вспомнилась прекраснейшая, милая с детства картина обычного восхода солнца после тёмной летней ночи. И все мы в один голос сказали, что та родная картина красивее этой величественной. Вспомнились и летние звёздные ночи, и всё связанное с ними, и так захотелось поскорее быть там, где сейчас светят звёзды, где «солнце всходит и заходит».

5-го июня я опять любовался полуночным солнцем, но от своей юрты. Оно шло по линии гор, не заходя за неё, показываясь на полдиска, а потом поднялось выше. Эта картина была более земная, чем та, которую видели на Белой горе.

Облачное небо не позволило мне точно отметить, в течение скольких суток солнце не заходит здесь за горизонт. Но время, когда круглые сутки бывает совершенно светло, тянется с половины мая до июля.

Граница между «сегодня» и «завтра» исчезла. Всё слилось в одну непрерывную ленту, на которой стало трудней и трудней различать хотя какие-нибудь следы впечатлений. Не было никаких известий о жизни в других местах земли. Опять начались разговоры о тоске, о нервах.

Первые жаркие дни принесли с собой множество комаров. Стало «комарно», как говорят местные жители. Трудно было выбрать время для прогулки. Иногда комары так кусали, что приходилось просто убежать в юрту. Но и там спастись от них было трудно. Духота заставляла открывать окна или дверь, и комары моментально наполняли юрту. Сетки на окнах помогали мало. Ночью, несмотря на все меры, комары всё время тревожили и не давали спать.

31-го мая была гроза — первая и единственная за всё лето. Большинство лет в Верхоянске проходят совсем без грозы. Но тёплые дни простояли недолго, и 6-го июня стало холодно, а в ночь на 9-е, т. е. как раз в тот день, когда и в полдень и в полночь солнце стоит всего выше, выпал снег, покрывший всё и продолжавший идти и днём до полудня. После полудня он начал таять и в городе исчез, на горах же пролежал всю ночь. Но 10-го было настолько тепло, что расцвёл шиповник, которого здесь множество. Когда мы увидели первые цветы шиповника, то с какой-то стремительностью бросились на них и рвали. Хотелось взять у природы хотя их.

Я уже говорил, что якуты каждое лето поджигают свои леса; делается это не только на севере Якутской области, но и на юге её, ближе к Якутску, где население плотнее. Несколько раз в лето сильнейший южный ветер напоминал нам об этом. Он вдруг приносил очень много пыли и заволакивал всё окружающее дымом. Нельзя было выйти из юрты, так противно пыль засыпала всего и так неприятно было дышать дымом. Солнце закутывалось им совершенно, и лишь иногда из-за облаков дыма оно выглядывало громадным красным глазом, слепым, без всякого блеска.

21-го июня пришла, наконец, первая летняя почта. На этот раз одно из полученных писем пришло на 107 день; самым свежим письмом было пришедшее через 50 дней. Газеты были в таком же возрасте и казались опять скорее историческими документами, чем глашатаями злободневных новостей. Приходило сразу около сотни номеров, и трудно было перечитывать их подряд, но оторваться от них не хватало сил.

С начала июля стало холоднее. Наступили довольно прохладные дни. Почувствовалось приближение осени. Лето именно

промелькнуло. Уже и солнечные дни не были такими тёплыми, как в июне. По ночам начались небольшие морозы; иногда на лужах образовывался лёд, а хвоя на лиственнице начала желтеть. Ночи стали темнее, и 29-го июля я впервые за это лето увидел звёзды. Прошлым годом они сделались видимыми несколько позднее, так как тогда было более облачно.

Опять город опустел: все жители его отправились на покос. «Пришла пора раскашивать восьмисуставчатую многоветвистую траву восьмидесятирублёвым английским железом. Наступил день скашивать девятисуставчатую нанково-зелёную траву горбатым железом. Настало время сгребать в разные стороны нашу восьмисуставчатую траву восьмизубую деревянной вилою», как говорится в одной из якутских импровизаций¹.

Поспели ягоды, и мы начали делать их запасы. Пришла осень.

3-го августа ночью над горами заблестела зарница. Некоторые из местных жителей прибежали к нам, чтобы узнать, что это за странное явление. По их словам, они никогда раньше не видали зарницы. Нам она напомнила о той части земли, где жизнь ещё полна яркими красками, где солнце греет не так, как у нас, где люди готовятся к наиболее деятельному времени в году; нам же предстояло опять заоченеть.

VIII. Верхоянские якуты.

Так сурова здесь природа, так мало она даёт людям, так трудны были препятствия, которые нужно было преодолеть, чтобы придти сюда, что невольно возникают вопросы: зачем попали сюда люди? Что толкнуло их на эти лишения? Ведь, там, южнее, достаточно ещё незанятых пространств. Ведь, здешние жители до сих пор ещё не делают попыток разработать недра своей земли, а берут от неё лишь сено па пушнину, а это-то они могли бы получить и на Лене и не только раньше, когда они двинулись сюда, но и теперь?

Ответ надо искать в истории якутов. Они являются пришельцами не только здесь, но вообще в Якутской области. Коренными

---

¹ Худяков: «Верхоянский сборник», стр. 19.

здешними жителями приходится считать тунгусов, ламутов и юкагиров¹. Якуты пришли в Якутскую область приблизительно в XVI ст. из Монголии². Появление якутов в Верхоянском округе относится к XVII ст. После того как казаки, придя из Мангазеи, подчинили себе якутов, живших в той местности, где сейчас Якутск, и начались различные ужасы и зверства, часть якутов бежала за Верхоянский хребет. Встретившись здесь с тунгусами, они оттеснили их и стали пасти свои стада быков и коров и табуны лошадей, переходя с своих зимних стойбищ на летники за сеном. Но победители казаки настигли их и тут. Уже не было больше сил у якутов, и, покорившись, они стали платить ясак.

Вот как об этом рассказывает одна якутская сага:

— Убивши весь народ Тыгынг-тоёна (якутского царя), поймали его самого. Поймавши, мучили всеми указанными русским царём пытками; но он не дал своего слова, не просил пощады. Под этими пытками и помер этот Тыгынг-тоён. А бывшие тут люди все просили пощады, все принесли повинную голову.

— Здесь (т.-е. в Верхоянском улусе) тогда ни одного человека не было. Услыхавши это, бежали сюда и, пришедши, сделались здесь оседлыми.

— Тамошние люди, ходя с провожатыми человек к человеку (т.-е. по разным селениям), всех обложили ясаком³.

Большинство народов севера, попавших под владычество русских, вымирает. Ярким исключением являются якуты — народ, отнюдь не вымирающий, а развивающийся, очень не заслуживающий того, чтобы его считать «диким».

---

¹ Юкагиры — это почти исчезнувший народ, остатки которого живут за р. Индигиркой и по р. Ясачной и Коркодону в Колымском округе. Тунгусы и ламуты кочуют вблизи Сев Лёд. океана от р. Енисея почти до берегов Великого океана, спускаясь на юг за Алдан. [Тунгусы и ламуты — старые названия для эвенков и эвенов. — прим. OCR.]

² Вопрос о происхождении и месте первоначальной родины якутов трактуется в специальной литературе, куда мы и отсылаем интересующихся этим вопросом. Якуты — тюркского племени. Они представляют собою смесь двух племён: хори и ойн урянха. Троцанский: «Эволюция чёрной веры у якутов», стр. 15.

³ И.А. Худяков: «Верхоянский Сборник», стр. 52. Но и покорившись, якуты и другие инородцы не оставляли ещё надежды избавиться от навязываемых им порядков. Так, «в XVII ст. в сороковых годах взволновались якуты около Якутска, но были укрощены сильными мерами воеводы Петра Головина» (Соловьёв: История России, том XII, стр. 301). Через несколько лет движение перекинулось севернее. «Но в то время, как прибирали к рукам новые земли, с трудом удерживали старые вследствие восстания дикарей на реках Яне и Индигирке. В 1866 году ламуты осадили русский острожец на Индигирке; осаждённые отбились, но дикари не платили целый год ясака». В следующем году ламуты опять напали на острог (там же, стр. 304).

Якуты по преимуществу скотоводы, а на юге Якутской области и земледельцы. Тунгусы, ламуты, юкагиры и чукчи по преимуществу оленеводы. Среди якутов оленеводов мало; в местности, где живёт большая часть якутов, нет «ягеля», лишайника, которым питаются северные олени. Якуты оленеводы живут в Верхоянском округе, где есть ягель; среди них встречаются лица, число оленей у которых доходит до нескольких тысяч; это — возчики больших казённых и купеческих грузов. Но в самом Верхоянске рядовой якут для подвоза сена, дров, льда пользуется быком, так как ни оленей, ни лошадей у него нет.

Можно предположить, что в Верхоянский округ пришла наиболее энергичная и способная часть якутов. Эти потомки южных степных кочевников оказались в очень неблагоприятных условиях, лишённые решительно всего, подвергавшиеся всё время всяким поборам, наглым обманам как со стороны казаков и чиновников, так купечества; бесправные, недопускаемые почти ни на какие административные посты, они не только не выродились, но и успели занять первое место среди всех народностей, населяющих этот край, сохранив свою собственную физиономию, в общем довольно любопытную и во всяком случае не плохую. То, что якуты сумели оттеснить тунгусов, ламутов и пр., объясняется, понятно, тем, что теперь они успели перейти почти к оседлому образу жизни, а тунгусы и ламуты — до сих пор кочевники. Но побеждёнными оказались и победители-казаки в лице своих потомков, совершенно объякутившихся и вырождающихся.

В административном отношении якуты делятся на улусы, улусы на наслеги, а наслеги на роды. Во главе улуса стоит улусная инородная управа, в состав которой входят избираемые улусом члены управы и улусный писарь. Раз в году в январе происходит улусное собрание, на котором бывает раскладка податей и обсуждаются некоторые меры общего характера. Обязанностью улусной управы являются также функции улусного суда, разбирающего дела на основании обычного права. Якуты не несут воинской повинности.

№ 9. Семья зажиточного верхоянского якута

Остатки родового быта проявляются не только в административном устройстве верхоянских якутов. Среди них сохранились даже остатки матриархального рода. У каждого якута три фамилии: одна официальная русская, с православным именем; другие две — якутские: одна по отцу, другая по матери, которую якуты чаще всего помнят. Родовой строй проявляется в обычае поддерживать на счёт рода сирот и престарелых, у которых нет богатых близких родственников. Такие сироты и старики живут по очереди некоторое время во всех юртах. Когда кто-либо из якутов убивает корову или быка, то все соседи сходятся к нему, чтобы получить от него небольшую часть. Каждый из якутов, зайдя в юрту и попав на обед или на ужин, считает своим правом принять участие в них. Как на последствие этих обычаев, можно указать на полное отсутствие краж в Верхоянске, совершаемых якутами. Если кражи всё-таки иногда и бывали, то они совершались уголовными ссыльными. Когда их в городе не было, можно было спокойно оставлять юрту незапертой; если якут и войдёт в юрту, то он может взять лишь что-нибудь из еды, но у меня лично и этого никогда не происходило.

Мне приходилось часто слышать очень нелестную характеристику якутов. Многие утверждают, что они, взятые в целом, представляют собою народ ленивый, лживый, склонный к обману.

Вот увидите, — говорили мне, — что при первом же случае они обманут вас.

В первые дни по приезде в Верхоянск мне представилась возможность проверить это. Я узнал, что сдаётся подходящая для меня юрта, но хозяин её находится на покосе на «Негодяе» (так называется местность верстах в 8 от Верхоянска по колымской дороге). Необходимо было сходить туда, чтобы сговориться с ним; не зная дороги, я не мог сделать этого один, и надо было или послать туда кого-нибудь, или найти человека, который взялся бы проводить меня. Мне указали на якута, прозвище которого было Шаман. Я был очень заинтересован поскорее переселиться в свою юрту и обещал ему хорошо заплатить, если он сходит и сговорится с хозяином юрты. Он согласился и обещал придти на другой день утром с ответом, но не пришёл.

Вот видите — обманул. А вы хотели, чтобы якут пошёл за восемь вёрст из-за ваших денег.

— Да, ведь, он обещал?

— Мало ли что.

Во время нашего разговора к нам подошёл один пожилой якут, по имени Афанасий, довольно хорошо говорящий по-русски.

Обманул тебя Шаманка-то. Пойдём теперь со мной.

Столковался с Афанасием и условился с ним на другой день утром отправиться вместе с ним на «Негодяй».

— Обманет, не пойдёт!

— Посмотрим.

Но на утро Афанасий явился, подчеркнув, что он для меня теряет день покоса.

На «Негодяе» я застал покос в самом разгаре. Сперва нам встретился один якут, стоящий в болоте по колени в воде; он косил траву нечисто, как-то клочками; размахи его косы были неширокие. Может быть кочки мешали ему; может быть в сырой почве при широком размахе коса могла бы сломаться. Верстах в двух от него стоял ещё косец, а за ним сразу работало человек пять, и все — в болоте. Мокрые, поедаемые комарами косцы подвигались тихо, и результаты их работы были не блестящи.

— Вот, говорю, — большое водянистое поле не стало отпускать меня на длину подошвы.

— Вот мшистый край водной ложбины не стал пускать меня на длину лошадиного повода.

— Вот я-то я, стоячи спутником вместе с восьмизубою вилою, стоя — вошедши на самую середину медножелтого места, стою я вот, досажаю!

— Вот я-то я человек, вошедши и стоя на блестящем серебряном пупе среднего места (земли), держучи дерево с корнями и ветвями, стоя с ним рядом, стою, мучаюсь!

— Вот я-то человек, стоя, подружившись с восьмизубым деревом (вилую), стал я безотлучным на середине часовенного пригорка¹.

Так поёт верхоянский якут о своём покосе.

Посмотревши на покос, я переговорил с хозяином юрты, которую хотел снять. Потом вместе с Афанасием зашёл в маленькую летнюю юрту, стоящую на берегу небольшого озера, где жил старик Семён, которого нам было нужно также повидать. Там мы напились чаю. Я высыпал в поданную хозяевами тарелку свои ржаные сухари, оставшиеся от дороги, и опять поражался, с каким благоговением якуты ели их, стараясь, чтобы не упало ни одной крошки.

№ 10. Якутские дети.

— Ну, что же, хватит вам сена до весны?

---

¹ И.А. Худяков: «Верхоянский сборник», Иркутск, 1890 г. Записки Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического Общества по этнографии, т. I, вып. 3, стр. 18.

— Может быть хватит, а может быть нет.

— Что же будете делать, если не хватит?

— Голодовать будем.

Молоко и молочные продукты, среди которых главную роль играет «сора» или «сорат» (род простокваши), — единственная пища верхоянских якутов; даже рыбы у них нет: в Яне мало рыбы и ловлей её нельзя прожить. Когда же нет сена — нет и молока. И редкий год рядовой якут не голодает; сена хватает ненадолго, а денег взять негде, чтобы купить его. Приходится продавать скот, а для того, чтобы средняя семья якутов была сыта, ей необходимо иметь не менее 8 коров, так как якутская корова даёт очень мало молока. Охотников среди верхоянских якутов мало; редко у кого из них есть ружьё. Некоторые ставят луки на зайцев и петли на куропаток, но и эти добывают охотой немного.

Возвращаясь с покоса, я понял, какое громадное значение имеет для верхоянского якута день покоса при том коротком лете, которое бывает здесь. «Обманщик» Шаман ещё надеялся получить достаточное количество сена и решил очевидно, что для него выгоднее косить, чем, получив мой рубль, потерять день. В глазах же «обманщика» Афанасия, знавшего уже, что ему сена не хватит, рубль приобретал другое значение.

После этого случая, когда мне рассказывали о том или другом факте, рисующем якутов с несимпатичной стороны, я вспоминал об общих условиях, в которых им приходилось жить, и старался относиться к ним без предвзятого недоверия. Обращал на себя внимание прежде всего тот факт, что в Верхоянском и Колымском округах в течение очень немногих лет разные «предприимчивые» люди из казаков и почтовых служащих создают себе вполне приличные капиталы. Трудно указать также человека из среды чиновников, служивших там, который бы не смотрел на якутов прежде всего с точки зрения наживы. Их обирали и обирают решительно все, кому только не лень. Этот край продолжает быть до сих пор краем первоначального накопления капитала. А так как по своей отрезанности от культурного мира он находится в худших условиях, чем Центральная Африка, то немудрено, что здесь

процветали и процветают способы самой наглой эксплуатации. Широко известен старинный способ спаивания инородцев водкой, настоянной на табаке, и спиртом с разными примесями. Спаивание в ходу и теперь. Якуту трудно найти защиту своих прав, и с ним не церемонятся.

Живя в Верхоянске, я заметил, что как только какая-нибудь женщина якутка видела, что вдали идут приезжие русские, то сейчас же сворачивала куда-нибудь в сторону и пряталась. Объясняется это тем, что случаи насилия над якутками со стороны русских — заурядное явление. Беспомощность якуток в таких случаях отразилась в том, что якутки, раз им не удалось убежать или спрятаться, уже не сопротивляются.

Не видя от русских в течение всего времени своего общения с ними ничего, кроме обмана, хищений, издевательств, насилий и сифилиса; лишённые возможности открыто отстаивать свои интересы; почти поголовно безграмотные, в лучшем случае малограмотные, неудивительно, что якуты, сталкиваясь с русскими, проявляют прежде всего величайшую осторожность по отношению к ним, а потом и сами не прочь воспользоваться оплошностью их и обмануть. Борьба с суровой природой выработала из них людей, хотя и чувствующих собственное достоинство, но неспособных долго бороться, а бесправность заставляет их в борьбе идти окольным, скрытым путём.

В течение своего пребывания в Верхоянске мне пришлось сталкиваться в повседневной жизни с несколькими якутами, моими соседями по юрте. Я покупал у них дрова, мясо, они возили мне лёд. Наиболее тесное общение у меня установилось с Афанасием, с которым я ходил на «Негодяй». Неоднократно я давал ему деньги вперёд и просто займы, и никогда ни разу он не обманул меня ни на копейку. Все свои обещания он исполнял точнейшим образом. Понятно, если предъявить самые придирчивые требования к мере дров и проч., то можно было бы найти недочёты и «обманы». Но если перевести все эти «обманы» на деньги, то получают гроши. Про Афанасия говорили все, что он плут-мужик, «обманщик»; то же приходилось слышать и про других якутов, но, сколько я ни

вспоминаю, ничего, кроме самых мелочных фактов, я не могу вспомнить. Но зато не могу забыть следующего.

Во вторую длинную полярную ночь началось повальное заболевание жителей Верхоянска инфлюэнцей и её осложнениями. Не было юрты без больных; захворал и я. Вечером я ослаб настолько, что когда начал пилить дрова для своей печки, то упал. Кое-как, дотащился до постели, но затопить печь не мог и пролежал до утра в холодной юрте (дело было в декабре). Никто за весь день ко мне не должен был, придти, но утром явился Афанасий, про которого я знал, что он тоже болен. Он заметил, что у меня не идёт из трубы дым, и пришёл. Он наколот-мне дров, затопил печь и сделал всё необходимое; потом в течение всей моей болезни приходил и помогал мне, несмотря на свою болезнь; он ни за что не хотел взять с меня деньги за эту работу.

Пока я хворал, он подолгу сидел у меня в юрте и был более откровенен. Звал он меня довольно курьёзно — «хозяин-товарищ».

Мне про него говорили, что он, как и большинство якутов, лентяй. Но я видел его и других своих соседей, как они всю зиму ездили или за дровами, или за сеном, или за льдом; или же делали что-нибудь около юрты. Летом же они занимались или какой-нибудь постройкой, или были на покосе. Я видел, как маленькие дети якутов — иногда трёх, четырёх лет тащили вместе со своими матерями воду с Яны или с болот. Как старухи были заняты хлопотами Около своих коров и домашних дел по целым дням. Но меня смущало то, что иной раз и Афанасий, и другие якуты слишком скоро заявляли о своей усталости, а Афанасий отказывался нести мало-мальски тяжёлую вещь.

— Сколько вам лет, Афанасий? — как-то спросил я его.

— А должно-быть, скоро будет шестьдесят.

— Шестьдесят, а всё работаете с утра до ночи?

— Право слово — шестьдесят. А работаю я с малолетства. Я хороший мастер был. Плотник был. Богатый был. Хорошие юрты строил, не то, что теперь. А теперь вот силы нет; потерял я её; давно потерял.

— Как потеряли? Что же было с вами?

— Горел я. Давно это было. Двенадцать лет тому назад. Приятель был у меня; ходил с ним, так же вот, как с тобой, на Негодяй. Шли мы с ним с покоса. На горе там, где кислица¹ растёт, мы с ним легли отдохнуть. Я мало-мало трезвый был. Уснул. Потом слышу — жарко мне. Проснулся. Смотрю — брюхо у меня горит, вся одежда горит на мне, а приятеля нет. Должно-быть, поджог меня да ушёл. Насилу потушился я. Обгорел весь. Девять месяцев потом пролежал. С того и силу потерял. Посмотрел бы ты — какое тело у меня. Вот работать-то, как раньше, и не могу. Стал бедным.

После этого разговора я уже не мог подозревать Афанасия в лени. Не мог не считаться и с тем, что жизнь впроголодь, да ещё в жесточайшие морозы, когда приходится так много тратить энергии на под держание тепла в организме, ослабляет его. Неудивительно, что северные якуты слабосильны.

№ 11. Афанасий.

На трудоспособности верхоянских якутов не может не отражаться и значительное распространение сифилиса, занесённого сюда русскими. Следы этой болезни можно заметить всюду; довольно

---

¹ Кислица — красная смородина.

часто встречаются люди с явными признаками её. Встречается и проказа.

№ 12. «Старуха» Афанасия моет пол в юрте ссыльного.

Широко распространены местные болезни — мэнэрик и эмиряченье, особенно среди женщин, возникающие главным образом на почве недоедания, истощения и той неравномерной напряжённости нервов, которая получается во время полярной ночи и длинного летнего дня. Наиболее характерное проявление этих болезней заключается в том, что больная от какого-нибудь незначительного испуга вздрагивает и выкрикивает какое-нибудь слово, большею частью какое-нибудь ругательство или просто неприличное выражение. При более сильной форме больная после испуга начинает повторять все происходящие вокруг неё действия, как бы непристойны они ни были¹.

Широко распространены трахома, разные женские болезни и т. д.

При почти полном отсутствии медицинской помощи население прибегает к своим средствам, среди которых на ряду с старинными якутскими методами лечения у якутов в ходу средства,

¹ За подробными сведениями об этих болезнях отсылаем к докладу д-ра С.И. Мицкевича: «Истерия за полярным кругом», прочитанному им на Пироговском съезде 1904 г.

применявшиеся медициной в прошлые века. Так, например, до сих пор верхоянские якуты возлагают большие надежды на кровопускания.

В Верхоянске есть две больницы, из которых одна — сифилитическая; при них по штату полагается врач, фельдшер и акушерка. Но редко на долю верхоянских жителей выпадает счастье видеть врача. Большинство врачей, назначаемых в Верхоянск, живёт здесь недолго, и нормальным положением можно считать отсутствие врача. Но, если и появляется тут врач, то не всегда и он в состоянии принести пользу, так как обычно или в аптеке нет самых необходимых средств, вроде аспирина и йода, или больницы находятся в таком состоянии, что класть больных в них нельзя. Что касается фельдшеров, то это были или неудачники, или пьяницы. Вакансия акушерки была замещена бывшим ссыльным, некоторое время работавшим при одном из колымских врачей. Отношение к медицине у него было довольно отдалённое, теснее он был связан с полицейским управлением, где он одновременно служил писцом. В результате получалось, что к роженицам приглашались лишь бабки-якутки; потом некоторые из рожениц, пролежав несколько месяцев в постели, отправлялись или на тот свет, или, если они были зажиточными, в Якутск в больницу. Иногда происходили на этой почве трагикомические случаи. Один из полицейских чиновников пригласил к своей жене во время неблагополучных родов... ветеринарного врача. Ветеринар отказался подать помощь как в этом случае, так и в другом, когда его пригласили к больному почтовому чиновнику. Но ветеринарный фельдшер был менее разборчив и считался в Верхоянске большой знаменитостью в деле врачевания... не животных, а людей. Иногда во всём Верхоянске не было совсем лиц, имевших хотя какое-нибудь отношение к медицине. Но жители Верхоянска находятся всё-таки в лучшем положении, чем живущие в округе, где больному помочь уже совершенно некому.

Грамотных среди якутов, жителей Верхоянска, очень мало. Хотя несколько лет в Верхоянске существует двуклассная начальная школа (Министерства Народного Просвещения), но результаты ещё

слабо чувствуются. Преподавание ведётся на русском языке, и очень скоро знания, получаемые в этой школе, учениками её забываются или оставляют очень слабый след. Среди подростков таким образом можно скорее встретить знающих немного русский язык, чем среди взрослых. Но потребность в знаниях чувствуется якутами, и в школу отдают своих детей не только жители самого Верхоянска, но и из улуса: для таких детей при школе устроен пансион на 20 человек. Кое-кто посылает своих детей учиться в Якутск и Иркутск.

Якуты числятся православными¹. Но, усвоив некоторые обряды христианской религии, они в большинстве случаев сохранили остатки своих старинных верований. Первоначальной религией якутов была чёрная вера монголов и соседних с ними народов, известная в Европе под именем шаманства. Название «чёрная вера» вызывает мысль о чёрном культе, о поклонении дьяволу, но при возникновении в него вкладывали другой смысл. «Монголы уже по принятии буддизма назвали её чёрною верою (хара шаджин), т.-е. грубую, непросвещённую, как бы в противоположность буддизму, который называется жёлтою верою», — говорит бурят Дорджи Банзаров в своём исследовании о чёрной вере². — «Чёрная вера монголов произошла из того же источника, из которого образовались многие древние религиозные системы; внешний мир — природа, внутренний мир — дух человека, и явления того и другого — вот, что было источником чёрной веры»³. Понятие о высочайшем существе у монголов соединялось с понятием о небе, которое в их глазах являлось столько же материальным, сколько и духовным. Вторым божеством в чёрной вере является земля, проявляющая и поддерживающая жизнь, источником которой является небо. Далее обоготворялись небесные тела и воздушные явления, как следствие почитания неба. Боготворение земли влекло за собою почитание гор и рек. Эти священные места у монголов могут быть разделены на общие и частные. Под именем частных надобно разуметь так называемые обо, которые устраивало каждое

---

¹ Они приняли христианство в конце XVIII века.

² Дорджи Банзаров: «Чёрная вера или шаманство у монголов», Петербург, 1891 г. Издано на средства жертвователей в пользу Вост.-сиб. от. Им. Рус. Геогр. Об., стр. 4.

³ Там же, стр. 5.

поколение в своём владении. Это были некоторого рода храмы, где жители приносили свои жертвы богам своей страны. Обо делали большею частью при дорогах для того, чтобы всякий проезжающий мог положить на него какую-нибудь вещь, например, волос из гривы коня, как жертву богу, пребывающему в обо, чтобы снискать его покровительство в предстоящем путешествии. В известное время года делали при обо торжественное жертвоприношение¹.

Огонь также обоготворялся монголами. «Богиня огня — Ут или От почиталась подательницею счастья и богатства, но отличительное свойство её — чистота, могущество очищать, сообщать свою чистоту»².

По утверждению Банзарова, в монгольской мифологии нельзя отыскать Аримана или божества, похожего на него, но в ряде второстепенных богов — тенгри, — к которым относятся различные божества, олицетворяющие небесные явления или способности и страсти человеческой души, есть много злых духов³. Помимо злых тенгри, по мнению монголов, вредят человеку ангоны. «Души добрых людей живут спокойно на том свете; напротив, души людей злобных остаются на середине, т.-е. они не могут переселиться в тот свет и остаются между этим и тем мирами: это наказание за их грехи. Злые ангоны блуждают на поверхности земли и, по старой привычке, вредят человеку. Они вселяются в человека, производят в нём болезни, истребляют детей. Шаман узнаёт, какой именно ангон причиняет страдание, и угоняет его из человека и его жилища. Всех чаще ангонами делаются души шаманов»⁴. Слово «Шаман» или «Саман» — маньчжурское (по-якутски шаман — ойун); оно означает человека взволнованного, исступлённого, восторженного⁵.

Такова «чёрная вера» в чистом её виде.

Поставленные в суровые условия полярного края, якуты понятно не могли сохранить в неприкосновенности свою древнюю религию. Она должна была подвергнуться ряду изменений. Приняв официально христианство, они не могли не воспринять кое-что и от

¹ Там же, стр. 6, 7, 13, 17, 18, 19, 20.

² Там же, стр. 23.

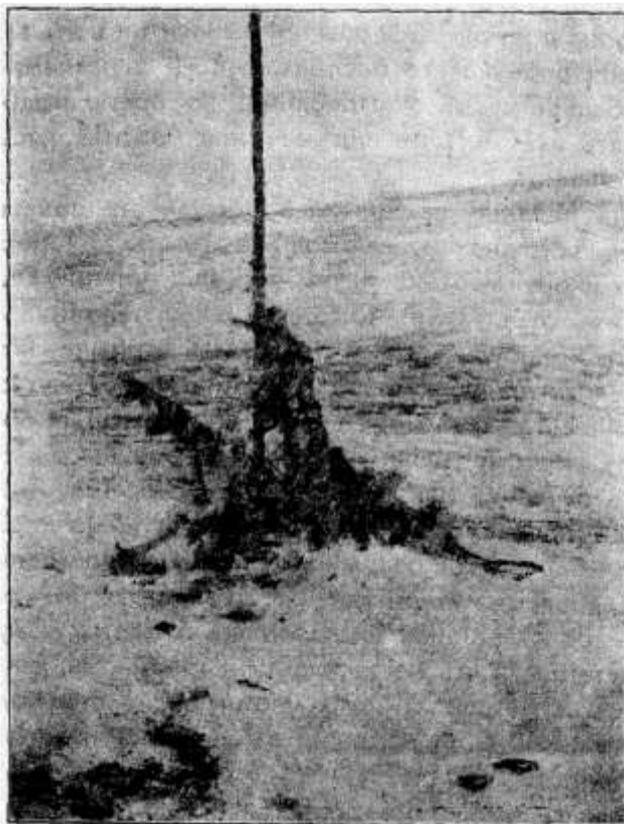
³ Там же, стр. 25, 30.

⁴ Там же, стр. 32.

⁵ Там же, стр. 35.

него. В результате получалась смесь христианства с чёрной верой, в свою очередь изменившаяся под влиянием местных условий.

Я не буду здесь разбирать этот вопрос подробно¹ и ограничусь лишь указанием на то, что из сохранившегося у верхоянских якутов от их старой религии проявляется наиболее ярко.

№ 13. «Иччи артык». Место жертвоприношений духу дороги — на севере Верхоянского округа.

Прежде всего бросается в глаза обычай якутов, проезжая около некоторых деревьев или через какую-нибудь пограничную черту, или при подъёме на некоторые из гор, оставлять волосы лошадей, тряпочки, спички, деньги, а иногда убивать птиц или животных. Таких мест много в Верхоянском округе, и обычай приносить жертву духу дороги (иччи артык) поддерживается не только якутами, но и казаками и некоторыми чиновниками. Ясно, что перед нами древнее «обо».

Каждая якутка, готовя пищу, всегда плеснёт в огонь камелка несколько капель масла и т.д. Камелёк считается чистым, и

---

¹ См. В.Ф. Трошанский: «Эволюция чёрной веры у якутов», Казань, 1902 г. Отдельный оттиск из «Учёных записок Импер. Казанского университета».

на него нельзя не только плевать, но и лить воду. Это поклонение огню. Но у якутов огонь (уот) — в отличие от монголов — мужчина..

Широко практикуется обычай выносить в лес после рождения ребёнка его послед вместе со всякими тряпками, бывшими в употреблении во время родов, и оставлять их там в виде жертвы богине айысыт — создательнице.

Очень недавно прекратился обычай не закапывать в землю трупы людей моложе 70 лет, умерших естественной смертью. Якуты видели причину смерти в таких случаях в том, что душу человека похитил какой-нибудь злой дух (абаһы), чтобы съесть её, и считали, что душа может вернуться к телу; следовательно, надо было обеспечить ей свободный доступ к нему. Поэтому трупы хоронили или на высоких помостах на двух или четырёх столбах, или в долблёных колодах, также поставленных на столбах (аранас, арангас). Бедняков хоронили просто на ветвях деревьев. Стариков же, бывших в тягость своим родственникам, хоронили живьём, зарывая их в землю. Так же хоронили и стариков, «умиравших естественной смертью, потому что они, оказавшись неспособными жить, ни в коем случае и ожить не могли»¹.

Шаманов в Верхоянске и около него теперь уже нет. Решительно все наиболее толковые якуты подтверждали это. Но возможно, что, несмотря на преследования администрации, в наиболее глухих углах они и есть, хотя во всяком случае число их очень незначительно.

До последнего времени у якутов сохранился обычай справлять в мае весенний праздник «ысыах». Обыкновенно какой-либо богатый родович собирает к себе гостей и угощает их кумысом, который является до сих пор национальным напитком якутов; после угощения устраиваются игры². Обычай этот теперь исполняется редко, так как богатые якуты уже перестают поддерживать родовые традиции. Но отражением его является особенно торжественное

---

¹ Трощанский: «Эволюция чёрной веры у якутов», стр. 89-91.

² По окончании жертвоприношения происходили различные увеселения и бега, при чём изображалась смена зимы весной в виде борьбы двух человек, из которых один представлял весну и назывался «айы уола (добрый сын), а другой — зиму и назывался «абаһы уола» (злой сын) Первый был одет в белое, а второй — в чёрное или рыжее. Состязались ещё в беге, — при чём раздевались, и у первого кожа должна была быть светлая, а у второго тёмная, — а также в скачке и на лошадях, при чём для первого выбирался белый конь, а для второго ржавопегий или пегий (у якутов до недавнего времени не было чёрных лошадей). В. Трощанский: «Эволюция чёрной веры у якутов», стр. 106.

празднование Николина дня (9-го мая) и обоготворение Николая чудотворца; «Никола-бог», — говорят иногда якуты.

Происхождение «ысыаха» очень древнее. Вот что о нём говорить Дорджи Банзаров: «Жертвоприношения у монголов были постоянные и случайные. Первые происходили по случаю праздников, которых, по словам Георги, три у всех шаманских народов: весенний, летний и осенний. Достоверно известно, что монголы праздновали первый и последний из этих праздников с весьма древних времён. Во время династии Хунну, ещё задолго до Р.Х., народ собирался ежегодно (в 5-ю луну по китайскому календарю) для жертвоприношения предкам, небу, земле и духам... Рубруквис, упоминая об этом празднике в «*Voyage en Tartarie*» (chap. LXV, Livr. 1), пишет, что «монголы 9-го мая ежегодно собирали кобылиц из своих стад, чтобы посвятить их богам, разливали кумыс по земле и делали большой праздник»¹.

Троцанский в своей работе о древней религии якутов говорит, что они во время весеннего ысыаха, который происходил днём под открытым небом, приносили жертвы Урун айы Тойону, подателю жизни, олицетворяющему в верованиях якутов солнце и считающемуся добрым духом, а также другим «айы» (добрые духи).

Другой праздник «абаһы ысыаха» у якутов справлялся осенью; происходил он точно так же под открытым небом, но только ночью. «Он устраивался каким-нибудь богачом, но последний имел отношение к экономической стороне, религиозной же заправляли девять шаманов и девять шаманок. Жертвоприношения делались в честь Улу-Тойона и его верхних духов (в первую ночь), а также в честь Арсын Дуолай'я и его нижних духов (во вторую ночь)»². Улу-Тойон — глава небесных абаһылар'ов (злых духов), бог грома, давший людям огонь, одну из двух душ, имеющих у людей и шаманов³. Арсын-Дуолай — глава подземных злых духов. В одной из сказок он описывается так: «На низу (на севере) в незыблемой широкой пропасти с зимовьями на холмах, с холодными летними хижинами, с мрачными юртами, с тёмными трубами, с длинношеими

¹ Д. Банзаров: «Чёрная вера», стр. 38.

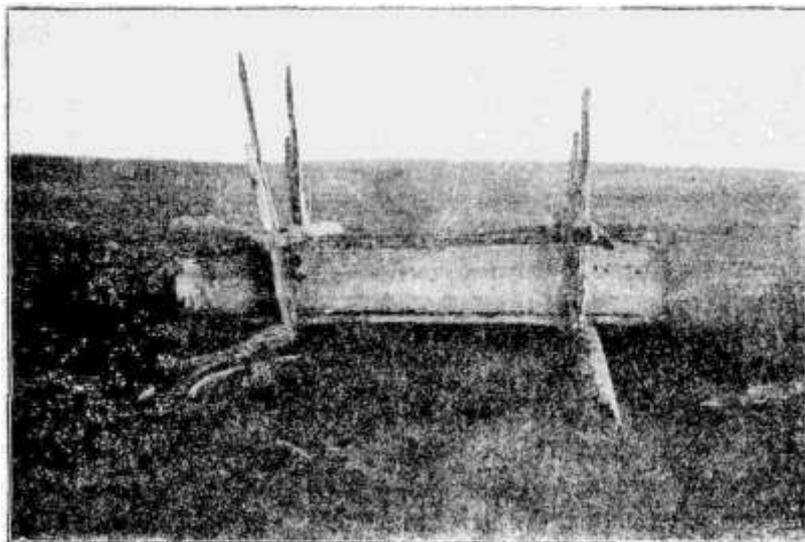
² В. Троцанский: «Эволюция чёрной веры у якутов», стр. 106.

³ Там же, стр. 25.

столбами, с плоскими чашками, с кричащими большими чашами есть господин со ртом на самом темени, с глазами на висках, атаман всем чертям Арсын-Дуолай»¹.

Весенний праздник в честь добрых духов оказался более живучим, чем осенний в честь злых. Во время своего пребывания в Верхоянске я не слышал никаких рассказов и воспоминаний об абаһы ысыахе.

Собираясь вместе, якуты любят слушать сказочников. Среди действующих лиц большинства якутских сказок и сказаний можно найти божеств из древней якутской религии: Урун-айы-Тойона, подателя жизни, Айысыт — создательницу, Айы-сабах — госпожу огня, Ан-Улаханы — духа огня, Улу-Тойона, Арсын-Дуолай'я и других добрых и злых духов. Герои сказаний или являются потомками этих божеств и духов или же находятся под их покровительством. Злые духи приносят много бед героям, но те находят в конце-концов помощь со стороны добрых духов, Айысыт и самого Айы-Тойона, делающего это неохотно, а иногда и против своей воли.

№ 14. Арангас на севере Верхоянского округа.

Верховным божеством в древней религии якутов является Урун-Айы-Тойон. Олицетворяя собою солнце, он не играет такой активной роли, как бог солнца в первобытных верованиях монголов. Верхоянское солнце, исчезающее зимой на несколько недель за горизонт, или равнодушно сияющее летом, потеряло своё обаяние в глазах выходцев из жгучих степей юга. Что касается главного

¹ Худяков: «Верхоянский сборник», стр. 134.

божества монголов — неба, то оно называлось у якутов Айы-Танара и считалось мужчиной, но, по словам Трощанского, у них ничего не сохранилось о нём. «По этому пункту», — говорит Трощанский, — «чрезвычайно трудно собрать какие-либо сведения ещё и потому, что христианский Бог также называется «Айы-Танара», вследствие чего невозможно выделить дохристианские верования о Танара»¹. Богиня земли называется Ан-Дархан-Хатун; у неё имеются дети: духи растительности, хозяйева дороги, гор, леса и пр. (иччитä)².

В отличие от древних монголов, у которых не было верховного злого божества, в религии якутов крупную роль играют Улу-Тойон и Арсын-Дуолай. Помимо этих главных злых божеств, противников Урун-Айы-Тойона, по представлению якутов, существуют другие злые духи (абаһы), соответствующие монгольским «тенгри». Роль монгольских «онгонов» у якутов исполняют «уөр'и, которыми становятся «те покойники, которые почему-либо слишком привязаны к жизни и не испили чаши её наслаждений до дна». «Уөр'и, — по словам одного якута, — наносят вред только родственникам и друзьям, а от врагов убегают, если встретятся с ними»³.

Трощанский сближает верования якутов с религией иезидов⁴, а Улу-Тойона с Мельк-Таузом, их верховным злым божеством, и считает, что и якуты, как иезиды, являются поклонниками злого начала. В слова же «чёрная вера» он вкладывает иной смысл, чем Банзаров, противопоставляя культ Светлого Бога культу Чёрного Бога и предполагая, что в дальнейшем своём развитии, если бы оно не было прервано, религия якутов приняла бы вполне определённый характер «чёрной» веры. Не разбирая вопроса о том, каковы были бы верования якутов, если бы они не приняли христианства, я должен сказать, что верхоянские якуты, среди которых мне пришлось жить, отнюдь не являются поклонниками дьявола. Этому не противоречат остатки их первобытной религии. Перемешавшись с некоторыми христианскими взглядами, они создали мировоззрение,

---

¹ Там же, стр. 46.

² Там же, стр. 44.

³ Там же, стр. 83, 85.

⁴ См. А.В. Елисеев: «Среди поклонников дьявола», «Северный Вестник», 1888, № 1, 67.

напоминающее религию славян вскоре после крещения. Несмотря на любовь к праздникам и к некоторым внешним проявлениям религиозности и на массу суеверных обычаев, у них проглядывало равнодушное отношение ко всем этим вопросам.

Обрядовая сторона христианства их также мало привлекает. Что касается постов, то их в Верхоянске никто не соблюдает. Один из местных священников, отправляясь по улусу для исполнения треб, принимал это во внимание и вёз с собою по несколько мешков ржаных сухарей, заставляя говеющих покупать их у него по очень высоким ценам, грозя не дать им причастия, если они будут есть обычную пищу.

Как здешнее духовенство иногда относится к якутам, показывает поведение другого священника. Он после исповеди отправлял пасомых к своей попадье которая, угостив их спиртом, начинала играть с ними в карты. Потом приходил и батюшка. Игра продолжалась до обедни, когда, облегчённые от грехов и денег, якуты шли причащаться¹.

Отсутствие разумных развлечений и однообразность жизни заставляют якутов отдаваться со страстью картёжной игре. Зимой они играют иногда по несколько суток подряд, забывая решительно обо всём. Увлекаясь игрой, якут в одну ночь может проиграть и деньги, и юрту, и коров и потом надолго закабалиться. Выработался особый тип полярного шулера, разъезжающего по ночлегам и живущего исключительно картёжной игрой. Шулерами являются главным образом русские.

Мало счастливых минут выпадает на долю верхоянского якута. Вся его жизнь проходит в тяжёлой борьбе с суровой природой. Весь остальной мир для него не существует; все события проходят мимо него; редко, редко он услышит о чём-либо происходящем где-то далеко. В эту среду людей, живущих на несколько столетий сзади европейских народов, попадают люди, взгляды которых и в Европе опередили обычные воззрения. Верхоянец слышит такие мысли и видит такие поступки, которые сперва поражают его. Он смотрит на пришельцев изумленными глазами, боится их. Но тесное

---

¹ Факт этот описан в корреспонденции в одном из номеров «Речи» в мае или июне 1912 г.

соприкосновение сказывается, и мысли пришельцев начинают находить отзвук в умах якутов, которые переделывают их по-своему. И в верхоянскую жизнь входят понятия, которые помогают лучше осмыслить существование. Этим и объясняется, что на выборах во вторую Государственную Думу от Верхоянска было избрано лицо, которое по своим воззрениям примыкало к левым партиям.

Но и для наиболее умных и способных людей — а таких здесь не так уже мало — жизнь далёкого культурного мира с её разнообразием впечатлений, с её новейшими изобретениями, с её богатством мыслей, с её событиями, — всё это какой-то сказочный сон, совершенно недоступный для них. Неудивительно, что такие люди начинают тосковать. Нет выхода их настроениям, нет возможности для приложения их энергии, и общение с остальным миром так затруднительно. Люди неглубокие быстро опускаются и обращаются в дельцов; люди с более честной натурой, но недостаточно сильные гибнут.

Вспоминается следующий факт. Осенью 1913 года в верхоянской больнице умер 11-летний мальчик якут, у которого был туберкулёз костей. Перед смертью к нему пришёл священник и стал советовать причаститься.

— Не стану, — был ответ. — Никакого дела с Богом не желаю иметь: я на него сердит; за всю свою жизнь, за одиннадцать лет, я не видал от него ничего хорошего, даже куска сахара не имел.

Долго его уговаривали согласиться, он всё отказывался; наконец уже в агонии сказал:

— Ну, если вы так этого хотите — причащайте, но я молиться ему всё равно не стану.

Есть ли будущее у этих людей, живущих на полюсе холода? Сомневаться в этом нельзя. Развитие Аляски показывает, что можно сделать для поднятия благосостояния этого края. Правда, условия Аляски значительно мягче здешних, но разница между ними не настолько велика, чтобы их нельзя было сравнивать. Что касается золота, то, не рассматривая подробно вопрос, насколько справедлива надежда лиц, считающих, что северо-восток Азии сулит ещё более богатую добычу, чем на Аляске, скажем только, что признаки

нахождения здесь золота есть. Есть также признаки серебра, киновари, свинца, железа, каменного угля, очень часто встречается горный хрусталь. Но размеры этих будущих богатств пока в области предположений, где возможны не только большие надежды, но и большие разочарования. Правильнее поставить вопрос: мыслимо ли улучшение положения верхооянских якутов, оставляя в стороне надежды на золотые горы? И на этот вопрос можно ответить утвердительно. Проведение хороших дорог — это вполне осуществимо и не является утопией — приблизит этот край к более культурным местам. Ведение хозяйства более рациональным путём, чем это делается сейчас, подымет благосостояние местных жителей. До сих пор они улучшали своё хозяйство лишь поджогами лесов, которые на общем положении отзываются губительно и не искупаются тем незначительным улучшением покосов, из-за которого они устраиваются. Попыток травосеяния здесь никто не делал, а в их успехе сомневаться не приходится. Но травосеяние, дренаж, улучшение пород скота, — всё это возможно при более высоком культурном уровне. Не приходится также рассчитывать на проведение в жизнь всех этих мер при тех порядках, которые существуют в этом крае теперь. Лишь при полном самоуправлении и равноправии всего населения Якутской области будет возможно надеяться на это. Но совершенно ясно, что при проведении в жизнь этих мер местных средств на них не хватит. Придётся государству придти на помощь этой окраине. Не говоря уже о том, что эта помощь быстро окупится, можно надеяться, что она поможет проверить надежды на богатства, скрытые в недрах Якутской области.

IX. Казаки, купцы, чиновники.

Якутский казачий полк состоит из потомков казаков, завоевателей Якутской области. Он не входил в состав русской армии и числился в министерстве внутренних дел. Во главе его стоит атаман, живущий в Якутске; сами казаки распределены по окружным городам и селениям области. В тех городах, где нет специальных

нижних полицейских чинов, они несут полицейскую службу, а также караульную службу по охране пороховых погребов и хлебных казённых магазинов (т. н. «казны»). Кроме того, они обязаны сопровождать пересылаемых по области арестованных, ссыльных и иногда чиновников. Сроком их службы считается 25 лет, в течение которых они имеют право на казённый паёк из муки и приварка¹. Этим пайком пользуются и казачьи дети мужского пола, в том числе и внебрачные дети казачек. Полк этот является безусловно пережитком и лежит тяжёлым бременем на якутах, местных плательщиках налогов, а на более энергичную часть казаков он налагает лишь стесняющие их повинности, от которых им приходится откупаться, нанимая за себя заместителей. За поездку из Якутска в Верхоянск, например, казак, заменяющий другого, берёт 25 рублей, что не всякий может заплатить, и из-за какой-нибудь командировки казаки иногда лишаются своих мест.

В окружных городах рядовыми казаками заведуют «командиры»; эту должность обычно занимают казаки-пятидесятники.

№ 15. Два казака и арестованный якут.

¹ 2 пуда ржаной муки в месяц, 467 руб. обмундировочных и приварочных в год.

В Верхоянске живёт человек 20 казаков со своим командиром. Около половины их присланы сюда из Колымска. Большинство их, как местных, так и прикомандированных, — люди с явными признаками вырождения. Решительно у всех них можно заметить сильную примесь инородческой крови. Почти все они говорят на испорченном русском языке, особенно колымчане. Даже те из них, которые сумели достичь довольно крупных административных постов и получить некоторое образование, говорят вместо «вечер» — «ветер», вместо «четырнадцать» — «тытырнадцать», вместо «казаки» — «кожаки» и т. д. Некоторых из них бывает очень трудно понять — так испорчен их язык. Их домашним языком является якутский, и не редкость встретить семьи, где дети казаков не знают русского языка. В большинстве случаев их жилища ничем не отличаются от якутских. Хозяйство они ведут совершенно такое же, как и якуты. Но, владея лучшими покосными местами и получая ежемесячно казённый паёк, они являются безусловно лучше обеспеченными, чем средние якуты. Несмотря на это, зажиточных среди них мало, если не считать тех из них, которые занимают какой-нибудь административный пост, сделались купцами или служат приказчиками.

Жалкий вид у верхоянского казака: низенького роста, с жидкой растительностью на лице, а иногда и совсем без неё, худой, с впалой грудью, с выпячивающимися вперёд коленями, с маленькими, слегка косыми глазами. Особенно неблестящ вид у молодых казаков: другому трудно дать более 13-14 лет, а на самом деле ему уже 17, и он стоит с ружьём «у казны», ружье много выше его, сам он в каких-то лохмотьях. Хотя грамотных казаков больше, чем якутов, но все их взгляды, обычаи, поверья мало отличаются от якутских. Процент пьяниц среди них безусловно выше, чем у якутов.

Незадолго до 300-летия дома Романовых местная администрация и казаки начали готовиться к празднованию. Как-то раз, проходя недалеко от полицейского управления, я увидел, как наши «кожаки», построившись в две шеренги, учатся маршировать. Из доносившихся криков можно было понять, что некоторые из них не отличают правой стороны от левой. Один казак бил двумя палками в дно

железного ведра. Под звуки этого импровизированного барабана казаки дефилировали и в самый день празднества.

В мою бытность в Верхоянске купцов, имевших там свои лавки, было пятеро: якут, казак, иркутский мещанин, бывший начальник верхоянского почтового отделения и бывший почтальон. Но помимо этих купцов, был целый ряд лиц, занимавшихся торговлей, не имея специальных лавок. Такой торговлей занимался уехавший потом из Верхоянска учитель Яныгин, торговавший косами и прочим довольно открыто; кроме него, к торговле имели прикосновение некоторые из якутов, казаков и чиновников. Последние вели дело иногда через подставных лиц. Почти все почтальоны, возившие почту из Якутска в Колымск, являлись в то же время торговцами. Наконец имеется несколько человек, которые занимаются доставкой товаров купцам и муки и прочего «в казну» и в то же время не упускающих случая произвести выгодную сделку. В общем получается довольно большое число лиц, главным занятием которых является торговля.

Верхоянские лавки имеют довольно оригинальный вид. С внешней стороны они мало чем отличаются от обыкновенных юрт, лишь на двух из них красовалось что-то вроде вывесок. Внутри — это своего рода универсальные магазины, в которых иногда есть самые разнообразные товары, но зато часто в них нет чаю, сахару, рису, свеч, мыла и прочих необходимых товаров, но можно найти французский чернослив и сингапурские ананасы. Хотя не всегда можно было верить, что действительно в лавке нет какого-либо товара, так как иногда для поднятия цены просто пускался слух, что товаров нет. Несколько раз в году купцы собирались и устанавливали цены; но частенько такие соглашения нарушались, — правда, чаще в сторону повышения цен. Часто купец, продавая какой-либо товар, подчёркивает, что он делает одолжение, продавая его вам, и иногда приходится вести долгие разговоры, чтобы купец «сделал милость продал товар».

Отрезанность Верхоянска создаёт благоприятные условия для установления высоких цен на привозные товары¹ и низких на

---

¹ См. главу III.

местные. Отсутствие колёсного пути летом и продолжительность и дороговизна провоза даже зимой позволяют местным купцам чувствовать себя монополистами и «благодетелями» края. Главное занятие здешних купцов, это — скупка пушнины и мамонтовых бивней, или, вернее, обмен их на привозимый ими из Якутска товар. Большинство из них — народ кочевой, постоянно уезжающий «в якуты», как говорят тут. Торговля ведётся главным образом в кредит, «на книжку». Записи в эти книжки производятся приказчиками или самими купцами, проверить которых неграмотные якуты не могут, и записи получаются чудовищно извращёнными. Приказчик прежде всего ценится, судя по тому, как он умеет приписывать. Приписывание так вошло в нравы купцов, что они проделывают это решительно со всеми покупающими у них в кредит, в том числе даже с чиновниками. Помимо приписывания, в большом ходу обвешивание и обмеривание. Все действия купцов направлены главным образом в сторону закабаления покупателей.

Все сделки по покупке пушнины, оленей, коров и лошадей проделываются при помощи спирта. Купец пускает в ход всё знание местной жизни и местных обычаев и ловко очищает якута или тунгуса. Давая какой-нибудь незначительный подарок или поднося стаканчик разбавленного водой спирта, он знает, что получит в отдарок значительно более ценную вещь. Спирт у купцов есть всегда. Пользуясь всякими правдами и неправдами, они ввозят его из Якутска, несмотря на запрещение, или, вернее, пользуясь этим запрещением. Бутылку спирта они продают по 10 рублей и дороже, и поэтому торговля спиртом сама по себе доставляет им много барышей. Они ухитрялись получать от губернаторов разрешение ввозить в Верхоянск «для собственного употребления» по... два, по четыре и более вёдер спирта. Таким разрешением они пользовались как своего рода охранными листами на случай нахождения у них контрабандного спирта, так как большое количество спирта везут без всяких разрешений. Этим делом занимаются чуть не все, кто едет за чем-нибудь из Якутска в Верхоянск или Колымск. Трудно сказать, кто не возит его. В 1912 году верхоянский исправник Москалевич был приговорён мировым судьёй к уплате 280 рублей штрафа за

получение трёх вёдер спирта. Впоследствии этот исправник был смещён с должности. В 1914 году в Колымске начальник почтового отделения вскрыл посылку из Верхоянска. По почтовым правилам содержимое посылки с такой большой ценностью должно быть проверено чиновником, принимающим посылку. Вскоре после этого начальник верхоянского почтового отделения был переведен в Якутск, а впоследствии устранён от службы. Несколько ранее этого где-то недалеко от Якутска была обокрадена почта; как сперва говорили, был украден денежный баул. Расследование показало, что почта была действительно обокрадена, но баулы, упомянутые в описи, все были целы. Знающие люди высказывали предположение, что в числе почтовых баулов был не записанный в опись баул, но не с деньгами, а со спиртом. Одно время в Верхоянске ходили слухи, что ямщики хотят забастовать, так как почтальоны часто везут слишком большую почту и попадаютсся баулы, в которых что-то переливается.

№ 16. Дети местных чиновников и казаков.

Что почтовые порядки тут далеки от идеальных, доказывается, например, тем, что обычно посылки даже из Якутска в Верхоянск шли по полугоду, а то и больше, так как они должны были ждать очереди, но при желании можно было получить и скорее. Для этого стоило обратиться к кому-либо из имеющих связи и попросить разрешения получить посылку на их имя. Любопытен ещё следующий факт: осенью 1913 года (8-го августа и 11-го сентября)

пришли две очень маленькие почты, и потом долго пришлось ждать прихода недостающих писем и газет. Но с одной из этих почт в Верхоянске была получена... жена почтового чиновника, а с другой — её вещи. Иногда на число получаемых писем и газет влияла... кислая капуста или другой какой-нибудь деликатес, получаемый к празднику. Влияли также косы, получавшиеся по почте учителем Яныгиным, мануфактурный товар, получаемый по несколько пудов сразу купцом-почтальоном и т.д. (По почте эти товары отправлялись потому, что пересылка их грузом с возчиками обходится дороже.)

Какая-то таинственная история происходила также с медикаментами для аптек. Я уже говорил, что в верхоянской аптеке часто не было многих лекарств, а между тем якуты то и дело сообщали, что провезли «аптеку». Впоследствии мне говорили, что под именем «аптек» разными ловкими людьми отправлялся тот же спирт.

Помимо спирта в большом количестве ввозился одеколон, но уже «на законном основании». Местная публика пила в неумеренном количестве и одеколон, результатом чего была смерть секретаря полицейского управления. Но одеколон, киндер-бальзам¹ и проч. получались опять-таки главным образом для производства всяких сделок.

Закабаление инородцев, их спаивание, всякие «выгодные дела» превращали спирт «в жидкое золото», ради которого местные купцы способны на всё. В результате получался целый ряд уголовных и гражданских процессов, героями которых являлись верхоянские купцы. Особенно много тяжб было у купца Ш., на долю которого падает более 50% дел, разбиравшихся за последние 10 лет.

Но «торговые» дела вели не только купцы. До 1912 года в Верхоянске функции мирового судьи выполнялись исправниками, а у них так много работы и без того — неудивительно, что некоторые дела купцов не разбирались по несколько лет.

Верхоянских купцов, чиновников и казаков объединяют не только «деловые» отношения, но и родственные. Все они — братья,

---

¹ Киндербальзам, (нем. Kinderbalsam, букв. детский бальзам). Прежде употреблявшаяся, как лекарство, сладкая слабая спиртовая настойка. — прим. OCR.

братаны¹. сватья, кумовья и т.д. Само собою разумеется, такие связи помогают легко устранять всякие «недоразумения». Создаётся «небольшая, но честная компания». Всякий новый человек, если он с первых же шагов не проявит желания действовать согласно, встречается этой компанией очень недружелюбно. Как бы солидно ни было его положение, но раз он не считается «с традициями», его быстро устранят, не стесняясь никакими средствами.

Всем этим порядкам помогает то, что Якутская область является отсталой страной и в хозяйственном и в административном отношениях. На северо-востоке её ещё вполне господствует натуральное хозяйство. Во всей Якутской области сохранилось многое, процветавшее в Европейской России до реформ 60 и 70-х гг. прошлого столетия. В руках исправников, заседателей (здесь нет станowych приставов) сосредоточены все дела. В Верхоянском округе, площадь которого равна 947.085 кв. вёрстам, т.-е. вдвое больше Франции, полным хозяином является один исправник. Когда в 1912 году в Верхоянский и Колымский округа прибыли первые мировые судьи, то после того, как они проявили некоторую самостоятельность, у них с исправниками начались трения. Несмотря на то, что это были люди со связями в Петрограде, оба судьи были смещены и заменены более уживчивыми.

Тесная связь купцов с чиновниками, их умение вести свои дела перед областной администрацией создают им у якутов и тунгусов репутацию людей, с которыми бороться мудрено. Сами же купцы чувствуют, что могут не стесняться. И они действительно не стесняются.

Летом 1913 года мировой судья сделал распоряжение о производстве обыска у купца А.Н. Шишлянникова, узнав о том, что им получен спирт. Заседатель и командир вместе с казаками, отправившиеся производить обыск, не были впущены Шишлянниковым в амбар. Когда они всё-таки попытались войти туда, то он замахнулся бутылью. После этого мировой судья сделал постановление об аресте купца. Исправник не привёл этого постановления в исполнение, мотивируя свой отказ отсутствием

---

¹ Дети одной матери, но разных отцов.

арестантских помещений. Дело разбиралось в якутском окружном суде. Суд оправдал Шишлянникова, но по протесту прокурора дело рассматривалось в выездной сессии иркутской судебной палаты. Палата приговорила Шишлянникова к 2 месяцам тюремного заключения.

О том, как «сильные» верхоянского мира «обращаются с якутами и другими инородцами, можно судить хотя бы по большому числу всяких дел об избиениях, насилиях и т.д. Содержатели станций жаловались также на то, что не редки случаи неплатежа прогонов за лишних лошадей и оленей.

Всякие выгодные дела, «спиртные» истории, подсиживание непришедших по вкусу людей, бесчисленные доносы — вот над чем сосредоточены все помыслы верхоянских чиновников и купцов. Все их разговоры только на эти темы. Привычка к постоянным обманам, подлавливаниям вытравила у них всю присущую людям искренность, и они не могут сказать слова без задней мысли. Иначе, как намёками, они не говорят; даже детям они стараются внедрить эту привычку. Более лицемерных, двуличных людей трудно найти. Их вожаки научились очень ловко создавать должную атмосферу, когда начинают обделывать какое-нибудь дельце. Сперва они пускают «слушок». Местные сплетники быстро подхватывают его и разносят. «Слушок» передаётся в Якутск, где сильные родственники создают нужную атмосферу в более высоких слоях. Когда это достигнуто, следует какой-нибудь шаг более определённый, вроде доноса, а потом совершается само дельце.

Политические ссыльные приучили местную публику считаться с мнением ссылки, так как обычно ссыльные шлют корреспонденцию о разных местных делишках и создают местное «общественное мнение».

— О, если бы ссыльных здесь не было, то наши тойоны (начальники) не то бы с нами проделывали, — как-то раз сказала мне одна якутка, несколько выделяющаяся из общей массы, — они вас побаиваются.

Этой боязнью обуславливалось стремление местных чиновников и купцов жить с ссылкой в мирных отношениях, а также принятие

ими на себя «либеральной личины». Надо отдать некоторым из них справедливость, что они играют эту роль настолько ловко, что им удаётся довольно долго оставаться нераскрытыми. Они могут поговорить и о «нуждах края», и о «пользе для населения», и о том, как плохи русские порядки, а потом потихоньку донесут.

Иногда в эту среду обмана и наживы попадают люди с более честной натурой, но неспособные отстоять свои взгляды и бороться с окружающими порядками. Некоторые из них бегут отсюда, некоторые спиваются.

Единственное светлое воспоминание у меня осталось об о. диаконе Кондинском, человеке уже пожилым, но с удивительно ясными, детскими глазами. Ни от кого я не слышал о нём ничего порочащего его.

Х. Ссылные.

Ссылка в Сибирь началась почти одновременно с присоединением Северной Азии к Московскому государству. Чем дальше на север и восток проникали казачьи отряды, тем обширнее становилась область, в которую отправляли из Москвы «государственных преступников».

«Москвичи, природные служивые и всяких чинов люди безвинно из Москвы в Сибирь поразосланы, многие помучены и палицами побиты и в воде потоплены, а иные в Сибири между гор в пропастях поустроены»¹, — говорится в челобитной псковичей, поданной Алексею Михайловичу.

Верхоянский округ начал населяться ссылными почти одновременно с основанием в нём первого казачьего острога. Точных данных о верхоянских ссылных в XVII и XVIII столетиях, а также в первую половину XIX века я не мог получить. Можно предполагать, что в числе первых ссылных, помимо опальных москвичей, были малороссийские казаки, а потом стрельцы. Последние при Петре I заполнили все остроги до самых отдалённых².

---

¹ С. Соловьев: «История России», том X, стр. 172.

² Максимов: «Сибирь и каторга», том III, стр. 116.

Позднее в Зашиверск был сослан Фик¹, любимец Петра, а через некоторое время в Жиганск — князь Черкасский².

Из декабристов, сосланных в Якутскую область, А.А. Бестужев (Марлинский) и Чернышев были в Якутске, а М.А. Назимов — в Ср. Колымске; в Верхоянском округе могли быть декабристы седьмого и восьмого разрядов³, но кто именно, — я установить не мог.

Что касается позднейших ссыльных, то о них и в литературе имеется достаточно указаний, и население Верхоянска сохранило много воспоминаний.

Первым «государственным» ссыльным в Верхоянск, о котором сохранилась память у местных жителей, был известный этнограф Иван Александрович Худяков, сын смотрителя уездного училища в Тобольске, привлекавшийся по делу Каракозова (покушение на Александра II 4-го апреля 1866 г.). И.А. Худяков познакомил лиц, входивших в кружок, к которому принадлежал Каракозов, с существованием и планами революционного «Европейского комитета» в Женеве⁴. По приговору суда он получил ссылку на каторжные работы, которые были заменены ссылкой в Верхоянск. Худяков жил в Верхоянске с 1867 по 1875 год, когда был отвезён в Иркутск, где и умер в 1877 году в больнице умалишённых.

В бытность свою в Верхоянске Худяков занимался собиранием этнографических материалов о якутах и им составлен «Верхоянский Сборник», изданный через 13 лет после его смерти Восточно-сибирским отделом Императорского Русского Географического Общества. Можно предполагать, что у него имелись и другие работы о Верхоянском округе, но они, очевидно, были затеряны в канцелярии иркутского губернатора. Содержался И.А. Худяков в Верхоянске очень строго; населению было запрещено знакомиться с

---

¹ Генрих фон Фик (1679 — 1750 или 1751) — государственный деятель, действительный статский советник (1744), вице-президент Коммерц-коллегии (1726). На русской службе с конца 1715 года; — *прим. OCR.*

² Там же. [Князь Александр Андреевич Черкасский (? — 1749) — русский государственный деятель, смоленский губернатор, генерал-лейтенант, тайный советник. В 1733 году был арестован по обвинению в государственной измене и сослан в Жиганское зимовье. — *прим. OCR.*]

³ «Государственные преступники седьмого разряда были распределены по местам очень северном и не менее неудобным к жизни, как и места, где были первоначально поселены «государственные преступники осьмого разряда». Якушкин: «Записки», стр. 155.

⁴ Д.В. Стасов: «Каракозовский процесс», «Былое», 1906 г., № 4, стр. 280.

ним; но, несмотря на это, Худяков украдкой обучал мальчиков грамоте.

В конце семидесятых и в восьмидесятых годах прошлого столетия ссылка в Верхоянск становится многочисленной. Так продолжается до 1905 года. Всех политических ссыльных за этот период в Верхоянске было 87 человек (приблизительно). Сюда попадали лица, или особенно выдвинувшиеся во время процесса, которые приходили большею частью, отбыв каторгу, или же навлекшие на себя особый гнев начальства своим поведением в тюрьме, во время пути в ссылку. Ссыльных этого периода приходится разделить на две полосы.

Первая (конец 70-х и 80-е годы) была результатом борьбы русского правительства с революционерами семидесятых годов, с «Народной Волей» и польским «Пролетариатом».

После отъезда Худякова первым и опять единственным ссыльным был, очевидно, Н.Н. Николаев, привлекавшийся по делу Нечаевцев и отбывший каторгу. В Верхоянске он был поселён в 1877 году; в 80-х годах он переехал в Амурскую область. У населения не сохранилось о нём никаких воспоминаний¹.

Одним из следующих ссыльных был Михаил Морозов. В №1 «Народной Воли» есть ужасная повесть о его приезде в Верхоянск.

Отсидев в тюрьме в конце семидесятых годов 4 месяца за распространение запрещённых книг, Морозов уехал к себе на родину в Харьковскую губернию, где получил место волостного писаря. «Здесь его снова арестовали и административно отправили в Верхоянск. Морозов со своими провожатыми ехал сначала на лодке, но вскоре их захватила вьюга, и пришлось ехать верхом; у Морозова от ревматизма распухла нога; ехать далее он не мог, а остановиться и переждать негде, — кругом мёртвая глушь и пустыня. Станция от станции отстоит вёрст на 100-150... С распухшей ногой Морозов был принуждён продолжать свой путь в мешке, подвешенном на седле. С другой стороны седла, для равновесия, был прицеплен мешок с провизией. Но вскоре сделалось невозможным ехать даже и таким

---

¹ Н.Н. Николаев был арестован впервые в 1869 г., когда ему было 17 л.; потом судился 1-15 июля 1871 г. в спб. судебной палате по делу Успенского, Прынова и др.; получил по приговору 7 лет 4 мес. каторги. С 4-го июля 1873 г. отбывал каторгу на Каре. Г.Ф. Осмоловский; «Карийцы», «Минувшие годы», 1908, № 7, стр. 141,

образом. Пришлось карабкаться пешком на крутую гору, покрытую снегом и льдом, при сильном морозе и жгучем ветре с Ледовитого океана. Каждый вооружился парой шестов; воткнув один из них в снег, ставил на него ногу; воткнув повыше другой, ставил другую ногу. Вынув затем первый, втыкал его ещё выше и т.д. Взобраться иначе было совсем невозможно. Можете себе представить, в каком положении Морозов был доставлен на место назначения»¹.

К этому рассказу я могу добавить, что через некоторое время по приезде в Верхоянск Морозов умер.

В 1879 или в 1880 году прибыл в Верхоянск доктор Яков Моисеевич Белый, высланный в Восточную Сибирь в 1879 г. из Нежинского уезда (Черниг. губ.) по подозрению в организации какого-то тайного общества. Он был назначен в Верхоянск за то, что указал начальству на опасное состояние своих товарищей по этапной партии, после того как от тяжёлых условий в пути сошли с ума три или два человека, в том числе жена д-ра Белого². В Верхоянске он занимался врачебной практикой. У населения осталось о нём хорошее воспоминание.

В числе первых ссыльных были также: Борисов (служащий одесской городской управы, высланный Тотлебенем), Царевский; Зак, Вацлав Серошевский, С.В. Стопани, В.П. Арцыбушев, Ев. Пётр. Александрова, Лион и француз Люно.

Царевский был назначен в Верхоянск после побега в 1878 году из Вологодской губернии, а Зак — в 1879 г. из Енисейска, где они были в административной ссылке.

Вацлав Серошевский — известный писатель — прибыл в Верхоянск по приговору военного суда. Когда ему было 19 лет, он был арестован за участие в варшавских социалистических кружках и был заключён в цитадель. 30-го июня 1879 года он принял участие в беспорядках, устроенных заключёнными по поводу смерти одного из них, Бэта, который сделал попытку бежать и был на месте застрелен часовым. Серошевский оказал сопротивление, когда им хотели овладеть, и бросил в жандармов доской, весом в 8 фунтов...

---

¹ Литература партии «Народной Воли», стр. 62, «Народная Воля», № 1, ноябрь 1879 года.

² Там же, стр. 68, 275.

10-го июля 1879 г. военный суд приговорил Серошевского (как не достигшего совершеннолетия) к 8 годам каторги. При конфирмации судебного приговора варшавский генерал-губернатор, граф Коцебу, смягчил осуждённым наказание — на ссылку в весьма отдалённые места Сибири»¹. В. Серошевский пробыл в Верхоянске до 1883 года, когда после неудачной попытки бежать был переведён на Енгжу (Колымского округа), а потом в Якутский округ. Во время пребывания в Якутской области им написана большая этнографическая работа «Якуты» и ряд художественных произведений, создавших ему славу. Среди верхоянского населения он оставил память, как хороший кузнец.

С.А. Стопани, верхоянский поэт, прибыл в Верхоянск 16-го июня 1880 года и прожил там почти 22 года. Через некоторое время по прибытии в Верхоянск он был перевезён в Якутск, где опять судился по делу «об опсыпании битым стеклом якутского полицеймейстера Валя» и был опять выслан (в 1883 г.) в Верхоянск. Стихи его были долго популярны в этом краю. Он женился на якутке, от которой имел детей, живущих и теперь в Верхоянске. Жизнь в местных условиях плохо отозвалась на Стопани: он спился тут и умер 20-го февраля 1902 года.

В.П. Арцыбушев и Евгения Петровна Александрова, привлекавшиеся по делу полковника Зиновьева и Ненсберга (типография, найденная на Гутуевском острове в С.-Петербурге.)², отправлены в Восточную Сибирь в 1880 году, после 1½ годового заключения в Петропавловской крепости. Во время их пребывания там их сопроцессниками был устроен «бунт» (5-го февраля 1879 г.), за который они — в том числе Арцыбушев и Александрова — были избиты³.

Лион был арестован в Одессе летом 1879 г.⁴. Там же, кажется, был арестован и француз Люно, человек для ссылки очевидно случайный. В Верхоянске он принял православие, причём крёстным отцом был исправник.

---

¹ «Хроника социалистического движения в России. 1878 — 1887 гг. Официальный отчёт». Москва, 1907 г. Издание В. М. Саблина, стр. 88.

² Литература партии «Народной Воли», стр. 132.

³ Там же, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 70.

В 1883 году верхоянскими ссыльными была сделана смелая, но неудачная попытка бежать из этого гиблого места, оберегаемого пространством крепче всяких стен. Они были первыми интеллигентными людьми, которые могли основательно познакомиться с этим краем. Немудрено поэтому, что они довольно долго питали иллюзии о возможности побега из Верхоянска. В этой попытке принимали участие: В. Серошевский, Царевский, Зак, Лион, Люно, Арцыбушев и Александрова. Они построили лодку около горы Бурунук, верстах в 3-4 от города, и намеревались, спустившись в ней по Яне, выйти в Северный Ледовитый океан. Они благополучно доплыли до устьев р. Яны, но тут их настигла погоня, отправленная после того, как встретившийся им в пути якут сообщил полиции, что видел на Яне большую лодку, полную русских. За эту попытку некоторых из ссыльных, в том числе и Серошевского, перевели в Колымский округ¹.

Это была очевидно первая попытка бежать из Верхоянска, хотя в официальной «Хронике социалистического движения в России за 1878-1887 гг.» между прочим говорится, что в мае 1880 года из Верхоянска бежал Ефрем Пыляев и был пойман. При аресте он оказал вооружённое сопротивление и был осуждён на 5½ лет тюремного заключения². Но ни в литературе, ни в сведениях данных местными жителями, я не нашёл подтверждения этого сообщения. Возможно, что Пыляев сделал попытку к побегу с дороги, а не из самого Верхоянска.

В 1884 году отбыли на Каре свои сроки Порфирий Иванович Войнаральский и Сергей Филиппович Ковалик и поселены — первый в Верхоянском округе, а второй в самом Верхоянске. Впоследствии Войнаральский тоже переехал в Верхоянск. Оба эти лица сыграли крупную роль в эпоху «хождения в народ» в начале семидесятых годов. П.И. Войнаральский был одним из самых выдающихся людей того времени. По своему происхождению он был «незаконным сыном княгини Кугушевой, приняв фамилию своего отца³, прочтённую наоборот, от конца к началу, с прибавлением «ский» (Войноральский,

---

¹ Серошевский описал этот случай в одном из своих произведений. См. его «Побег» в IV томе сочинений.

² «Хроника», стр. 136.

³ Ларионов. — прим. OCR.

потом переделанную для благозвучия на Войнаральский¹). Его личное состояние, доходившее до 40 тысяч рублей, было отдано им на революционные цели. Когда ему было около 17 лет, он за участие в московском студенческом движении 1861 года был выслан в одну из северных губерний. В начале семидесятых годов он возвратился из ссылки на родину в Городищенский уезд, Пензенской губ., где был избран мировым судьёю, но продержался недолго, так как не был утверждён сенатом. Войнаральский не принадлежал ни к какому определённом кружку, но был близок со многими кружками революционеров того времени. «По своему образу мыслей он был анархистом». «В среде интеллигенции он устраивал мастерские, типографии, агентуры, в народе — лавочки, постоянные дворы и разные притоны для пропагандистов». Главная его деятельность прошла в Поволжье. Арестован он был в Самаре в конце июня 1874 года, после того как обошёл с целью пропаганды Сызранский, Корсунский и Ставропольский уезды.

С.Ф. Ковалик, обвинявшийся вместе с Войнаральским, как один из главных организаторов движения, стоял во главе кружка его имени. «Кружок этот заслужил ироническое прозвище «вспышкопускателей» за то, что некоторые его члены доводили до крайности значение мелких крестьянских бунтов»². По своему направлению Ковалик был бакунистом. Работая вместе с Е.К. Брешко-Брешковской в Мглинском (Чернигов. губ.) уезде, он под влиянием её агитации в земстве был избран мировым судьёю и председателем съезда мировых судей. Но и его, как и Войнаральского, сенат не утвердил, и он ушёл оттуда в 1871 году. В 1874 г. он был арестован. Вместе с другими обвиняемыми по «Делу 193-х» он был переведён в дом предварительного заключения в Петербурге, оттуда в апреле 1876 года он и Войнаральский пытались бежать. Особое присутствие сената приговорило Войнаральского и Ковалика к 10 годам каторги, которую они отбывали до 13-го октября 1880 года в Борисоглебской центральной каторжной

---

¹ Старик: «Движение семидесятых годов по Большому процессу», «Былое», 1906 г., № 11, стр. 45.

² Та же статья, «Былое», 1906, № 10, стр. 21.

тюрьме (Харьковской губернии), а потом на Каре, куда они прибыли в конце февраля 1882 г.¹.

По прибытии в Верхоянский округ «Войнаральский жил в одном из стойбищ, где у него была собственная юрта. Он занимался понемногу адвокатурой и мыловарением. Приготовить самое простое мыло оказалось делом в высшей степени трудным. Зола, получавшаяся в месте жительства Войнаральского, как содержащая мало щёлочи, была непригодна для мыловарения и пришлось нарочито выжигать золу из тополя, растущего в расстоянии 300 вёрст. Войнаральский жил, как простой якут, питался молочными продуктами и мясом. Он делал опыты посева ячменя, но не получил сколько-нибудь удовлетворительных результатов»².

Ковалик в Верхоянске занимался печными работами и плотничеством. Здесь он женился на акушерке О.В. Васильевой, Войнаральский, разошедшийся с своей первой женой ещё до судебного приговора, также женился, но на простой якутке, от которой у него было четверо детей. Эта вторая его жена была неграмотная, никогда не владевшая вполне русским языком.

Поселившись в Верхоянске, Войнаральский вместе с Коваликом сосредоточил в своих руках торговлю, которою занимались там политические в целях конкуренции местным купцам. Но это предприятие скоро лопнуло, и Войнаральский из купцов опять превратился в простого ссыльного, живущего на пособие от казны. «Положение семьи Войнаральского было ухудшено ещё и тем, что он злоупотреблял спиртными напитками и этим во время своего купечества подорвал своё слабое здоровье. Превращение из купчихи в простую якутку особенно сильно должно было подействовать на жену Войнаральского, но она безропотно несла свой крест». В 1890 году Войнаральский поселился со своей семьёй на Алдане, в северной части Якутского округа. Здесь он занялся исследованием роста хлеба в этом краю, где земледелие было ещё очень слабо развито, и поместил в одном из специальных журналов большую статью на эту

---

¹ Осмоловский: «Карийцы», «Минувшие годы», 1908 г., № 7, стр. 135.

² Старик: «Большой процесс», «Былое», 1906, №11, стр. 47-48.

тему. В 1897 г. Войнаральский вернулся в Европейскую Россию; незадолго перед этим умерла его вторая жена.

«В России он совершил революционное турне по главнейшим городам, собирал молодёжь, старался вдохнуть в неё начинавшую оскудевать, по его мнению, веру в революцию и надеялся связать в более крепкую организацию разрозненные революционные кружки». Но, «не успев окончить своего объезда, он скоропостижно скончался в г. Купянске Харьковской губернии»¹ (в 1898 г.).

С.Ф. Ковалик в 90-х годах переехал из Верхоянска сперва в Иркутск, а потом в Европейскую Россию. Живя в Иркутске, Ковалик принял участие в научной экспедиции ссыльных, организованной на средства сибиряков для изучения Якутского края и влияния золотопромышленности на быт якутов. У верхоянских жителей осталась о нём память, как о прекрасном математике.

Вместе с Войнаральским в торговле участвовал Влад. Ив. Мельников, бывший военный. Он прожил в Верхоянске около 7 лет, а потом через некоторое время был вторично сослан в Ср. Колымск на 10 лет. Оставшись после амнистии 1905 г. в Ср. Колымске, он в 1907 г. был избран выборщиком в 2-ю Государственную Думу от Колымского округа. Приехав в Якутск, он у губернатора Крафта выпросил... место заседателя и ныне служит в Ср. Колымске помощником исправника. У верхоянского населения осталась о нём плохая память.

В числе верхоянских ссыльных этого времени был некто Бызов. По словам местных жителей, это — солдат, служивший в Петропавловской крепости и бывший под влиянием Нечаева. Но фамилии «Бызов» в обвинительном акте по делу о солдатах-нечаевцах нет². Остаётся предположить, что Бызов был выслан административно.

В конце восьмидесятых годов в Верхоянск прибыли Ис. Бор. Эдельман и Морис Лазар. Соломонов, бывшие первыми жертвами провокации Зубатова. Первый был арестован в Москве весной, а второй — осенью 1886 года. Эдельман принадлежал к группе

---

¹ Там же, стр. 48, 49, 50.

² См. «Былое», 1906 г., №7, стр. 170.

революционеров, стоявших вне народовольческой организации, но поддерживавших с нею сношение. «Через Соломонова же Зубатов стал довольно близко к остатку тогдашней организации, сумел выудить таких крупных для того времени нелегальных, как Богораз, Виктор Данилов, Коган»¹. Эдельман был выслан на 8 лет. Очевидно, условия ареста сильно подействовали на него, и он заболел манией преследования и утопился в Яне. Соломонов, бывший студент Петровско-Разумовской академии, в Верхоянске строил дома и клал печи.

В девяностых годах состав ссыльных меняется; наступает вторая полоса ссылки сюда (1890-1905 гг.), давшая более демократическую публику. Она совпадает с развитием в России рабочего движения и социал-демократии. Но помимо социал-демократов, здесь были и представители переходных групп — от народовольчества к социал-демократии, а также социалисты-революционеры; продолжали приезжать и участники движения восьмидесятых годов, отбывшие каторгу. Происходит деление ссылки на партийные группы. Среди ссыльных этой полосы нет имён, сделавшихся историческими, как Войнаральский и Ковалик, но зато есть немало людей, которые играли не последнюю роль в событиях 1905 г. и последующих лет. Как и их предшественники, они в общем оставили хорошую память у населения.

В числе живших здесь в эти годы были: Корнелий Феликсович Багряновский, Ф.И. Цобель, Мих. Ив. Бруснев, Мар. Ник. Мандельштам, А.С. Белевский, Е.А. Прейс, С.А. Басов, Цукер, Лурье, Н.Е. Смирнов, Н.О. Белов, К.Ф. Петкевич, Виник, Левин, Гурченадзе, В.Д. Гурари, Бабушкин, Швецов и другие.

Багряновский и Цобель прибыли в Верхоянск в 1890 году, после смелой попытки бежать из Якутского округа в простой якутской ветке² вниз по Лене. Проплыв около 1500 вёрст, они сумели пробраться и дальше к Усть-Янску, где, кажется, добровольно сдались полиции.

---

¹ М.Р. Гоц: «С.В. Зубатов», «Былое», 1906, №9, стр. 67.

² Маленькая лодка вроде челнока или душегубки.

Багряновский, когда ему было 19 лет, был осуждён киевским военно-окружным судом (7-го - 14-го июня 1879 г.) по делу Бильчанского, Горского и др. на 6 лет 8 мес. каторги, которую он отбывал на Каре; в 1884 г. был поселён в Якутском округе¹, откуда он через шесть лет и пытался бежать. На Каре в 1881 году за отказ давать показания по поводу побега из Иркутска Багряновский был приговорён к 25 плетям и записан в штрафной журнал, т.-е. лишён всяких сокращений срока².

Ф. Цобель был выслан в Якутский округ административно.

В 1896 году Багряновский застрелился.

Проезжавший через Верхоянск незадолго перед этим Г.В. Цыперович вот как описывает и жизнь верхоянских ссыльных того времени и самого Багряновского:

«Жизнь наших старых верхоянских товарищей казалась подёрнутой какою-то мглистой плесенью. Движения их были вялы, безжизненны; крайняя нервическая усталость чувствовалась в их взорах и речах; и даже когда кто-нибудь из них возбуждался, признаки нервной измученности сквозили в каждом его жесте, в каждом слове. Были среди них и такие закалённые, мужественные натуры, которые умудрялись затаить в себе всё, что происходило у них в душе. Но это наружное спокойствие, граничившее с философским пренебрежением к лишениям ссылки, стоило невероятных усилий и иногда совершенно неожиданно для окружающих заканчивалось трагедией. Укажу, например, на одного из верхоянских ссыльных — Багряновского. Это был красавец, высокого роста, с открытым правильным лицом, обрамлённым пышною русою бородой. Он пробыл в ссылке около 8 лет³ и удивительно хорошо сохранился, так что постороннему наблюдателю могло показаться, будто ссылка пощадила его, направив все свои удары на других. А между тем вскоре после моего отъезда Багряновский застрелился: он носил в своей душе скорбную, трагическую загадку, разрешённую свинцовой пулей»⁴.

¹ Осмоловский: «Карийи», «Минувшие Годы», 1908, № 7, стр. 125.

² Литература партии «Народной Воли», стр. 272.

³ Всего около 12 лет: с 1884 г. по 1896 г.

⁴ Г. Цыперович: «За полярным кругом. Десять лет ссылки в Колымске». Спб., 1907, стр. 60-61.

Могила Багряновского находится около улусной управы. На ней в моё время была надпись: «Корнелий Феликсович Багряновский, ссыльный революционер».

В числе первых представителей социал-демократов в Верхоянске были М.И. Бруснев и М.Н. Мандельштам.

Инженер-технолог Михаил Иванович Бруснев был арестован летом 1891 года по делу о пропаганде среди петербургских рабочих и после того, как он отсидел 4 года в «Крестах», был сослан в Якутскую область на 10 лет, которые и провёл в Верхоянске¹. В эпоху войны с Японией им написан здесь ряд статей, показывающих утопичность планов прохождения эскадры Рождественского через Ледовитый океан.

Мартын Николаевич Мандельштам, автор «Истории Рос. Соц.-Дем. Рабочей Партии», был арестован в Москве в августе 1895 года по делу московской соц.-демократической группы. В ссылке он был вместе с женой — Лидией Павловной, которая работала в Верхоянске в качестве фельдшерицы. Живя здесь, Мандельштам оказывал безвозмездно юридическую помощь.

Представителями переходных групп были А.С. Белевский и Е.А. Прейс, арестованные в Петербурге 13-го июля 1896 года по делу Лахтинской типографии «Группы 4-го листка». Группа эта, называвшаяся народовольческой, по своим взглядам была близка к социал-демократии. С именем Прейс связана одна из мучительных «колониальных историй», долго волновавшая ссылку.

«Экономическое» направление в социал-демократии было представлено здесь Верой Д. Гурари, жившей тут с дочерью. Гурари привлекалась в 1900 г. по делу «Самоосвобождения».

Представителем «Искры» был рабочий Бабушкин, арестованный в 1901 г., один из первых агентов «Искры».

Из «романовцев» в Верхоянске были рабочие Цукер и Лурье, осуждённые потом на каторгу.

Ссылные и этой полосы выдвинули из своей среды несколько человек, пытавшихся бежать отсюда. На этот раз был избран путь не к северу, а на юг Весной 1904 года ссылные рабочие Виник, Левин и

---

¹ В. Б — ь: «Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х годов», «Минув. Годы», 1908 г., № 10, стр. 169-197.

Гурченадзе, купив лошадей, отправились на них по направлению к Якутску. В верховьях реки Дулголаха они заблудились. Их съестные припасы скоро иссякли, и им пришлось двигаться по болотам и горам голодными. Ослабшие и измученные, они в конце-концов выбрались на верную дорогу, но вблизи Якутска были арестованы. Потом их поселили в Вилюйском округе. Трудно назвать эту попытку иначе, как безумно-смелой. Но после неё уже нельзя было больше питать иллюзий на возможность бежать из этой полярной тюрьмы. Болота, трясины, горы, реки и океан сторожат её лучше, чем жандармы и тюремщики.

Эта прикованность к месту, безысходность положения, кроме Багряновского, привела к трагическому концу и юношу Швецова, застрелившегося в сентябре 1902 года на склоне горы «Апыт» (теперь её зовут «Швецова гора»), где он и похоронен. Швецов под влиянием одного из распоряжений Александра III, решил убить его. С этой целью он, купив револьвер, приехал в Гатчину и стал бродить около дворца, в парке. Своим странным поведением он обратил на себя внимание и был арестован. На допросе он откровенно сказал, зачем приехал в Гатчину. После долгого сидения в тюрьме Швецов был переведён в больницу св. Николая и через несколько лет сослан в Верхоянск. По словам местных жителей, он был родом из Саратовской губернии и арестован, когда ему было 15 лет. По характеру своему он был нелюдим, склонен к меланхолии.

Подводя итоги ссыльным, погибшим в Верхоянске с конца семидесятых годов по 1905 г., приходится назвать умерших здесь: Морозова, Хазова ¹, Стопани, И.Б. Эдельмана (утопился), Багряновского (застрелился), Швецова (застрелился) ². Всё это жертвы «верхоянских» условий. Вспомним также и И.А. Худякова, сошедшего здесь с ума.

Ссылные первых двух полос, долго жившие в Верхоянске, постепенно входили в местную жизнь. Некоторые из них делали попытки улучшить положение якутов, или, как С.Ф. Козалик и П.И. Войнаральский, конкурируя с местными купцами и стараясь

---

¹ Сведений о Хазове я не мог получить.

² Кроме того, из позднейших ссыльных двое также погибли тут: один утонул, другой был убит. Фамилий их не помню.

понизить цены, или влияя на администрацию. Среди ссыльных были ремесленники, и их руками сделано много всякой утвари и построено большое число зданий в Верхоянске. Физическим трудом занимались тут не только профессиональные ремесленники: большинство ссыльных, несмотря на своё прошлое, становились здесь мастерами на все руки. Так, М.И. Абрамовичем и Б.А. Веселовским построена большая юрта, при которой долго была метеорологическая станция, на которой до самого последнего времени велись наблюдения также ссыльными¹. Юрта эта долгое время служила квартирой для ссыльных. Ф.И. Цобель проложил дорогу к Яне в пункте, где она ближе всего подходит к посёлку. К.Ф. Петкевич², страстный охотник, научил местных жителей одному способу рыбной ловли, которым они пользуются и теперь.

Несколько человек занимались канцелярской работой, из них И.И. Шиф был помощником улусного писаря, а трое брали работу у исправника.

Кое-кто оставил по себе недобрую память, но таких немного.

Некоторые из ссыльных (кроме Войнаральского) поженились здесь на якутках и на дочерях местных чиновников.

Постепенно у старых ссыльных составила хорошая библиотека, которая помещалась в юрте, построенной Абрамовичем и Веселовским. К сожалению, эта библиотека была расхищена после 1905 года.

После Романовской истории (в Якутске в 1904 году)³, когда часть якутских ссыльных решила воспротивиться дальнейшей ссылке в Верхоянск, Колымск и дальние улусы Якутского и Вилюйского округов, ссылка политических в эти места временно прекращается. Амнистии 1904 и 1905 гг. возвращают на родину всех томившихся здесь невольных жителей, за исключением нескольких человек, решивших остаться.

После 1905 г. ссылка сюда возобновляется не сразу, а лишь в 1907-1908 гг., и даёт сперва людей главным образом с «новыми»

---

¹ Теперь метеорологическая станция находится при школе, а эта юрта пришла в ветхость.

² К.Ф. Петкевич, пробывший в Верхоянске 8 лет, вернувшись на родину, через некоторое время был осуждён на каторгу. В 1912 году он вышел на поселение в Киренский уезд, Иркутской губ.

³ См. П.Ф. Теплов: «Протест якутских ссыльных в 1904 году».

традициями и взглядами. Сначала несколько человек «дельцов» из новых ссыльных сами просят, чтобы их отправили в Колымск. После этого уже без всяких просьб начинают посылать в Колымск и Верхоянск главным образом лиц, замешанных в различных экспроприаторских историях; преобладают так называемые беспартийные и анархисты. Об этой третьей полосе ссылки у населения складывается иное представление, чем о первых двух. Того бережного отношения к демократическому слою населения, которым отличались ссыльные первых двух полос, у этих ссыльных не было. Из их среды выдвинулось сразу несколько человек, которые на первый план поставили наживу. Своим именем «государственных», «политических» ссыльных они пользовались для того, чтобы прикрываться им и лучше обделывать различные делишки. Некоторые из них были ничтожными шулерами, другие — просто хулиганами и наконец — ворами. Начался ряд скандальных историй.

Но с 1911 года в Верхоянске и Колымске появляются люди, которые опять вносят в жизнь ссылки иной дух и отрицательное отношение к образу жизни и к взглядам своих ближайших предшественников. Начинается четвёртая полоса в ссылке.

Все эти полосы, или лучше — периоды, можно заметить не только в Верхоянске, но и всюду в местах ссылки. Четвёртому периоду соответствует новый подъём рабочего движения, борьба с которым дала ссылке новых людей. Эти новые элементы способствуют разделению ссылки на отдельные группы. Размежевание определяется на первых порах не партийностью, как это было во 2-ой период, а прежде всего поведением ссыльных и отношением к населению. Хотя скоро, особенно в тех местах, где ссыльных много, на группировку оказывает большое влияние и партийность. Но во всяком случае характерной чертой третьего и четвёртого периодов является известное сближение социал-демократов и социалистов-революционеров в противовес анархистской и беспартийной публике. Этому делению способствует и приход в ссылку ссыльно-поселенцев и отбывших каторгу, среди которых происходит такое же расслоение, как и среди административных ссыльных.

С типичными представителями третьего периода мне пришлось встретиться и по дороге в Верхоянск и во время жизни в нём.

Подъехав к станции Мойской, мы увидели перед юртой целую груду ящиков и тюков, много было их и в самой юрте. Мы решили, что это купцы. Так нам сказали и станционные якуты. Но оказалось, что это был некий Ку-ков, кончающий срок ссылки и направляющийся в Россию, живший в Верхоянске. Я начал расспрашивать его об условиях жизни там. Очень скоро оказалось, что он стоял в стороне от других ссыльных, но зато был очень «близок к населению». Из дальнейших расспросов выяснилось, что у этого ссыльного в Верхоянске целое хозяйство, состоящее из оленей, коров, лошадей. Владеет он хозяйством вместе с другим бывшим ссыльным З. К-ским. Они брали подряды у «казны» и купцов на доставку муки и других товаров, скупали пушнину.

— Да, здесь можно хорошо жить, а вот бросаю своё хозяйство и уезжаю. Очень уж сплетен много в Верхоянске, да и в Россию тянет.

На мой вопрос, есть ли в Верхоянске книги, он ответил:

— О, сколько хотите. Только читайте, господа.

Потом я узнал, что библиотеки старых ссыльных уже не существует, но что в квартире Ку-кова и З. К-ского было очень много книг именно из этой библиотеки.

— Ну, что нового в России?

Новый подъём рабочего движения тогда вновь заставлял всех говорить о себе, и я коротко сказал о нём; для Ку-кова это было совершенно новым, так как он, по его словам, не читал газет все три года, которые он провёл в ссылке.

Как оказалось, Ку-ков поджидал на этой станции своего компаньона, чтобы дальше ехать вместе.

На следующей станции мы встретились и с З. К-ским. Я уже засыпал; вдруг слышу, как кто-то громко спрашивает Шершикова — одного из казаков, сопровождавших нас.

— Водка есть, старик?

— Откуда она у меня?

— Да ведь припрятал наверное где-нибудь.

— Отстань ты от меня, на что она мне?

Наутро узнаю, что приехал З. К-ский, и именно он так добивался водки.

Вскоре появился и он сам. Одет он был в куртку, опущенную горностаем, и производил впечатление человека зажиточного и очень развязного. Рассказав коротко о своём прошлом, подчеркнув, что бывал за границей, он стал рассказывать о своём хозяйстве.

— Ну и вы тоже живёте вот в такой юрте? — спросил я его.

— Да, раньше жил в такой же почти; ну, несколько лучше. Сей год (местное выражение) выстроил русский дом под крышей.

Почему же вы остались здесь?

Привык, обзавёлся семьёй. Да и что мне делать в России? Там теперь реакция, движение заглохло. А якуты народ хороший. Я стараюсь приносить им пользу.

— Что же вы делаете для них?

— Да вот веду с ними честно дела. Помогаю им. Вот ввёл косьбу литовками вместо горбуши. Только трудно с ними сойтись. Очень уж часто их обманывают русские, и они долго относятся осторожно и ни за что не назовут вас «дагором» (приятелем, товарищем), а всё будут звать «нюча»¹, а вот меня зовут «дагор». Оценили уже.

Разговор этот происходил при кривом старике якуте, который понимал по-русски и знал З. К-ского. Его единственный глаз стал смотреть куда-то в сторону и сделался каким-то тёмным.

Потом я узнал, что никакого русского дома у З. К-ского нет и не было; что и юрта, в которой он жил, принадлежала не ему, а одной старухе якутке. Что касается введения литовок вместо горбуш, то оно началось в Верхоянском округе задолго до приезда туда этого культуртрегера. Об общем же духе, в котором велось хозяйство этим господином, мне пришлось потом слышать в связи с рассказами о торговле спиртом.

Через несколько часов З. К-ский собрался в путь. Он ехал в Якутск за товаром и вёз туда пушнину. Длинной вереницей растянулся его караван.

---

¹ Нюча — русский; название это презрительное, буквально означающее «мороженный», «немой»; смысл его аналогичен древнему смыслу слова «немец».

— Вот как ссыльные-то живут, — сказал Шершаков, обращаясь ко всем нам, когда мы смотрели на лошадей, нагруженных ящиками и вьюками. — Вот и вы так поедете.

— Ну, вряд ли, ответил Б.

— Посмотрим, — сказал Котельников. Его глазки блестели, и он улыбался, почуяв поживу. Он понял, что и в этом диком краю «умные» люди могут полакомиться и составить капиталец.

Потом я узнал, что образ жизни З. К-ского ничем не отличался от образа жизни купцов. Это действительно наиболее вредный тип из ссыльных этой полосы. Подчёркивая в разговорах, что он в былое время делал то-то и то-то, он своими поступками доказывал полное отсутствие разборчивости в средствах достижения своих отнюдь не идеальных целей. Более грубый и глупый Котельников, которого также приходится причислить к типам третьего периода, мог своими мелкими кражами принести населению меньше вреда, чем З. К-ский. Более ловким, чем Котельников, был также и Г-он, типичный картёжный игрок, знаменитый в Верхоянске своими выигрышами и драками с якутами и казаками.

Большую известность чуть ли не по всей Якутской области приобрёл ***. Человек интеллигентный, он опустил себя, живя в Верхоянске и на Абые. Постоянные скандалы, различные похождения в пьяном и трезвом виде сделали его «притчей во языцех». Но во всех его поступках не было злостности, хотя элемент хлестаковщины и авантюризма увлекал его на предприятия очень рискованные. В нём проявилось отсутствие воли, и он долго не хотел выехать из этих мест, хотя окончил срок и имел возможность ехать. Выехав сперва в Якутск, он опять вернулся в Верхоянск.

К нему примыкал один рабочий, также опустившийся здесь. Этот являлся жертвой и верхоянских условий и отсутствия энергии. Вокруг его имени создавалась скверная легенда, которую он не сумел разрушить и которую не было возможности проверить. Человек потерял чутьё и не умел оградить своё достоинство. Оттолкнувшись от лучшей части ссыльных, он сблизился с некоторыми из чиновников и купцов и стал мало чем отличаться от ***.

Во время моего приезда два последних ссыльных жили временно в Абые и появились в Верхоянске позднее. Я застал здесь пять человек ссыльных; считая же нас, приехавших в июне 1912 г., всего было девять человек. Кроме игрока Г-она, до нас было ещё трое рабочих и один студент.

Наш приезд совпал с резким разделением ссыльных на две группы: в одной были Г-он, Котельников, грузин Г. и ещё один из старых ссыльных рабочих, с симпатиями к анархизму; вторую образовали все остальные, в том числе и я. Сравнительно скоро один из членов этой группы был переведён в Якутск, и нам пришлось жить вчетвером.

Объединяло нас прежде всего отрицательное отношение к образу жизни гг. вроде З. К-ского и Котельникова, к сближению с чиновниками и купцами.

Что касается наших взглядов вообще на жизнь и на общественное движение, то они были очень далеки от единства. Все мы были люди совершенно разные и по развитию, и по своему прошлому, и по взглядам на будущее.

Часто, когда хотелось перекинуться словом с живым человеком, и мы собирались вместе, обнаруживалось, что общего у нас мало, что интересы и запросы у нас различные. Приходилось толковать или о здешних мелочах, или же объяснять азбучные истины. Вернёшься после такого разговора к себе в юрту и острее почувствуешь своё одиночество. Сказывалось и то, что у каждого из нас было много «неотложных» дел по хозяйству, которые раздражали и отнимали массу времени. И невольно разговор переходил на тему о разных недостатках в хозяйстве, о том, как надоело возиться с ним, и т. д.

У двоих членов нашей группы совершенно не было никаких знаний не только по общественным вопросам, но и самых первоначальных. Необходимо было помочь им. Много раз делали попытки заниматься, но и тут получалось мало толку. Правда, с одним из них занятия более или менее наладились, но подвигались они страшно медленно. При занятиях и разговорах то и дело приходилось убеждаться, что беседа ведётся на разных языках. Вместе с тем невольно ставил себе вопрос: «ну, а зачем всё это?» Так

неясны были стремления и желания и у этих лучших из окружавших людей. Общая обстановка действовала на них очень сильно, и было ясно, что им слишком трудно бороться против порабощения ею. Недостаток впечатлений, неумение обращаться с книгой, отсутствие привычки к газете и журналу, а главное — безотрадность окружающей обстановки создавали у них крайне тяжёлое нервное состояние. Относиться к ним, как к людям здоровым, нормальным, было нельзя. Особенно тяжело они переживали длинную ночь и длинный день. Один из них в это время бродил, не ложившись спать иногда по несколько суток, с самыми мрачными планами в голове. Он чувствовал, что жизнь его изломана, что он заброшен куда-то в среду, о которой ему и не снилось. На него навалились какие-то новые взгляды, которые его куда-то тянули, но разобраться в них он не мог. То старое, что осталось за ним, также рисовалось ему в двойном свете: ему и противно было смотреть на него и вместе с тем, оно своим покоем, отсутствием тревог, возможностью не думать манило его.

Третий член нашей группы тоже не мог быть назван человеком с вполне здоровыми нервами. Он глубже, чем все остальные ссыльные, входил в местную жизнь. По своему характеру и взглядам он не мог слиться с обывателями, но и не мог жить вдали хотя бы от такой жизни. Это повышало его нервозность. Склонный больше всего к научным занятиям, он подходил к жизни также с иной точки зрения, чем я.

Обстановка и среда делали своё дело: нервозность способствовала развитию подозрительности. А так хотелось создать простые отношения, где не было бы места задним мыслям и заподозрениям.

Но иногда сдержанности не хватало, и у кого-нибудь прорывалось резкое слово, какой-нибудь резкий жест, и возникала «история». Но, ведь, это были единственные люди, с которыми можно было найти хоть что-нибудь общее. Из общения с ними создавалась здешняя жизнь; а она накладывала такой глубокий след на всех нас. Нельзя было забыть, что самым благоразумным является устранение недоразумений и мелочей. И вслед за «историей» приходило

примирение, иногда не скоро, но всё же приходило. Может быть тяжело, нудно и скучно было переживать эти «истории», но просто игнорировать их было нельзя.

Так жили мы, люди совершенно разные, ставшие «друзьями поневоле».

Было ясно, что в сущности каждый живёт сам по себе; что невозможно достигнуть сближения, какого хотелось бы; что надо уходить ещё глубже в себя, но обойтись друг без друга мы не могли, и, несмотря на всё, нас тянуло друг к другу. Но всё-таки в общем мы виделись редко; иногда по целым неделям приходилось быть одному.

Чем больше продолжалась такая жизнь, тем сильнее становилась потребность в разговоре с человеком, с которым было бы больше точек соприкосновения. Несколько раз проезжали через Верхоянск ссыльные из Колымска, среди которых иногда попадались интересные люди. Колымские ссыльные были нашими самыми близкими соседями. Хотя Якутск от Верхоянска ближе, чем Колымск, но большее сходство условий объединяло нас именно с колымскими ссыльными. По общим уверениям колымских ссыльных, условия жизни в Колымске лучше верхоянских. Характерно, что в Колымске чувствуется... дыхание Америки, правда, очень отдалённое, но всё же чувствуется. В р. Колыму иногда заходят американские шхуны; у колымских купцов есть дела с американцами. Последние ведут большую торговлю на соседнем с Колымским округом Чукотском полуострове. Жизнь ссыльных в Средне-Колымске шла несколько иначе, чем наша. Там ссыльные ближе вошли в жизнь местных жителей, чем мы. Они считали допустимым несколько иное отношение.

Приезды колымских ссыльных встряхивали нас, вносили разнообразие, и как-то грустно было прощаться с некоторыми из них.

Но и разговоры с этими мимолётными гостями не давали того, чего хотелось. Было так много вопросов, интересных и жгучих; они стояли и требовали обсуждения. Наконец, просто хотелось разговора, за которым можно было бы чувствовать себя легко.

Понятна поэтому радость, с которой я встретил приехавшего из Русского Устья В.М. З-ова¹, человека очень интересного и разностороннего. Те два с половиной месяца, которые он провёл в Верхоянске, были самыми лучшими из всех проведённых мною в Верхоянске. Мы довольно часто забегали друг к другу «на минутку» и говорили, и спорили часами. После его отъезда надо было опять уходить в себя.

Незадолго перед этим все мы пережили довольно напряжённое состояние. Это было время ожиданий манифеста 21-го февраля 1913 г. Среди ссыльных было много иллюзий на его счёт; у нас они не были сильны, но всё же у некоторых шевелилась мысль: «а если...?». Но наконец в марте месяце мы узнали о его содержании, и оказалось, что по отношению к двум членам нашей компании, как раз тем, которые больше всех надеялись вернуться и болезненней всех переносили жизнь в Верхоянске, манифест не применён, и они лишены даже той скидки в год, которую он приносил остальным.

Тяжело было смотреть на них и в особенности на моего спутника по дороге сюда, Б., который был одним из этих несчастливцев. Очевидно, в глазах русского правительства этот полурребёнок, который признавался мне, что он раньше думал, что «эс-деки» и «социал-демократы» — две разные партии, который привёз с собою в ссылку евангелие, подаренное ему в школе, был очень страшным человеком, если его послали так далеко и даже побоялись ускорить на один год его приезд на родину. Через некоторое время другой «несчастливец» был переведён в число «счастливых», и мы стали называть Б. «самым страшным преступником».

Вскоре, весной того же года, в Верхоянск прибыл ссыльно-поселенец, отбывший каторгу. Это был человек с совершенно разбитыми нервами.

Длинный день обострил нервное состояние у всех нас. Достаточно было нашему положению немного осложниться, как началась нелепейшая «история», наиболее болезненно отозвавшаяся опять на том же Б. Рассказывать об этой «истории» я не буду; это была одна из

---

¹ Влади́мир Миха́йлович Зензи́нов (1880 — 1953) — российский политический деятель и журналист, корреспондент. Революционер, член партии эсеров. В 1910-1914 гг. отбывал ссылку в Русском Устье. См. его работу «Старинные люди у холодного океана». — прим. OCR.

тех обычных ссылочных историй, в которых какая-нибудь мелочь и недоразумение приобретают в силу исключительных условий преувеличенное значение. Люди с здоровыми нервами в нормальной обстановке могут ликвидировать подобную «историю» в несколько часов, а здесь на это иногда требуются месяцы, а то и годы. Изжили и мы свою историю, но обошлась она дорого: двое дошли до обмороков и обратились в полувменяемых людей, один был недалёк от самоубийства.

Потом в Якутске мне пришлось встретить одного из тех, кто в это время особенно поражал своей ненормальностью. Это был совсем другой человек. Достаточно было попасть ему в сколько-нибудь сносные условия, и он буквально ожил.

Естественно, что у всех нас верхоянские условия и местные дела вызывали отвращение к ним и сильнейшее желание поскорее избавиться от них и перебраться хотя бы поближе к Якутску. Но сделать это было не так-то легко, особенно тем, кто был на особом положении. Надо было ждать; хотелось видеть людей, многим хотелось забыться. И то, что раньше мешало сближаться с живущими рядом людьми, перестало уже казаться таким, как раньше. Начались попытки найти людей, с кем бы можно было сказать слово. Естественно, что и внутри нашей группы отдельные члены её сблизилась теснее с людьми, наиболее подходящими друг к другу. Но этого было недостаточно.

Я уже говорил, что среди местных жителей были некоторые исключения, и, понятно, у нас являлось желание ближе познакомиться с ними. Но даже, не находя искреннего отношения к себе, иной раз мы шли к некоторым из обывателей просто потому, что не знали о них ничего особенно плохого. Так была сильна эта потребность в людях. Но такие посещения не удовлетворяли, а лишь увеличивали её. И опять напряжённо ждали, когда же, когда можно вырваться отсюда?

Длинная полярная ночь обостряла это напряжённое состояние. Мучительно было узнавать, как кое-кто из ссыльных начинал искать и иных способов забыться... Таким надо было помочь, но что можно

сделать, когда вся окружающая обстановка толкает человека в определённую сторону, и сам он ослаб?

XI. Возвращение.

Чем ближе подходил конец ссылки, тем сильнее хотелось поскорее выбраться из этого гиблого места. Дни давно уже были сосчитаны, но они так медленно уменьшались в числе. Как-то не верилось, что придёт наконец день, когда можно будет двинуться отсюда.

Мой срок истекал в июне. Я знал, что если я не выеду отсюда до весенней распутицы, то мне придётся пробыть в Якутской области сверх срока. Я сделал соответствующее заявление исправнику и через некоторое время получил уведомление, что мне разрешено выехать из Верхоянска в марте, с тем чтобы дожидаться конца срока в Якутском округе.

Теперь отъезд перестал казаться чем-то несбыточным, и можно было начать готовиться к нему. Предстояло заготовить тёплую одежду, наладить повозку, заготовить для дороги пищу.

Административным ссыльным необходимая для дороги одежда выдаётся из казны. Но «в казне» запасных вещей нет, а в Верхоянске трудно достать что-нибудь даже из вещей, сделанных из оленьего меха; поэтому найти всё необходимое было не так-то легко.

№ 17. По зимней дороге.

Повозку мне дал на дорогу один из чиновников, и оставалось лишь заготовить пищу. Я уже знал, что по дороге до самого Якутска я не смогу ничего купить. В течение нескольких дней я варил увеличенную порцию супа и, вылив его в тарелки, замораживал. Таким образом у меня накопилось несколько кругов «ледяного супа»; так же я поступил и с молоком. Хлеб и мясо были заморожены давно.

Всё надоевшее, раздражавшее уходило. Чувствовалось, что все эти условия, которые уносили в другой мир, скоро будут в прошлом; что уже недалёк новый период жизни, на котором отзовется только-что пережитое. Было ясно, что, живя мыслями, получая так мало сведений о текущей жизни в культурных местах, нельзя не отстать. Совершенно ясно стало также и то, что не сразу избавишься от той меры времени, которая выработалась здесь; что скажется и привычка к одиночеству. Нельзя было сомневаться, что кончен этот длинный кошмарный сон, что начинается пробуждение, возврат к жизни, но вернуться придётся уже несколько иным. Будет ли эта перемена к лучшему, сделан ли за это время шаг вперёд или назад? Сможешь ли быть таким, каким был раньше?

Одинаковые условия вызывают одинаковые мысли. Вспоминались те трагедии, о которых говорили могилы ссыльных. Становились понятными самоубийства тех, у кого срок ссылки уже истекал. Годы, проведённые здесь, отнимают жизнь; в лучшем случае они калечат человека. Немудрено, что иной, подводя итоги, приходит к печальному выводу, когда видит опустошение, произведённое в нём жизнью в ненормальных условиях.

Из-за этих скованных морозом безграничных пространств выглядывает смерть, и всем, невольно попавшим сюда, приходится посмотреть ей в глаза. И счастлив тот, кто, взглянув в её лицо, найдёт в себе отклик тому призыву жизни, который приходит к нему с известием о возможности вернуться.

Таким счастливецом считал себя и я, и были понятны та тоска и зависть, с которыми смотрели на мои сборы те, кому предстояло прожить тут ещё несколько лет.

Незадолго перед моим отъездом наша группа опять зажила более тесной жизнью, устранив все недоразумения. Чувствовалось, что всё

пережитое сроднило нас. Что жизнь здесь научила ценить в людях то, что, может быть, раньше некоторыми из нас отбрасывалось как лишнее, ненужное.

Чувствовалась и та незаметно установившаяся связь с здешними людьми и природой.

Старик Афанасий стал всё чаще ко мне забегать. Придёт, посидит, помолчит и скажет:

— Ну, вот, ты уезжаешь. А я-то как? Хорошо мы с тобой жили. Буду вспоминать тебя. И старуха моя всё говорит о тебе. Шибко жалеет.

И в лицах Афанасия и его старухи светилось то хорошее, что отражает искренность. В этих пригнутых к земле, замытаренных морозами и нуждой людях проявилось то, что обычно спрятано там, где-то глубоко за бесконечными постоянными тревогами и заботами. И я почувствовал, что они стали для меня уже не такими далёкими, какими были сперва.

Приходили прощаться и другие якуты и якутки и как-то по-иному говорили. Они знали, что не увидят меня больше никогда, и у них открывалось то, что было обычно скрыто.

И невольно мысль переходила на пережитое и передуманное тут, в этой маленькой, тёмной юрте. И она сама не казалась уже такой чужой, как раньше: в ней оставалось что-то своё, близкое.

И эти невысокие горы, и равнина, занесённая снегом, с замёрзшей Яной и с трескающейся землёй не были чужими. И они наложили что-то своё, и чувствовалось, что много раз придётся вспомнить о них. И то, что в них отталкивало раньше, когда они являлись для меня тюремщиками, куда-то исчезло. Они как бы говорили, что это не они, а люди были палачами, отнимавшими жизнь.

Наступил день отъезда. Моя юрта наполнилась провожающими. Раздаю ненужные вещи. Одеваюсь в дорожное платье и сразу чувствую себя, как в бане. В дорогу я надел сверх обычного платья ватные штаны, две пары заячьих чулок, оленьи камусы (сапоги, сделанные из меха с ног оленя), шубу, потом куклянку (так называется одежда, сшитая или из двойного оленьего меха с капюшоном и без разреза спереди, надевающаяся через голову, или из одного ряда меха, покрытая вторым рядом из ровдуги — оленьей

замши, — также с капюшоном; у меня была вторая), оленью шапку и большие заячьи рукавицы.

Олени уже поданы и запряжены в повозку, в которую поверх сена положены две оленьих шкуры и подушка.

Прощанье кончено. Сажусь в повозку; Афанасий закутывает меня заячьим одеялом. Олени дёрнули, мелькнули лица товарищей и других провожатых, и — «прощай, Верхоянск!».

Ещё раз взглянул на верхоянские юрты, на горы, и опять в глубине шевельнулось что-то похожее на чувство сожаления. Но вот выехали на дорогу, переехали Яну и уже за пределами Верхоянска. Вечерняя заря освещала небо. Красные и розовые тона сменяли друг друга, а снег отражал их. Там, куда уходило солнце, был ещё день. Там была и жизнь, там то, что дороже всего. Вдруг представил себя опять в юрте, в старой обстановке. И такой ничтожной, жалкой показалась жизнь тут. Таким ужасом повеяло от мысли очутиться опять в подобной обстановке, что моментально исчезла и та тень сожаления, которая только-что мелькала. Захотелось как можно скорее туда, на юго-запад, где настоящая жизнь.

А олени всё бежали и бежали. Наступила ночь. Перед глазами на юге сиял Юпитер. В воздухе показалась туманная дымка от мороза. Хотя было начало марта, но ночью морозы доходили и до 50°С. Так, должно-быть, было и на этот раз. Я давно уже перестал чувствовать себя, как в бане, и не испытывал тяжести, как сперва, когда надел на себя всю меховую броню. Приходилось уже поправлять кое-где сползшее одеяло. Закрыватьсь пологом в повозке мне не хотелось: так хороши казались и ночь и воздух, так хотелось смотреть вперёд.

А олени всё бежали и бежали. Раздавались характерный стук их рогов и лёгкое шлёпанье копыт да крики каюра (ямщика), ехавшего на передней нарте. Каюр то помахивал длинной палкой, при помощи которой управляют оленями, то ударял ею оленей, то вдруг вскакивал и бежал впереди них. Казалось, не было минуты, чтобы он оставался спокоен. Одет он был сперва сравнительно легко — в короткое оленьё пальто. Но вот и каюр надел сверх пальто куклянку. Надо было вытаскивать руки из-под одеяла и оттирать нос. Мороз начинал требовать, чтобы на него обращали побольше внимания. Он

постепенно забирался всюду, но вызывал у меня лишь бодрость. Так радостно было на душе, — наконец-то еду!

Быстро и легко скользили наши нарты и повозки, и сразу можно было оценить их преимущество при здешних условиях перед обыкновенными санями. Главное достоинство нарты — это её лёгкость и, если так можно выразиться, гибкость. Для лошадей здесь зимой нельзя достать корма, а олени не в силах тащить тяжёлые санки или «кошевы», легкие же нарты имеют в виду силу оленей. Снега здесь неглубокие, часто приходится ехать по руслам рек, в которых лежит много валунов. Не имеющая в себе ни одного гвоздя, скреплённая ремнями и деревянными шипами, на тонких берёзовых полозьях, нарта легко перескакивает через такие камни и кочки, на которых наши сани наверное бы сломались. Наскочивши на камень или кочку, нарта изгибается, принимает всевозможные положения и остаётся невредима.

Но простая нарта без верха, которую дают ямщики на станциях, для езды всё-таки неудобна; удобней и теплей ехать на нарте, на которой установлен верх, обтянутый парусиной или сукном, а иногда и обшитый оленьим мехом. Некоторые запасливые люди ухитряются ставить в такую повозку даже маленькую железную печку. Повозка, в которой ехал я, была несколько неудобна для езды на оленях — это была «собачья нарта», т.-е. повозка, приспособленная для езды на собаках. Она уже и ниже оленьей повозки.

Сделали остановку, заехали в юрту к якутам, жившим тут. Напились чаю. Я дал какую-то мелочь хозяевам за хлопоты. Казак, ехавший со мной, запротестовал:

— Зачем им давать? Это у нас не в обычае.

— Но, ведь, мы разбудили их и их ребятишек среди ночи?

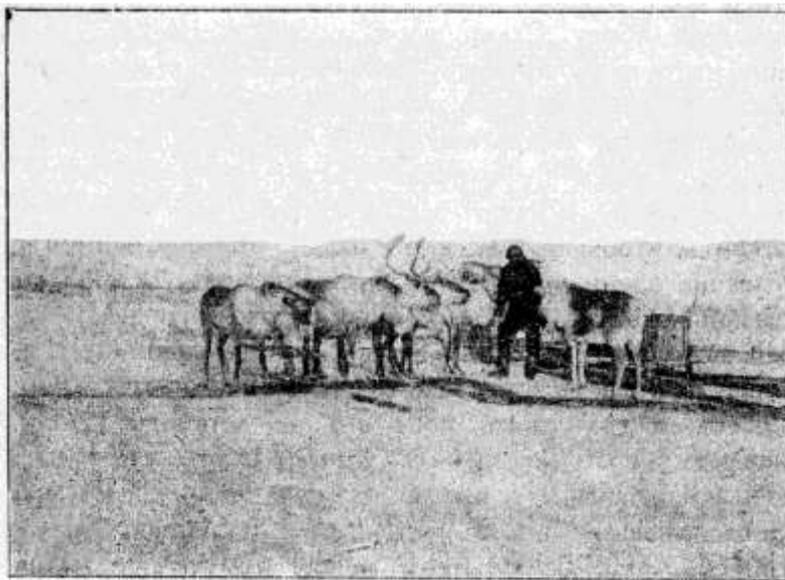
— Вот ещё стесняться с ними!

Едем дальше. Мороз стал крепче, приходится ёжиться. Но вот и станция Балинская, первая от Верхоянска, до которой считается 60 вёрст. Теперь мы проехали это расстояние в несколько часов, а летом ехали чуть не двое суток.

Когда я вылез из повозки, то увидел над горой, около которой стояла станционная юрта, полярное сияние. Гора была довольно

высокая, и поэтому само сияние казалось выше, чем я привык его видеть обычно. Оно было в самом разгаре. Его лучи высоко вздымались, загораясь розоватым огнём. Веяло прекрасным от этой картины. Это было последнее сияние, которое я видел в яркой его форме. Но вот оленей гонят из леса, где они обычно ходят и ищут ягель. Их стадо прибежало к станции: остаётся загнать в загон и выбрать из стада несколько штук. Олень на свободе красивее оленя в упряжке.

Особенно изящны самки оленя — важенки, с их более тонкими, стройными ногами и рогами.

№ 18. Выбрали оленей.

Едем опять. Едем днём и ночью. На станциях остаёмся лишь для того, чтобы переменить оленей и закусить. Там, где оленей приходится ждать долго, варим обед, или, вернее, распускаем свой ледяной суп. Спим в повозках во время езды. После двух суток дороги это уже не казалось трудным. Правда, уснуть было легче днём, чем ночью. По ночам не давал спать мороз. Только начнём забываться, как уже чувствуешь, что зябнут или руки, или ноги. Начинаешь ворочаться, вылезает из повозки, бежишь. Согревшись, завернёшься в одеяло, надеешься уснуть, но не тут-то было. Как будто нет и одеяла, нет всей меховой брони, и чувствуешь, что мороз забрался всюду. Охватывает дрожь, и уже не думаешь ни о чём другом, как только о том, чтобы поскорее добраться до станции. Но станция далеко, а олени устали. Лишь в начале зимы после летнего

отдыха олени бегут очень быстро; в конце же её они измучены, и каюр всё время бьёт их. Он зорко следит, чтобы в передней нарте бежали наименее уставшие олени, и часто перепрягает их. Все нарты связаны одна с другой ремнями, и передняя пара оленей заставляет бежать всех. Но вот какой-нибудь олень не может бежать и падает. Начинается избиение его до тех пор, пока он не встанет. Иногда бывают мерзейшие сцены. С нами ехал один верхоянский купец, который во всех упавших оленях заподозревал лентяев и с каким-то сладострастием избивал их. Любопытен между прочим способ, которым тунгусы — каюры обычно тунгусы — поднимают упавших оленей. Испытав все удары, в том числе самые жестокие, каюр схватывает оленя за ноги и перевёртывает на спину. Животное начинает биться и вскакивает.

Но вот переехали несколько небольших хребтов, с вершин которых» развёртывались грандиозные снежные картины. Впереди нас виднелся Верхоянский хребет, отделявший нас от юга. Хотелось поскорее быть там. Но было ещё далеко.

Наконец задул сильнейший южный ветер, который всё усиливался и усиливался. Мы были уже близко от Верхоянского хребта, и нам надо было проехать через одно из его ущелий. Через это ущелье прорывался ветер, который, как говорят, дует тут всегда; весной он особенно силён. Чем ближе мы были к этому ущелью, тем труднее становилось оленям, которые то и дело останавливались. Наши повозки под напором ветра накренились, и казалось, что вот-вот ветер опрокинет их. Ветер рвал на повозках материю, которой они были покрыты, бил в лицо, и нельзя было спастись от него. С диким свистом он нёсся, залепляя глаза, которые слезились. Лицо горело; то приспособление, которое было у моей куклянки для того, чтобы закрывать лицо, не помогало. Оно всё промёрзло и обратилось из мягкого меха в лёд. Когда наконец показалась станция (Тоен-Терях), олени, несмотря на свою усталость, понеслись. Так привлекателен и мил был сноп искр, вырывающийся из трубы юрты, видневшейся вдали. Так хорошо было раздеться и напиться чаю перед горевшим камельком.

№ 19. В пути.

Теперь дорога пошла по руслу р. Тумары, спускаясь с Верхоянского хребта. Олени бежали легко, перепрыгивая через валуны. Но вот начались места, где недавно на лёд выступала вода. Это были «наледы», которыми покрываются здесь реки в большие морозы, когда лёд трескается и вода выступает через трещины. Скоро образуется новый слой льда, но он тонок и легко ломается. Но там, где лошадь обязательно провалилась бы, лёгкий олень лишь скользит и пробегает эти места сравнительно быстро и легко.

Постепенно стали показываться признаки, что мы выезжаем из полярного круга и въезжаем в иную полосу. Сперва господствовала худосочная лиственница. Но вот начал попадаться кустарниковый кедр, склонившийся и как бы спящий в снегу. Лиственница стала крупнее. На одной из станций я увидел громадные, высокие лиственницы и тополя в несколько обхватов толщиной. Когда я пытался обхватить их стволы и не мог, меня охватила какая-то чисто детская радость. За р. Нерой начали попадаться отдельные мелкие сосёнки. Им я обрадовался, как старым друзьям, с которыми давно не виделся. На станции Сеген-Кель полярная природа подарила, как-бы на прощанье, ещё одной редкой картиной. Был яркий, солнечный, сравнительно тёплый день. Через небосклон веером проходили едва заметные перистые облака. Вокруг солнца был громадный круг с четырьмя ложными солнцами; сверху, снизу и с обоих боков первого круга было ещё четыре круга, также с ложными солнцами. От

боковых ложных солнц через всё небо, параллельно горизонту, шла полоса с слабыми радужными оттенками; на ней помещались ещё три ложных солнца: одно на севере и по одному на западе и востоке. Таким образом всего было 12 солнц, одно настоящее и 11 ложных.

Следующей станцией была станция Сардонах; на ней мы простились с оленями. Хотя и приятно было думать, что дальше уже будет способ передвижения более похожий на обычный, но всё же было жалко расставаться с оленями, которых на севере нельзя не ценить: так велика их польза тут и так они изящны.

Скоро пришлось вспомнить о них с большим сожалением; хотя лошади, которых запрягли в наши повозки, были довольно крупные и по виду сильные, но везли плохо. Они как будто не умеют бегать и идут всё время шагом, делая не более 4 вёрст в час, постоянно останавливаясь. Скучно было ехать на них, — так хотелось поскорее добраться до Якутска, и мороз и все другие неудобства пути успели порядочно надоесть.

Переехав Алданский хребет, мы были уже в «стране озёр», где иная культура и иной вид местности. Мы то поднимались на небольшие холмы, то спускались с них. Между ними то и дело стали попадаться озёра. На склонах холмов рос уже хороший лес, и всё чаще и чаще стали встречаться сосняки и березняки, а потом и ельники. Станционные постройки стали прямостенными; некоторые из них были светлыми и высокими. Самовары уже не были случайным явлением. Встречающиеся якуты были более рослыми, крепкими. Стали то и дело попадаться жилища якутов, и, что особенно радовало, мы увидели признаки пашни: везли солому; потом увидели, как веяли хлеб. Наконец, приехав на одну из станций, я увидел под навесом настоящую телегу с колёсами с железными шинами. Как обрадовала меня эта простая телега! Она говорила мне, что кончено то бездорожье, которое так угнетало; что страна с первобытными условиями уже позади. И ещё сильнее захотелось поскорей быть в знакомой с детства обстановке, а лошади шли так медленно. Но вот, проехав ещё несколько станций, которые уже не представляли собой одиноко стоящих юрт, а были посёлками, мы поднялись на довольно высокую гору, на которой было большое

якутское кладбище с крестами над могилами и с деревьями, увешанными разными жертвоприношениями: тряпками, конскими волосами и т.д., а потом спустились на Лену, широкую и могучую, но скованную льдом. Наши лошади застряли на наледи, из которой выбраться удалось не скоро, отделавшись тем, что наши вещи несколько подмокли.

Ещё тридцать вёрст — и Якутск. Я опустил верх своей повозки и смотрел во все глаза. За каждым пригорком, за каждым леском мне казался Якутск. Я всё спрашивал ямщика и казака:

— Далеко? А это не Якутск?

Наконец вдали показались шесть огней. Это были керосинокалильные фонари¹, видные издалека. Фонари, да такие яркие — это уже высокая степень культуры, и они привели меня в восторг. Наконец-то, наконец!

Но вот мы и на улицах Якутска; по деревянным тротуарам ходит городская публика. Стоят дома с большими окнами и крышей; некоторые из домов каменные. Вдоль улиц идут телеграфные провода. Вот и здание якутского музея, где живёт товарищ, у которого я решил остановиться. Отворяется дверь, и я в обстановке, среди которой чувствую себя в своих комусах, куклянке и заячьих рукавицах медведем, забредшим из леса в гостиную.

№ 20. Якутск.

Это было через девять суток по выезде из Верхоянска.

¹ Теперь в Якутске электрическое освещение.

Невелик и Якутск — в нём всего 12 тысяч жителей, — но после Верхоянска он кажется столицей.

В нём есть телеграф, телефон, 2 библиотеки, музей, общественное собрание, общество приказчиков; в нём выходит газета, — правда, очень плохонькая. Наконец, в Якутске есть бани, и можно было доставить себе наслаждение вымыться как следует.

В Верхоянске приходилось мыться у себя в юрте, так как единственная там баня при больнице после отъезда врача пришла в негодность.

Почта в Якутск приходит 2 раза в неделю.

Всё это такие блага, о которых в Верхоянске нельзя было и мечтать.

Эти блага и самый факт отъезда из Верхоянска создали у меня приподнятое состояние, которое не проходило в первые дни по приезде в Якутск.

Состояние это поддерживалось и разговорами с многими из ссыльных, которых в то время в Якутске было около 200 человек.

Жизнь ссыльных в Якутске — это уже совершенно иное, что жизнь в Верхоянске. Тут возможно многое, что невысказано в Верхоянске, но и здешние условия создают для ссыльных ряд трагедий и мучительных переживаний.

В Якутске мне пришлось пробыть 3 месяца. Всё это время я чувствовал себя, как человек, принуждённый бесконечно долго ждать поезда на какой-нибудь пересадочной станции. Вместе с тем это была переходная ступень к жизни в нормальных условиях.

И общение с товарищами-единомышленниками по взглядам, и возможность наблюдать жизнь якутских жителей, мало чем отличающуюся от обычной провинциальной жизни, и вообще местные условия пробуждали меня и возвращали в обычное состояние.

Иногда какая-нибудь мелочь показывала, что мною приобретена в Верхоянске привычка, отличающая меня от окружающих людей. В апреле месяце в Якутске началась распутица, которая продолжается здесь около 1 месяца. Приходится ждать первого парохода, приходящего в середине мая, чтобы получить письма и газеты. И вот

оказалось, что я мог перенести этот срок лучше, спокойнее, чем другие ссыльные, всё время жившие в Якутске. И вообще я замечал, что у меня выработалось несколько другое отношение ко времени. Сказалось и то опрощение, которое было результатом привычки сокращать свои потребности. Это — безусловный минус, за который я обязан верхоянским условиям.

В Якутске сосредоточиваются все нити, при помощи которых производится эксплуатация крайнего севера и северо-востока. Здесь можно увидеть, куда уходят те колоссальные богатства, которые извлекаются на краю лесов и в тундре мелкими и крупными хищниками. И опять приходилось поражаться «дореформенными» способами и методами, напоминающими самые тёмные времена, к которым прибегают здешние дельцы.

Но в общем в Якутске жизнь несложна; не может она быть очень интересной и у лучшей части ссыльных, и очень скоро становится скучно. Чувствуется и здесь отрезанность от общей жизни. Местная же жизнь не может захватить, особенно если всеми мыслями уходишь далеко от неё.

Те сведения, которые приходили в Якутск из Европейской России, говорили о том, что подъём рабочего движения, а в связи с ним и вообще общественного движения, продолжается, но что ещё не так-то близко то время, когда русская жизнь сможет развиваться нормально. Приходил ряд известий, которые не давали возможности быть уверенным за ближайшее будущее... Таким образом радость от возвращения к жизни не могла быть полной, и это отражалось на настроении.

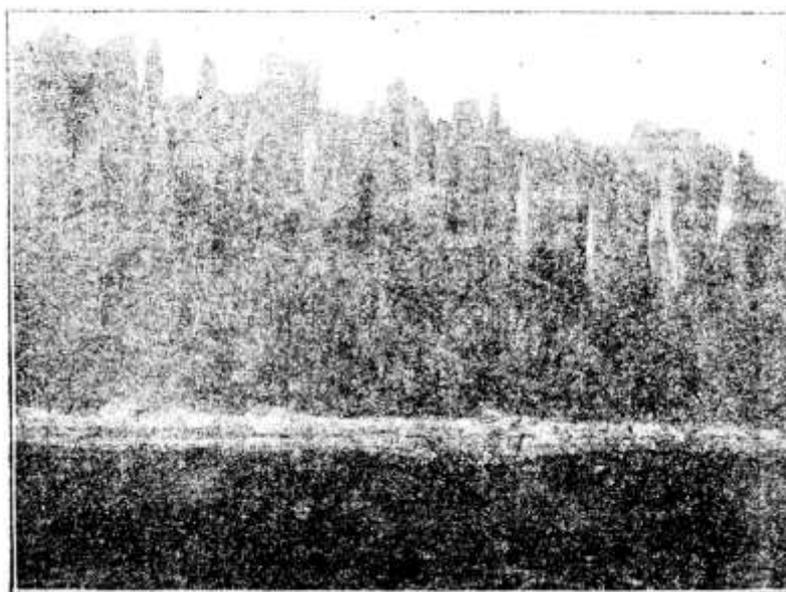
Пришла и прошла весна, здесь более яркая, чем в Верхоянске. Широко разлилась Лена, луга покрылись цветами. 19-го мая пришёл первый пароход.

Начались сборы в новую дорогу. 8-го июня кончилась моя ссылка, а вечером 9-го на пароходе «Тайга» я выехал из Якутска.

Трудно представить себе большее пренебрежение к пассажирам, чем то, с которым к ним относятся на пароходах купцов Готовых. Пользуясь своим монопольным положением, они, взимая непомерные цены, не дают им самых необходимых удобств, и таким

образом длинный путь по Лене для пассажиров 3-его класса обращается в пытку. Грязь, теснота — вот их удел.

Пока пароход шёл по Якутской области, пассажирами третьего класса были якуты и объякутившиеся русские. Странно было смотреть на последних. Внешний их вид мало чем отличался от обычного вида русского крестьянина, но все они говорили по-якутски, а многие совсем не знали по-русски. И тут побеждёнными оказались победители.

№ 21. «Столбы» на р. Лене.

Проехали знаменитые «Столбы», тянущиеся по Лене на несколько десятков вёрст, с их причудливыми сочетаниями скал, напоминающих замки и храмы. Проехали с. Нохтуйское, границу Якутской области, где есть таможня и производится таможенный осмотр. Началась Иркутская губерния, и через несколько дней наконец кончилась и эта часть пути.

От с. Жигалова до Иркутска едут на лошадях. Здесь новые мытарства, создаваемые опять тем же пренебрежением к частному человеку и личности.

Но вот наконец и Иркутск.

На протяжении этих четырёх тысяч вёрст от Верхоянска до Иркутска длинной вереницей одно за другим мне встречались места ссылки. И всюду я видел людей, измученных долгим сиденьем в тюрьмах, ненормальными условиями жизни в разных улусах, деревнях и городишках. Все они, вытолкнутые из жизни, рвались к

ней и тратили свою энергию не на то, к чему они готовились долгие годы, а на случайную работу, иногда притупляющую их ум и способности. Может быть некоторым из них и удалось добиться внешнего благополучия, но зато какое громадное число изломанных жизней, трагедий, разрушенных надежд.

И когда я наконец сел в вагон железной дороги и прислушивался к разговорам окружавшей публики, передо мною опять вырисовывалась эта бесконечная вереница людей, закинутых в леса и болота Сибири вплоть до полюса холода и Ледовитого океана, все ждущих и надеющихся на настоящую жизнь. Вспомнились разбросанные по всему этому пространству могилы загубленных.

А поезд бежал мимо дремучей тайги, мимо болот, мимо гор и рек Сибири.

Вспомнились те проклятия, которые посылаются им их невольными жителями.

И опять, как в Верхоянске, мне слышалось:

— Не мы виноваты, а люди: их проклинайте!

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Книгоиздательство «КОММУНИСТ»

МОСКВА

Сретенка, угол Рыбникова прс., д.
8. Тел. 4-70-18; 3-15-00

ПЕТРОГРАД

Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10.
Тел. 2-27-42

Москва 1919

OCR ©Андрей Дуглас